

БОРИС САПОЖНИКОВ

ШАГ В НЕБЕСА

Annotation

Роман о мире, похожем на наш, но всё же ином. Роман о человеке, всеми силами бегущим от войны, но не так и не убежавшем от неё. Роман о прогрессе и о его плодах, которые он несёт людям.

Борис Сапожников

Шаг в небеса

Бесконечность. Это слово лучше всего подходило к нашей жизни. Если прозябание можно назвать жизнью. Конечно, с одной стороны нам, летунам, грех жаловаться. Мы не гнили в ледяных окопах, как пехота. Нас куда лучше кормили. За каждый вылет наливали по рюмке чего-нибудь крепкого. Но... война доканывает всех. Не важно, где ты находишься: в гнилой траншее или на относительно чистой постели. Когда, просыпаясь, осознаешь, что вполне можешь и не увидеть заката, это выматывает намного сильнее даже самой тяжёлой рутинной работы.

— И что у нас сегодня? — вяло поинтересовался кто-то из Второй эскадрильи. Их мы почти не знали: большая часть Второй погибла в жестоких боях за небо Нейстрии, и им на смену прислали совсем ещё мальчишек. Выдавить оттуда нейстрийцев и их союзников нам удалось, но цена оказалась высока. Быть может, слишком высока. Нам давно уже не хватало всего: пилотов, машин, запчастей, даже патронов.

— Погоди до инструктажа, — отмахнулся комэск Александер, один из немногих, кому удалось выйти живым из тех боёв. — Не рвись в небо раньше времени.

— При всём моём уважении, господин капитан, — насупился юный летун, — мы именно за этим сюда и прибыли.

— Согласен, молодой человек, — вздохнул Александер, — но и торопиться воевать не стоит. Уж поверьте моему опыту.

— Позвольте осведомиться... — начал было юноша, явно из благородных и, скорее всего, древних кровей.

— Позволю, — не слишком вежливо перебил его комэск. — Я на войне с двадцать второго года.

— Чёрт побери... — сдавлено прошипел сидевший рядом с благородным и древних кровей юношей парень, явно попроще. — Да мы же тогда ещё в гимназию ходили. В первый класс.

— Вот и извольте довериться моему военному опыту, — в устах комэска приторная вежливость звучала просто издевательски.

Александер не был благородным, именно поэтому выше капитана ему не подняться. Уж так заведено у нас на родине. Военной службой можно выслужить только рыцарство, но никак не дворянство. А значит, что даже командантских эполет Александеру не получить никогда. Сколько нейстрийцев и их союзников не сбей. И сколько бы орденов ему на грудь не повесили командующие-дворяне, а то и сам кайзер.

Быть может, поэтому Александер и недолюбливал дворян. Особенно столь ретивых и вежливых, как этот болтун.

В общем, завтрак нам Вторая подпортила. Не то чтобы сильно, но всё-таки. Как известно, дурное начало дня — верный путь на тот свет. Надеюсь, что не для меня.

Мы поспешили завершить трапезу и вышли из столовой раньше летунов Второй. Тоже суеверие, но жизнь летуна располагает к ним очень сильно.

Прошли привычной дорогой мимо коричневых корпусов надстроек нашего небесного корабля класса «Левиафан». Уже несколько месяцев он не поднимался с земли. С тех самых пор, как нейстрийцев выбили из очередной провинции их королевства. Экипаж скучал, ухаживая за воздушным линкором, как за громадным капризным питомцем. Матросы и

офицеры редко попадались нам на глаза, пропадая во внутренних помещениях «Левиафана». Исключением был только обслуживающий аэропланы персонал. Но к ним экипаж относился почти с откровенным презрением. Равно как и ко всем, кто не входил в придуманную ими же элиту. Нас хотя бы относительно уважали — за почти безумную смелость. Сражаться не за бронёй небесных гигантов, а в кабинах лёгких аэропланов — по их мнению, это было чистой воды самоубийством.

Вытянутую посадочную полосу видели лишь мельком. Как обычно — торчат ровные ряды хвостов наших «Альбатросов», украшенных имперским орлом с молниями в лапах. Зарядные шнуры, тянущиеся от двигателей под палубу линкора, видно не было.

Мы вошли в основную надстройку «Левиафана», где проводились все инструктажи перед вылетами и разборы полётов. Расселись на жёстких стульях перед вроде бы совершенно неуместной тут кафедрой. За ней уже стоял наш комполка отчего-то в парадной форме и при всех регалиях. Даже шпагу прицепил. И это было удивительно. Наш командир, даром что благородный из благородных, всё-таки настоящий летун. Лишнего «шику-блеску» не любит. Значит, сегодня какой-то особенный день.

Я перебрал в памяти все известные мне даты, включая почти забытое тезоименитство нашего императора и кронпринца. Выходило, что до них ещё далековато. И настроение у меня, и без того подпорченное перебранкой в столовой, упало окончательно. Похоже, что не у меня одного.

— Господа авиаторы, — официальным тоном произнёс комполка, — я собрал вас здесь и сейчас, чтобы сообщить о том... — Короткая пауза, будто он собирается с духом. — Сообщить о том, что война, которую вела Дилеанская империя, против многочисленного и коварного врага, закончена.

— Мы победили? — спустя несколько минут наконец раздался чей-то голос. Кажется, того самого дворянина, что препирался с капитаном Александром в столовой.

— Подписано перемирие, — коротко ответил комполка, — и дипломаты готовят большой мирный конгресс. Он положит конец этой бесконечной войне.

Обычно, войну называли победоносной, но комполка всегда был с нами честен.

Да и стоит ли врать тем, кто воюет в небе не один год?

Летать в парадной форме мне ещё ни разу не приходилось. И кто такой умный придумал, что наши аэропланы приземлятся прямо перед светлы очи кайзера и чуть ли не всей его фамилии. Да ещё после этого эффектно так покинуть кабины — и отдать честь. Естественно, предстать перед кайзером в лётных комбинезонах из «чёртовой кожи» и без наград герои-авиаторы не могли.

Вот и придётся поднимать в воздух новенькие «Адлеры», которые ни разу не бывали в бою, не надевая удобных комбезов, оставаясь в свежешитой парадной форме. В «Адлерах» даже имелись специальные зажимы для шпаги. Гвардейские машины, как-никак. Хотя, наверное, только на парадах дворяне могли себе позволить взять с собой в небо родовой клинок. Слишком велик риск расстаться с ним навсегда. Ведь покинуть горящий аэроплан очень непросто, а уж прихватить ещё и шпагу.... Времени на это просто нет. Это первое, что объясняют летунам-гвардейцам, когда те приходят на войну.

Точнее приходили. Война-то уже три месяца как закончилась.

— По машинам! — раздалась команда. — И чтоб молодцом мне!

Я забрался в непривычную кабину. Быстро окинул взглядом приборы. В общем-то, особых отличий от кабины «Альбатроса» нет. На репетициях управлялся с машиной — и на

параде не подкачаю!

Техники отсоединили шнуры питания. И аэропланы в строгом соответствии с ордером устремились в небо. «Адлеры» были немного тяжелее «Альбатросов», разбег у них длинней. Покачивая крыльями, мой биплан точно у белой отметки оторвался от идеально ровной взлётной полосы. Я пристроил его в хвост машине, летящей впереди. Теперь предстояло пройти над головами больших генералов с золотыми эполетами на чёрных мундирах. Сделать пару фигур не особенно-то и высшего пилотажа — в бою приходилось куда сильнее крутиться. И приземлиться, как положено по сценарию, пред светлы очи кайзера и августейшей фамилии.

Наша сводная эскадрилья, собранная из пилотов разных полков и даже групп армий, всё сделала чётко. На слётывание у нас было достаточно времени — для опытных авиаторов, конечно.

Под нами шагали солдаты, тоже из разных полков. Никто из них и бровью не повёл, даже когда мы проходили едва ли не над самыми их головами. Ветер чуть фуражки не посрывал. За колоннами солдат следовала техника. Пулемёты противоздушной защиты воинственно торчат вверх. Кинешь на них взгляд — и нет-нет, да сердце ёкнет. Слишком памятны ещё длинные очереди нейстрицев, что могли просто разрубить аэроплан прямо в воздухе.

И вот он — балкон с императорской фамилией. Наш пожилой кайзер стоит с поднятой рукой — приветствует солдат и офицеров. Цесаревич в форме лейб-гвардии Кирасирского полка подражает ему — учится быть правителем. Младшие принцы глядят во все глаза. Детям ещё интересны подобные зрелища — ещё не успели надоест. На лицах у дам одинаковые улыбки. В общем, практически парадный портрет, а не живые люди.

Мы опустили машины перед балконом в том же порядке, что и поднимали. Выскочили из кабин. И вот тут-то и было самое сложное. Шагистике нас никто не учил. Одновременно выскакивать — это для нас труднее всего. Но ничего — справились. Разом вскинули руки к пилоткам. Щёлкнули каблуками.

— Приветствую вас, — дежурным тоном произнёс кайзер, — отважные пилоты Империи.

— Здравия желаем, ваше величество! — браво рявкнули мы.

И вот именно в этот момент я окончательно понял — война закончилась.

— Вот значит, говоришь, видал кайзера, вот прямо, как, говоришь, меня? — манера говорить Якоба меня раздражала. На одно-два слова по делу у него приходилось вдвое больше паразитов.

Я, конечно, не образец в плане чистоты речи, но для меня это был явный перебор.

— Говорю же, — кивнул я, — как тебя. Разве что чуток подальше. Он на балконе стоял. Со всей семьёй.

— Это ты своему мальчишке заливай, — рассмеялся, продемонстрировав редкий забор зубов, Якоб. Приложился к кружке пива, с шумом вылебав её до дна.

Старина Якоб был моим хорошим приятелем. Несмотря на манеру речи. Он был почтарём с хорошим стажем. Во время войны он летал на быстром «Стриже», развозя приказы командования на передовую — в группы армий. Как и я, Якоб совсем не любил разговаривать о войне. А вот о своих многочисленных до- и послевоенных приключениях очень даже. Особенно о почти мифической дружбе с самим Виконтом. Даже какие-то снимки показывал, на которых они стоят вместе. Вот только разобрать на затёртых карточках лица было практически невозможно.

— А я вот тебе ни в жисть не поверю, — со смехом Якоб поставил кружку на стол перед собой. Подумал и снова потянулся к бочке.

Громадная бочка с пивом всегда стояла в углу ангара, который мы с Якобом снимали на двоих. Старина-почтарь был готов занять у меня денег для оплаты аренды, лишь бы в бочке его всегда было пиво.

— Да мне-то что? — пожал плечами я.

Этот разговор между нами происходил не меньше двух, а то и трёх раз в неделю. Якоб просил меня рассказать о параде в честь окончания войны. Я — рассказывал. И он всякий раз говорил, что никогда не поверит, что я видел кайзера «вот прямо, как, говоришь, меня».

— Говорят, большой почтовый аэроплан выходит завтра утром, — сменил тему на более насущную Якоб. — Вылет перенесли — и сейчас компания «Турн-и-Таксис» лихорадочно ищет сопровождение.

— А почему вылет перенесли? — вяло поинтересовался я.

— Да бог его... — пожал плечами Якоб. — Наверное, груз срочный им подкинули или ещё что... Какая разница тебе? За срочность доплата у «Турн-и-Таксис» всегда отменная.

— Такие заказы чреватые дракой, а на моей «Ласточке» пулемётов нет.

— За аэропланами «Турн-и-Таксис» охотится сам Чёрный Буковски, — заметил оторвавшийся от возни с мотором моей «Ласточки» Клаус. — Наверное, поэтому компания и набирает летунов для сопровождения их почтового аэроплана.

— Тем более, не стоит браться за это, — подтвердил я.

Даже если слухи о конфликте между почтовой компанией и воздушным пиратом были только слухами, мне не хотелось ввязываться в это дело. Крайне сомнительное. Ведь никакой форс-мажор не может не вести к самым негативным последствиям. И мне совсем не хотелось, чтобы они добрались до моей скромной персоны.

— Но деньги нам нужны, — напомнил Якоб. — За аренду надо платить. И пиво кончается.

— Ты мне и так должен, Якоб, за твоё чёртово пиво. Это почти половина моей доли

арендной платы.

— А вторая половина у тебя уже есть? — Тон старого почтаря просто исходил ехидством.

— Заработаю, — отмахнулся я с совсем уж наигранной беспечностью. В неё, наверное, даже Клаус не поверил.

Кстати, парнишке мне тоже надо платить. И срок совсем скоро. Он, конечно, ни за что не станет напоминать мне. Но и ему деньги нужны не меньше моего. А расставаться с талантливым механиком я совсем не хотел. Без него мне бы ни за что не поднять в воздух ту рухлядь, которая звалась «Ласточкой».

— И где ты планируешь их зарабатывать? Только не говори, что снова подашься к тем сумасшедшим. Они ведь когда-нибудь нарвутся по-настоящему. Ребята из Блицкрига шуток не понимают. Они стремительно наращивают военную мощь. Скоро под видом борьбы с «воздушным пиратством во всех его проявлениях», — процитировал Якоб Небесную конвенцию, — они вторгнутся на территорию Империи.

— Кайзер этого ни за что не допустит! — решительно заявил Клаус. — А наш флот превосходит блицкриговский!

— Это только пока. — Якоб был из вечных пессимистов, но я тут был готов скорее согласиться с ним. — И продлится это недолго. Помяни моё слово, юноша, новая война не за горами. И развяжет её именно Блицкриг. А сумасшедшие из Чёртова жерла ему только помогают в этом.

— Китобои... — протянул я, словно пробуя это слово на вкус.

Якоб не зря их называл сумасшедшими. Ребята сначала жили охотой на небесных гигантов — китов и кашалотов — ради жира и мяса. Во время войны этим удавалось неплохо зарабатывать. Имперские интенданты закрывали глаза на происхождение припасов. Но после войны дела их пошли не так славно. Демобилизация привела к появлению множества рабочих рук, которых так не хватало в сельском хозяйстве. И вскоре спрос на мясо сильно упал. Охотиться на китов и кашалотов стало не просто невыгодно. Охота приносила китобоям теперь одни убытки.

И тогда они начали охотиться совсем на других китов. На корабли Блицкрига. Стремительный налёт. Боевой корабль за несколько секунд опутывали прочнейшие тросы. И начинался абордаж. Грабили быстро и временами беспощадно. Какие уж там счёты были у вожakov Китобоев с отколовшимися от Империи после войны провинциями, никто толком не знал. Зато все догадывались о негласной поддержке, которую оказывал им кабинет Адальгринна.

— Нет, ты как знаешь, — подвёл итог Якоб, — а я бы ни за что не согласился работать с Китобоями. Особенно с их сумасшедшим командором. Да у него крышу ещё до войны снесло. По мне, так надо быть полным безумцем, чтобы охотиться на небесных китов. Даже ради тех барышей, что они получали во время войны.

— А я всегда считал психами почтарей! — раздался зычный голос.

Мы обернулись к входу в ангар. В дверях его стоял здоровенный детина хорошо за сорок. Со щетиной на лице. Торчащими воинственно — на зависть многим воякам — усами. И копной вечно нечесаных волос. Одет он был в рабочий комбинезон, что делало его мало отличимым от любого труженика одного из множества заводов. Только кепки не хватает и одежда уж очень чистая. Ну, и ботинки лётные — высокие со шнуровкой. Такие входили в форму нейстрийских летунов — и ценились по обе стороны линии фронта.

Я неплохо знал этого человека, хотя работал с ним всего дважды. Разведчиком в его налётах на броненосцы блицкрига. Это был тот самый «сумасшедший командор» Китобоев. Как будто узнал о том, что мы говорим о нём — и явился.

— Эй, вы там, — махнул он за спину, — тащите кегу! Да пошевеливайтесь! А то эта старая пивная бочка опустеет скоро!

— Кто это тут старая пивная бочка, — начал было подниматься со стула Якоб. — Да ты, зараза такая, пил всегда в десять раз больше меня. А теперь, верно, так и в двадцать!

— Что у тебя за дело к нам, Бронд? — поинтересовался я.

При этом даже не предпринял попытки поймать Якоба за рукав и усадить обратно. Будь почтарь на самом деле разозлён, он бы сразу швырнул в китобоя кружкой.

— А с чего это ты решил, что у меня дело к вам обоим? — громогласно пробасил командор, садясь на третий стул, жалобно скрипнувший под его немалым весом.

Его ребята тем временем вносили в ангар основательную металлическую кегу. О содержимом её догадаться было проще простого.

— С того, — решительно заявил я, — что ты решил сходу подкупить Якоба. Почтарь тебе вряд ли так уж нужен. Только вместе со мной. Выходит, дело у тебя, скорее всего, к нам обоим. И давай без лишних реверансов, Бронд. Что за дело?

— Всегда любил с тобой работать, — усмехнулся китобой, делая своим людям жест. Те поставили кегу рядом с якобовой бочкой, и отошли подальше от нашего стола. Однако из ангара не ушли. — Ты сразу к делу переходишь, и слов не тратишь зря.

— Военный летун, — бросил Якоб так, будто это что-то объясняло. Хотя для прошедших войну — на самом деле объясняло. Едва ли не всё.

— Знавал я и болтливых вояк, — пожал плечами Бронд. — А вот что мне в тебе очень не нравится, так это то, что ты почти всегда оказываешься прав. В общем, у меня дело к вам обоим. Ты, Готлинд, нужен мне как разведчик, а ты, Якоб, для связи с моим союзником.

— Я втёмную не работаю, Бронд, — тут же заявил я.

— Сейчас придётся, — отрезал тот. — Пока не согласитесь работать со мной, и не поднимитесь на борт «Пилигрима», я не расскажу ничего о сути дела. Могу только озвучить награду.

— Златые горы и море пива? — расхохотался глядящий на новенькую кегу чуть ли не с вожделением Якоб.

— Лучше, — ответил Бронд. — Вы ведь уже слышали о компактных антиграввах, верно? Мощностей Чёртова жерла вполне хватит для того, чтобы поставить такие на ваши аэропланы.

— И мы станем счастливыми обладателями безразгонников, — протянул я, будто пробуя на вкус последнее слово.

Это было бы просто королевской щедростью. Антигравитационные приводы использовались уже довольно давно. Однако был у них один, но очень существенный недостаток. Слишком много места занимали. Хоть и мощные были — могли поднимать в воздух линкоры и броненосцы водоизмещением в десяток тысяч тонн — вот только места занимали слишком много. Были попытки делать аэропланы с антиграввами, но они оказывались слишком велики. И потому разработки эти были закрыты до лучших времён. А если быть точным, то до конца войны.

И вот спустя полтора года после её окончания какой-то гениальный — иначе не скажешь — инженер изобрёл-таки компактный антиграв. Подобные приводы ставили на

аэропланы, получившие название безразгонников. Кроме того, почти каждое государство начало разрабатывать аэропланы, рассчитанные именно на антиграв. Кто станет первым в этой гонке, тот может надолго оказаться лидером в небе.

— Мне даже страшно представить себе, что ты за это захочешь от нас, — вздохнул я.

Предложение было заманчивым. Чертовски заманчивым. Быть может, даже слишком. И мне бы очень хотелось представлять себе, во что ввязываюсь, прежде чем давать ответ. Однако и Бронда я отлично понимал. Подобные предложения не терпят лишних ушей. Делиться сутью дела до прямого и чёткого ответа он точно не станет.

Я достал из кармана монету. Мой последний полновесный серебряный дил. Глянул на Якоба. Тот только кивнул.

— Орёл — соглашаемся, — сказал я Бронду, — решка — ищи других летунов.

Я щелчком отправил монету в полёт. Мощная, покрытая жестким чёрным волосом ладонь перехватила её в полёте. Сжалась в кулак.

— Предпочитаю держать удачу в руке, — коротко бросил Бронд. — Решай.

В этот раз я на Якоба коситься не стал. Мне всегда нравился этот сумасшедший блеск в глазах. Как можно отказать этому безумцу, когда он сулит тебе куда больше золотых гор и целого моря столь обожаемого Якобом пива.

— Готлинд, — напомнил о себе Клаус, — вы ведь возьмёте меня с собой?

Бронд обернулся к нему вместе со стулом. Смерил молодого механика взглядом.

— Хочешь разузнать секрет компактного антиграва? — угрожающим тоном поинтересовался командор. — А ты знаешь, сколько крови пролилось за него? Сколько жизней пришлось отдать за то, чтобы получить эту технологию? Сколько сил мы потратили...

И тут я всё испортил. Не удержался. Прыснул в кулак. А потом рассмеялся в голос. Быть может, для Клауса актёрского таланта Бронда ещё хватало, но мне лично даже со спины было видно, что он банально издевается над парнем.

— Без Клауса не полетим, — поддержал меня Якоб. — Он знает наши «птички» куда лучше нас. И кегу пусть тащат обратно на твой корабль. Я её тут оставлять не собираюсь.

— На «Пилигриме» тебя ждёт ещё одна, — отмахнулся, снова оборачиваясь к нам, командор китобоев. — А эту выпьешь за моё здоровье, когда вернёшься.

Бронд поднялся со стула. Швырнул мне обратно мой серебряный дил. Тот упал в подставленную ладонь решкой.

Я сжал кулак, выбросив из головы все суеверия.

«Пилигрим» явно был военным кораблём. Многочисленные конвенции о борьбе с пиратством в небе запрещали гражданским лицам иметь их в собственности. Но настоящим пиратам на это было, конечно же, наплевать. Достаточно было задрать порты. Ну, и внести некую сумму в карман начальника порта.

Также поступил и командор китобоев. Его «Пилигрим» стоял на приколе, покачиваясь, прикованный к кнехтам толстыми цепями.

Наши аэропланы грузили на борт его. Упакованными в здоровенные контейнеры без маркировки. Мы следили за погрузкой, прежде чем подниматься самим. Контейнеры зацепили тросами и потащили по широким трапам. Несколько человек контролировали процесс, отважно шагая по трапу, сверзившись с которого рисковали свернуть себе шею.

Наконец, оба контейнера скрылись в объёмном трюме «Пилигрима». Теперь и мы могли подниматься на борт со спокойной, как говорится, душой.

Провожал нас сам Бронд. Уже один. Те ребята, что тащили кегу для Якоба, взяли на себя погрузку аэропланов на борт корабля.

— Во время вашего отсутствия на борту никаких происшествий не было. Докладывает старший офицер Вамонд.

Как только командор сошёл с трапа на палубу, перед ним тут же нарисовался молодой человек в имперском мундире без знаков различия. Он только что честь Бронду не отдал.

— Ты когда свои военные привычки бросишь, Вамонд? — вздохнул Бронд. — Раздражает же...

— Никогда не брошу, — упрямо наклонив голову, ответил старший офицер «Пилигрима». — Без этого не будет на борту никакой дисциплины.

— Покомандуй пока за меня, — махнул ему рукой командор. — Мне надо ещё с гостями поболтать.

— Есть принять командование, — чётко выпалил Вамонд.

Командор китобоев снова вздохнул. Похоже, в этот раз его эмоции не были наигранными.

Изнутри «Пилигрим» как раз мало походил на военное судно. Несмотря на все усилия старшего офицера Вамонда, дисциплина тут явно хромала. Конечно, металлические детали были чисты от ржавчины, но и не блестели, как положено. Палуба под нашими ногами тоже не удовлетворила бы ни одного офицера военно-воздушного флота. Даже нейстрийского, как бы мы над ними не смеялись во время войны. Называли их корабли грудями хлама и мусора.

— Знаешь что, юноша, — обернулся на ходу к Клаусу Бронд, — а ступай-ка ты сразу на инженерную палубу. — Он похлопал по двери лифта. — На нём ты сразу туда и попадёшь. Скажешь там, что от меня.

— Верно, — кивнул молодому человеку я, — проследи, как тут устроили наши аэропланы.

Клаус недоверчиво покосился на нас, однако всё же спорить не стал. Вызвал лифт. Мы же отправились дальше.

Каюта капитана просто дышала домашним уютом. Собственно, она никак не изменилась с моего прошлого визита. Хотя я был тут больше года назад. Тот же мягкий ковёр, по которому так и хочется пройтись босиком. Маленький столик, ничем не

заваленный — ни картами неба, ни пустыми стаканами и бутылками. На него командор китобоев любил закидывать ноги, когда усаживался в кресло. И вряд ли за два года он изменил привычке. Бар-глобус с белым орлом Блицкрига, захваченный на крейсере «Мёртвая голова». Крышка откинута, демонстрируя всем внушительную батарею бутылочных горлышек.

— Пользуйтесь, — махнул в сторону глобуса Бронд, — у меня без церемоний.

Сам он развалился в любимом кресле, конечно же, закинув на столик ноги.

Я предпочитал всегда обсуждать дела на трезвую голову. А потому сел на один из трёх стульев, поставив его прямо напротив брондова кресла. Якоб же, ничтоже сумняшеся, отправился к бару и принялся звенеть бутылками.

— Раз ты отослал Клауса, — начал я, понимая, что Бронд первым говорить не желает пока, — значит, не хочешь впутывать его в это дело. И правильно. Я так понимаю, что мне лучше бы тоже не ввязываться в него.

Как-то совсем не к месту вспомнилась «решка».

— Погоди немного, Готлинд, — покачал головой Бронд. — Вамонд уже отправил людей за нашим гостем. Без него рассказ будет неполным. Да и невежливо начинать как-то.

Гостя ждали минут пять, не больше. Якоб успел отыскать в баре-глобусе бутылку пива. Почтарь плюхнулся на стул рядом со мной, сделал пару глотков. И тут дверь отворилась, и через порог переступил очень хорошо знакомый мне человек. Даже слишком хорошо знакомый. Если, конечно, слухи о нём не врут.

В чёрном кожаном плаще, жилетке, белой рубашке и белом же шарфе, плотных штанах и нейстрийских лётных ботинках на пороге стоял бывший капитан Военно-воздушного флота Империи Александер. А ныне, если, конечно, верить тем же слухам, начальник лёгкой авиации в частной армии пиратов Чёрного Буковски.

Якоб сделал несколько шумных глотков, допив пиво.

— Теперь у меня столько вопросов к вам, — вздохнул я, откидываясь на деревянную спинку стула, — что лучше я для начала выслушаю вас.

Надо было доверять монете. Надо было! Ведь ещё ни разу ничего хорошего не вышло, когда я шёл наперекор суевериям. И это дело исключением не стало.

— В общем, так, — усевшись между нами, начал Александер, — Буковски заключил временный союз с китобоями. А если уж быть совсем точным, то нас обоих нанял, через множество посредников, естественно, едва ли не сам Адальгрин. Компания «Турн-и-Таксис», как я понял, сейчас под подозрением. Однако официального расследования против них пока не начато. Вот поэтому Адальгрину понадобились китобои и армия Буковски. Вы, наверное, уже знаете, что «Турн-и-Таксис» отправила большой аэроплан и набирает для него соответствующий эскорт. Однако о том, что навстречу ему со стороны Блицкрига летит флотилия во главе с линейным крейсером «Дерфлингер», вам, скорее всего, неизвестно. Их задача проводить аэроплан «Турн-и-Таксис» до ближайшего аэродрома. Наша задача, как вы понимаете, не дать им сделать этого. И лучше всего, конечно же, будет перехватить аэроплан. Действия китобоев, атакующих корабли Блицкрига, станут отвлекающим маневром. К тому же, тебе и твоим ребятам, Бронд, предстоит задержать эскадру на несколько часов.

— Было бы это так легко сделать, как ты говоришь, — невесело усмехнулся командор, сложив руки на груди и закинув ногу на ногу. Ему явно не нравилась идея драться против эскадры блицкриговцев. Ведь у него и его людей был опыт сражения против отдельных

судов, максимум — невеликих групп эсминцев или сторожевиков; а тут настоящий воздушный бой. Готовы ли его люди к нему? Вряд ли, Бронд мог дать однозначный ответ.

— Ничего, — махнул ему Александер, — если совсем прижмёт, смело пускай красную ракету. Крейсер «Навара» и авианосец «Георг» поддержат тебя. На палубе «Георга» не меньше полусотни аэропланов. Уж с их-то помощью справитесь.

— Постараюсь, — пожал плечами Бронд, и спокойствие его было не менее наигранным, чем злость, с которой он накинулся на Клауса у нас в ангаре.

— А какая роль в вашем плане отводится нам с Якобом? — поинтересовался я.

— Якоб — почтарь, — высказал очевидную вещь Александер, — он будет осуществлять связь между китобоями и флотом моего командира. А ты, Готлинд, был отличным боевым пилотом, я бы хотел, чтобы ты присоединился к моей эскадрилье...

— Я тебе в прошлый раз сказал нет, — отрезал я, не слишком вежливо перебив фронтowego товарища, — и это решение окончательное. И обжалованию не подлежит — как в Высшем суде^[1]. Я покончил с войной, когда уволился из флота. Мне её хватило вот так. — Я провёл ребром ладони по горлу. — Нахлебался.

— А я вот на фронте окончательно стал человеком войны, — усмехнулся Александер. — Увольняйся — не увольняйся, а она меня не отпускает. Нет мне больше места в мирном небе. Я и летать-то учился уже в военном...

Александер был из первого набора неблагородных в лётную школу. Слишком уж велики оказались потери среди авиаторов. Даже в первые годы войны, когда на аэропланах ещё не ставили пулемётов. Тогда использовали более примитивное оружие, вроде подвешенных под брюхом гирь или абордажных «кошек», наподобие тех, что все видели в фильмах про пиратов — не воздушных, а ещё морских. Другие палили друг в друга из револьверов, траншейных дробовиков и даже мощных охотничьих ружей. Да и срок обучения пилотов сильно сократился — из-за всё возрастающей потребности фронта. Вот и пришлось благородным господам поступиться кое-какими фамильными привилегиями, среди которых была и монополия на обучение лётному делу.

— Я тоже учился летать во время войны, — пожал плечами я, — но мирное небо мне нравится намного больше.

— Значит, будешь у меня разведчиком, — встрял Бронд, отлично понимавший, что наша с Александером перепалка вполне может затянуться. — Мои ребята, конечно, хороши в налётах и абордаже. Но без хорошего разведчика им будет тяжело.

Мне почему-то отчаянно захотелось швырнуть злосчастную монету в лицо Бронду. А ещё столкнуть его ноги со столика — и водрузить на него свои ботинки. Благо, сидел недалеко.

С такими делами, лучше уж сразу прыгнуть с борта «Пилигрима». Отправиться в последний полёт. Слишком уж мало шансов выжить у нас с Якобом. Даже если дело завершится удачно. Не оставляют в живых свидетелей таких вот дел.

Этими соображениями я откровенно поделился с Брондом и Александером.

— За вами-то хоть сила стоит, — добавил я. — И с Буковски, и с твоими китобоями справится не так просто. Даже имперское командование трижды задумается, прежде чем атаковать вас. А вот с нами покончат легко и быстро. Были два летуна — и нету их. Никто и не вспомнит.

— Верно, — не стал кривить душой Александер, — да и нас с китобоями прижали очень сильно. Иначе ни Буковски, ни вон Бронд не стали бы ввязываться в это дело.

Слишком уж высоко летают те, кто вышел на нас. Вот только, Готлинд, если мы откажемся — нас точно уберут. А раз согласились, есть время и возможность ещё хоть как-то потрепыхаться.

И тут с ним спорить было тяжело.

— Кстати, — картинно хлопнул себя по лбу Бронд, — совсем забыл сказать. Ведь на ваши аэропланы уже монтируют антигравы! Так что считайте, что работаете по полной предоплате.

Новость была, конечно, хорошей. Только маловато её одной было, чтобы хоть немного исправить настроение лично мне.

Якобу, видимо, тоже. Потому что он поднялся на ноги и снова направился к бару-глобусу. И в этот раз вряд ли за пивом.

Я наблюдал за тем, что творят с моей «Ласточкой», и сердце временами просто кровью обливалось. Пусть и рухлядь почти, но всё же за те несколько лет, что я провёл в его кабине, аэроплан стал мне почти как родной. Я ведь купил его на невеликие деньги, полученные в имперской канцелярии после увольнения с военной службы. На что-то поприличней их просто не хватило, а ввязываться в кредит мне вовсе не хотелось. Полжизни работать «на дядю» у меня никакого желания не было.

И вот теперь я смотрел, как пятеро техников курочат «Ласточку». Они уже сняли верхние крылья и сейчас возились с нижними. Двоих я почти не видел — только их ноги торчали из-под днища аэроплана. И, кажется, на одном из них были хорошо знакомые мне потрёпанные ботинки Клауса. Рядом с ними стоял внушительных размеров деревянный ящик с инструментами, а чуть поодаль — контейнер без маркировки. Интересно, это и есть тот самый компактный антиграв, о котором в последнее время столько разговоров?

Я безропотно наблюдал за превращением «Ласточки» в безразгонник. Взбеленился только однажды. Когда пара дюжих ребят подтащили к аэроплану завёрнутый в промасленную ткань пулемёт. Они уложили его перед носом «Ласточки», развернули ткань. Внутри оказался новенький блицкриговский пулемёт.

— Нет, нет, нет! — вскричал я, сам не заметив, как подбежал к техникам. — Никаких пулемётов на моём аэроплане.

— Да ты что, с ума сошёл?! — загородил мне дорогу здоровенный бритоголовый дядька в перепачканном машинным маслом комбинезоне. — Тебя на военную операцию подрядили, а ты от пулемёта отказываешься.

— Никакого оружия, — резко отмахнулся я. — Я тут только разведчик — и пулемёты мне не нужны. Это понятно?

Здоровяк-техник вытащил из кармана сигару под стать фигуре. Сунул её в зубы, но только пожевал — прикуривать не стал.

— А мне про тебя говорили, — несколько невнятно произнёс он, — что ты — военный летун в прошлом.

— Вот именно что в прошлом, — ответил я, — и возвращаться в это прошлое не желаю.

— Ну, — спрятал сигару обратно в карман техник, — как хочешь. Уносите «машинку», — кивнул он дюжим ребятам. Те завернули пулемёт в ткань, взвалили на плечо и отправились откуда пришли. — Только, попомни моё слово, летун, зря ты это.

— Может, и зря, — философски пожал я плечами.

Здоровяк же снова повернулся к техникам, курочащим мою «Ласточку». Мне оставалось только отойти обратно, чтобы не мешать.

— Хватит у моих технарей над душой стоять, — хлопнул меня по плечу как-то незаметно подошедший Бронд. Хотя, собственно, среди грохота ангара было неудивительно. — Ты лучше выбирайся на палубу. Тебе стоит потренироваться управляться безразгонником.

— А долго учиться? — обернулся я к нему.

— Да как обычно, — усмехнулся, потерев как всегда небритый подбородок, командор, — главное садиться научиться. А в воздухе особой разницы нет.

Бронд проводил меня до лифта. Вместе мы поднялись на верхнюю палубу. Там ровными рядами стояли переделанные уже в безразгонники «Ласточки», «Стрижи» и даже несколько нейстрийских «Молний». Все они были вооружены вместо пулемётов гарпунными пушками. А вдоль бортов их красовались катушки крепкого троса. Именно с их помощью они и охотятся на вражеские корабли, словно на небесных китов.

Рядом с ними стояли воздушные мотоциклы. Я глядел на них — и поражался, насколько же сумасшедшим надо быть, чтобы подняться в воздух на этом, мягко говоря, ненадёжном аппарате. Тем более, когда ноги твои просто свисают над пустотой.

— Выбирай любой, — махнул в сторону мотоциклов Бронд. — Учиться летать на безразгонниках лучше всего именно на нём.

— Бронд, — поглядел я на него, — я что на сумасшедшего похож? Я на этом летать вряд ли смогу.

— Придётся, — равнодушно заметил командор китобоев. — Вон, тебе моя дочка и поможет.

Он махнул рукой пацанке в лётной курточке поверх тёплого комбинезона и нейстрийских ботинках. В руках она сжимала шлем. Волосы девочки были привычно растрёпаны.

— Это Силке, что ли? — удивился я. — Вот это она выросла!

С тех пор, как я видел дочку Бронда, прошло несколько лет. И малютка Силке из очаровательного ребёнка превратилась в шустрюю пацанку, которая, кажется, не замирала ни на секунду.

— Привет, дядя Готлинд, — махнула мне рукой с зажатым в ней шлемом Силке. — Папа тебя учиться летать на безразгонниках взял? Ты только мой не бери! — Она указала на выкрашенный бежевым мотоцикл с намалёванной на борту кровожадной ухмылкой.

— И тебе привет, — усмехнулся я. — Мне как-то страшновато садиться на это чудо.

За разговором мы подошли к мотоциклам. Я похлопал один из них по борту. Вблизи они внушали не больше доверия, чем издали.

— А ты для начала над палубой полетай, дядя Готлинд, — сказала Силке, — тогда если и грохнешься, не разобьёшься сильно. Все с этого начинают.

— Вот ты за ним и пригляди, дочь, — нашёл на кого переложить ответственность за меня Бронд. Он растрепал ей волосы — и без того растрёпанные. Девочка даже не попыталась привести их порядок.

Бронд же отправился обратно к лифту. У командора и без меня хватало дел.

«Пилигрим» уже отчалил из порта. Он медленно и плавно набирал высоту. За бортом его ещё можно было разглядеть уменьшающиеся дома города, на несколько послевоенных лет ставшего мне чем-то вроде дома. Мне почему-то казалось, что сюда я уже не вернусь.

— Ну что, дядя Готлинд, — дёрнула меня за полу куртки Силке, — будешь учиться летать?

— Дожил, — усмехнулся я, — пацанка меня летать учит. Время неумолимо к нам, старикам.

Преодолев какой-то просто атавистический страх перед небольшой машиной, я забрался в седло, взялся за ручки. Передо мной было всего три круглых прибора. Альтиметр, спидометр и шкала заряда. Ручки точно такие же, как на обычном мотоцикле. Над расположенными полукругом приборами находилась большая красная кнопка с недвусмысленной надписью «Старт».

— Смотри, — подошла ко мне поближе Силке. Личико пацанки в этот момент было умильно серьёзным, — с приборами, думаю, тебе всё понятно. Со стартёром — тоже. Так? — Я кивнул. — С ручками — всё проще простого. Левая — мотор. Правая — высота. На себя — увеличиваешь обороты и, соответственно, поднимаешься выше. Отпускаешь — ну, думаю, понятно.

— Вполне, — кивнул я. — А педали?

— Это для гарпунов. Левого и правого. Один раз нажимаешь — выпускаешь его. Вторым раз — отстреливаешь трос, если надо.

Я трижды глубоко вздохнул, прежде чем нажать на «Старт». Мотоцикл задрожал — и медленно поднялся в воздух.

— Теперь медленно, — лицо Силке стало сосредоточенным, — правую ручку поворачивай на себя.

Я так и сделал. Мотоцикл поднялся ещё немного выше. Докручивать ручку до упора я не рискнул.

— Левую так же осторожно на себя.

Последовав команде дочери командора, я ощутил, как мотоцикл медленно подался вперёд. Ощущение было такое, будто я сижу в кабине аэроплана, который каким-то чудом удалось остановить в небе.

— Руль влево, — скомандовала Силке.

Мотоцикл завалился на борт, но послушно развернулся. А стоило мне вернуть руль в исходное положение, мотоцикл выровнялся и снова летел вперёд.

— На скорости заваливает сильнее, — рассказывала Силке, пока я экспериментировал с ненадёжным воздушным средством передвижения. — Так что осторожней надо быть. Я, конечно, обожаю, когда меня переворачивает, особенно если без привязи. Только ты папе не говори!

Я подмигнул пацанке. Силке была вся в своего отца. Иногда мне казалось, что не дружить с головой, это у них семейное.

— Так вот, тебе этого пока лучше не делать. Даже с ремнём. В управлении мотоциклом на самом деле главное — это держать равновесие. Весом тела можно помогать машине делать фигуры в воздухе. Или наоборот, не дать ей свалиться в штопор. Я думаю, в этом главное отличие полёта на мотоцикле от полёта на аэроплане.

Во время этих рассуждений личико Силке стало ещё более умильным. Я бы, наверное, рассмеялся в голос, если бы не был так занят управлением совершенно незнакомой мне машиной.

Девочка ещё что-то говорила. Объясняла тонкости полёта на мотоцикле по небу. Я пропускал их мимо ушей. Гонять на мотоциклах я не собирался. Меня сейчас больше интересовало, как приземляться на этой чёртовой штуке.

Оказалось, проще простого. Заводишь на место посадки — и до конца подаёшь вперёд

левую ручку. При этом отпускаешь правую, чтобы заглушить двигатель. Тогда мотоцикл опускается вертикально. Как только он упирается шасси в палубу, не отпуская левой ручки, нажимаешь снова на «Старт». Это отключает антиграв.

Вот только я совсем не был уверен, что садить аэропланы так же просто.

Александр поправил свой шлем. Снял и снова надел очки. Убрал их на лоб. Он явно нервничал. Как и всегда перед делом. Хотя до настоящего дела было ещё далеко. Сегодня нам только предстояло отправиться к частной флотилии Чёрного Буковски.

— Я ведь и сам не часто на безразгонниках летаю, — сказал мне Александр. — С тех пор, как моего «Адлера» переделали, я на нём в небо поднимался всего-то трижды. Даже к китобоям перелёт короткий был. С борта «Вулкана» на борт «Пилигрима» — всего-то метров триста, не больше.

— Сегодня нам лететь намного больше, — усмехнулся я. — Ничего, прорвёмся. В конце концов, помнишь, как мы ещё в лётном училище вспоминали о довоенных перелётах. И мечтали, что после войны обязательно примем участие в одном из них.

Я хлопнул фронтового приятеля по плечу.

Настроение с утра отчего-то было великолепное. Я уже неплохо управлялся с воздушным мотоциклом, хотя исполнять безумные кульбиты в стиле Силке не рисковал. До дочери Бронда мне было очень далеко. Как и папаша, пацанка была летуном от бога. Ещё два дня я осваивал переделанную «Ласточку». В воздухе она вела себя точно так же, как и раньше, а взлетать и садиться я научился достаточно пристойно.

— Ты, главное, помни мои уроки, — с прежней умильной серьёзностью наставляла меня Силке.

— Обязательно. — Я растрепал ей волосы. Похоже, дурной пример её папаши был заразителен.

Сам Бронд стоял тут же.

— Высокого неба, — пожал командор китобоев руку сначала мне, потом Александру.

— Не теряй его, — ответили мы. А я заодно ещё и подмигнул Силке.

Мы забрались в кабины своих переделанных аэропланов. «Веди», — сделал я знак Александру. Тот показал мне большой палец. Наши аэропланы почти одновременно поднялись в воздух. «Адлер» Александра устремился вперёд, набирая скорость. Я нажал на педаль, поспешая за ним.

Правда, очень скоро пришлось сбросить скорость. Ведь моя «Ласточка» была намного легче и быстрее его «Адлера».

Сколько лететь до места randevу с Чёрным Буковски я не знал. Вёл Александр — у него имелась карта. Мне особенно и не было интересно, где именно мы встретимся с воздушным пиратом. Не особо нужное на самом деле знание.

Главное, было не заснуть. Слишком уж нудным оказался этот перелёт. На войне так далеко летать не приходилось. Там ведь как — взлёт, бой, посадка. Не более получаса в воздухе. А тут нам пришлось провести в воздухе уже без малого часов шесть. Солнце медленно катилось по горизонту. Стрелка хронометра ползла ещё медленней. Впереди маячил хвост александрова «Адлера».

Наверное, именно поэтому я не сразу понял, что случилось, когда Александр пустил зелёную ракету. Следом он завернул свою машину, закладывая вираж. Я последовал за ним. Руки сработали быстрее головы.

Сделав три оборота, мы дождались появления корвета, корпус которого был выкрашен в чёрный цвет.

Оттуда выстрелили зелёной ракетой, давая разрешение на посадку.

Мы с Александром аккуратно опустили свои машины на палубу пиратского корвета. Места там было не слишком много — наверное, будь наши аэропланы не безразгонниками, нам бы вряд ли удалось посадить их на палубу.

К ним тут же подбежали техники. Они принялись споро крепить их к палубе. Похоже, корабль собирался сразу же уходить. Оно и правильно — вряд ли пиратскому корвету стоит задерживаться надолго на одном месте.

Мы с Александром покинули кабины аэропланов, стараясь не задеть ногами суесящихся техников. А из надстройки к нам уже шагал офицер корвета — в точно таком же, как у моего фронтowego товарища, чёрном плаще, только вместо шлема на голове носил фуражку без знаков различия.

— Приветствую, — пожал Александеру руку офицер, не снимая, правда, кожаной перчатки. Затем обернулся ко мне. — Капитан корвета «Фрейлоб» Таслав. К вашим услугам. Вам представляться не нужно. Я отлично знаю, кто вы. Сейчас вам лучше всего отдохнуть после долгого перелёта. Моя каюта в вашем полном распоряжении.

Я отлично понял не слишком хорошо завуалированный намёк — и не стал говорить лишних слов.

Молодой матросик, чья почти форменная одежда была такой же чёрной, как и капитанская, проводил меня по гулким коридорам. Мимо нас периодически пробежали матросы и офицеры корабельной команды. И мне почему-то с каждым шагом всё сильнее казалось, что корвет готовится к бою.

— Я разбужу вас, — сказал мне на прощание матросик, провожавший меня до каюты. — Капитан просил передать, что его личные стол и бар в вашем полном распоряжении.

Надо сказать, за время перелёта я успел основательно проголодаться. А потому поспешил воспользоваться любезным предложением Таслава. Столовался он очень даже неплохо, хотя и простовато. Главным принципом его, видимо, был — насыщение в первую очередь. И никаких изысков. Как в еде, так и спиртном. Он мне нравился за это всё больше и больше.

Основательно подкрепившись, экономить капитанские запасы я счёл излишним, я улёгся на кровать, подоткнул подушку поудобней — и почти сразу заснул. В каюте было достаточно тепло, а потому я даже одеялом пренебрёг.

Матрос не стал деликатничать и стучать в дверь капитанской каюты. Он просто распахнул её, подошёл ко мне и несколько раз потрянул за плечо.

— Одевайтесь, — приветствовал он меня. — Вылет через пятнадцать минут.

— Благодарю, — кивнул я, садясь на постели и нашаривая рубашку, висящую на спинке стула.

Он же проводил меня на палубу. И теперь коридоры корвета были пусты. Некому было носиться туда-сюда — вся команда сидела по своим местам. Значит, до начала боя остались считанные минуты. Затишье перед бурей — очень точное выражение.

На верхней палубе остался только один аэроплан — моя «Ласточка». Я в первую минуту даже не узнал его — ещё не привык к новому виду своей машины.

Рядом с аэропланом стоял немолодой человек в лётной куртке, шлеме и очках, поднятых на лоб. Я смутно узнавал его — кажется, он воевал в соседнем полку.

— Моего «Альбатроса» загнали в ангар на ремонт, — объяснил он, не размениваясь на

приветствия. — Я проводил первую разведку — и нарвался.

— Каковы результаты разведки? — поинтересовался я, пожимая руку смутно знакомому летуну.

— Плохие новости, Готлинд, — покачал он головой. — Очень скверные новости.

Два человека в кожаных плащах — чёрном и рыжеватом — стояли перед группой летунов, нанятых компанией «Турн-и-Таксис». И ловили на себе взгляды тех, кого им в самом скором времени вести в бой. В том, что воздушная схватка неизбежна, не сомневался на лётном поле никто.

Эту лётную пару равно ненавидели во время войны и враги, и союзники. За жестокость, проявляемую в военном небе. Ведь это в окопах люди звереют — и кидаются порой друг на друга подобно диким зверям, стараясь убить врага как угодно, хоть бы и горло перегрызть. В небе же сражались совсем по-другому. В ходу ещё были почти рыцарские методы. Летунов противника старались не убивать. Щадили тех, кто оказался на земле. Часто даже садились рядом, предлагая помощь.

Но только не эти двое. Их имён старались не произносить, называли Чёрным ястребом и Двумя ятаганами. Именно такие рисунки украшали борта их аэропланов. И вот они-то как раз излишком не страдали — убивали направо и налево. Слухи ходили, что именно Ястреб и Ятаганы первыми испытали на нейстрийском фронте фосфорные пули. Те оставляли от аэроплана после одной хорошей очереди дымящийся остов. Летун выжить после неё, конечно же, шансов не имел. Разбившихся пилотов они добивали ничтоже сумняшеся, если не экономили патроны. И что самое противное для всех — оба получали от этого некое садическое удовольствие.

Вот только никто не мог поспорить с тем, что летунами и Чёрный ястреб, и Два ятагана были превосходными. Именно поэтому чиновники почтовой компании «Турн-и-Таксис» поставили их командовать авиаотрядом, обороняющим аэроплан. Несмотря на явное недовольство многих летунов, и даже на то, что некоторые из них тут же разорвали контракты и вернули аванс, узнав об этом.

Эта парочка стоила потраченных на них денег и усилий.

Я уже стоял на основании сильно укороченного крыла моей «Ласточки». Однако, услышав новости смутно знакомого пилота, остановился, не став прыгать в кабину. Ястреба и Ятаганы я знал неплохо. Они не были откровенными садистами. Просто одними из первых перестали относиться к войне в небе, как к чему-то рыцарскому. Бесконечная война добралась до их душ. И после подобных им стало становиться всё больше, однако запомнили отчего-то только Ойгена по прозвищу Чёрный ястреб и Альвиффа, прозванного Два ятагана.

— Понятно, — кивнул я. — Значит, буду осторожней. Спасибо.

— Всегда рад, — по-военному отдал честь смутно знакомый мне летун.

Я забрался-таки в кабину, намотал поплотнее на лицо шарф. Как-то было холодно сегодня. Особенно на той высоте, на которую поднялся корвет Таслава.

В кабине я привычно обнаружил карту в планшете. На ней было отмечено место положения «Фрейлоба», вектор его движения и примерная скорость. Разложив её на коленях, я обнаружил и сектор, где я должен буду проводить разведку.

— Вот тут меня накрыли, — заявил заглянувший в кабину смутно знакомый мне летун, указывая на карту.

Выходило, что место это ближе к «Фрейлобу» километров на пять-шесть, чем обозначенная для разведки область. Ещё одно весьма полезное предупреждение.

Я протянул летуна карандаш, привязанный к планшету. Он грубо дорисовал полукруг, увеличив область почти на десять километров.

— С опережением идут, — добавил он, — так что ты с ними встретишься, скорее всего, уже где-то здесь.

Я не стал говорить, что понимаю это и без того. Летун ведь просто зануда был, что, на самом деле, в нашем ремесле дело правильное.

— От винта, — козырнул ему я.

Взлёт безразгонника сильно отличался от взлёта обычного аэроплана. Как минимум, не требовалась длинная полоса, так объяснила мне на одном из уроков Силке. Достаточно завести мотор, активировать антиграв, а дальше вполне можно нырять за борт. И если на «Пилигриме» делать этого не приходилось — хватало палубы для отрыва. То «Фрейлоб» размерами похвастаться не мог.

Следуя наставлению Силке, я запустил двигатель, сразу разогнав его на максимальные обороты. Аэроплан устремился к краю, набирая скорость. Я тут же надавил на кнопку «Старт», ничуть не отличающуюся от той, что была на мотоцикле. Нос аэроплана задрался, шасси только начали отрываться от палубы. Но её всё-таки не хватило. И моя «Ласточка» клюнула носом. То есть, натуральным образом капотировала. Аж дух захватило! Вот тут главное не запаниковать и сорваться в неконтролируемый штопор. А потому — руль резко на себя, не давая аэроплану потерять небо.

Не без труда, но мне удалось выровнять машину. Я оглянулся — фрегат был точно там, где должен быть. Я глянул на карту, направил «Ласточку» в нужном направлении, и тут же потянул штурвал на себя, уводя за облака. Разведку лучше всего производить с превосходящей позиции. Главное теперь врага не проморгать.

К карте в планшете прилагалась короткая — на три фразы — инструкция. Полноценным инструктажем Таслав решил пренебречь. Читать, сидя в кабине аэроплана, конечно, не слишком удобно. Однако делать было нечего — пришлось знакомиться с лётным заданием уже в воздухе.

Мне надо обнаружить противника, а следом искать своих в указанной на карте области. А лучше всего, как было замечено в скобках, вывести противника на эскадрилью Александера. И после этого сразу же возвращаться на «Фрейлоб».

Ничего экстраординарного, конечно, однако тащить у себя на хвосте врага — не самое приятное дело. Тем более, что вести его будут Ястреб и Ятаганы. Хотя на войне приходилось и потруднее. Но то на войне. Именно из-за подобных рискованных заданий я и покинул службу, и не спешил вербоваться ни в одну из частных армий.

Я снова вспомнил злосчастную монетку.

Несколько раз я выныривал из облаков, ища врагов. И на третий — мне повезло. Вдвойне. Я заметил их. А вот они меня — нет. И это можно считать двойной удачей.

Я увёл аэроплан обратно за облака. Теперь надо думать и действовать быстро. Проверив карту, я определил местоположение эскадрильи Александера. Если не ошибся в расчётах, а вроде не должен был, то рискнуть можно. В конце концов, это благородное дело!

Сделав круг, я глубоко вздохнул и бросил машину вниз. Практически в штопор. Закрутил «Ласточку», так что облака трижды промелькнули мимо меня. Незабываемое ощущение. Размытыми теньями мелькнули вражеские аэропланы. Я проскочил мимо них на скорости. На войне бы ещё и длинную очередь дал — вдруг кого зацеплю, даже случайно. Надо сказать, фосфорными пулями я не гнушался.

Мельком разглядел четырёхмоторного монстра — тот самый аэроплан, который сопровождала авиагруппа Ястреба.

Не знаю, сколько противников ринулось за мной в погоню, но, думаю, их было вполне достаточно. Дымные следы фосфорных пуль замелькали рядом с моим аэропланом. А ведь меня могли поливать и обычными — не столь смертоносными, но «Ласточке» хватило бы и их.

Я крутил кольца штопора одно за другим, уводя машину от длинных очередей врага. В зеркальце заднего вида то и дело мелькали носы разных аэропланов и вспышки, пляшущие на пулемётных стволах.

Надеюсь, что я первым всё-таки обнаружил эскадрилью Александра. По крайней мере, хотя бы на несколько секунд раньше моих преследователей. Тем более что благодаря антиграву я имел неплохое преимущество в скорости и фору тоже.

Александр вёл свою эскадрилью над самой землёй. Я увидел его аэропланы — все со срезанными крыльями, безразгонники — над квадратами полей, разделёнными аккуратными рошицами. А вот и озерцо блеснуло. И всё это пляшет в безумном танце — я продолжаю крутить штопор. Иначе «Ласточка» давно бы уже оказалась на земле или на дне озерца.

Александр тут же рванул свою машину вверх. А следом за ним ринулись и остальные. Манёвр явно давно отработанный. Атака снизу. Нетипично, а потому весьма эффективно.

Я провёл «Ласточку» через «Адлеры» и «Альбатросы» Александровой эскадрильи, едва не зацепившись за один из аэропланов. Следом ручку на себя! Как бы ни было тяжело. Пускай едва не рвутся жилы. Ничего — вытягивали и не из таких пике!

Шасси едва не вспороли-таки землю — прошли в считанных миллиметрах от неё. И хвостом не приложился — что тоже бывает. Выровнял машину. Повёл её над самой пашней.

Руки сводило от боли, как всегда после таких вот рывков. В крови бурлил адреналин, но боль пробивалась и через него. Что будет, когда меня немного отпустит, пока не хотел думать.

Я запустил двигатели на максимум, снова разгоняя «Ласточку» до предела. Поля, рошицы и озёро слились в одну разномастную полосу. Где-то над головой разгорался воздушный бой. Громко стучали пулемёты, перекрывая даже шум двигателя моего аэроплана. К земле устремились сразу несколько горящих машин. Разобрать, чьи они, было, конечно же, невозможно.

Но вот бой остался позади — вскоре стихли последние его звуки. Я поднял «Ласточку», выходя на высоту фрегата. Направил аэроплан на пересечение курса «Фрейлоба».

Фрегат я заметил минут через пятнадцать. Он обнаружился точно там, где я и рассчитывал. Что меня порадовало. Значит, прикидывать в уме ещё не разучился. Я завёл «Ласточку» на посадку. Опустился на палубу. В этот раз приземлялся рядом со знакомым стареньким «Стрижом» Якоба.

Выходит, есть вести от китобоев.

Я выскочил из кабины, постаравшись не задеть уже не суесящихся вокруг шасси техников. Подпрыгнул на месте, чтобы размять затёкшие ноги. Хрустнул спиной. В общем, обычная летунская краткая гимнастика. Руки после колоссального напряжения просто огнём горели. Пальцы почти отказывались слушаться. Я по привычке принялся разминать мышцы.

Тем временем, ко мне подбежал знакомый уже матрос.

— Капитан вас приглашает к себе, — бросил он. — Следуйте за мной!

Он практически бегом кинулся внутрь надстройки, грохоча ботинками по металлу

палубы. Я побежал за ним. Это больше всего напоминало какие-то гонки с препятствиями. Мы взбежали по винтовой лестнице. Вбежали на мостик. Там матрос замер на месте, так что я едва не врезался ему в спину. Пришлось даже ухватиться за дверной косяк. Матрос опомнился под выразительным взглядом капитана. Тот не снизошёл до комментария его нерадивости.

— Свободен, — бросил матросу Таслав. И тот как будто в воздухе растворился. Я даже не заметил, как он проскользнул мимо меня. А ведь дверной проём-то невелик. — Готлинд, проходите. Я как раз слушаю сообщение вашего товарища Якоба о состоянии дел во флотилии китобоев. Начните сначала, будьте любезны, — кивнул стоящему тут же Якобу капитан фрегата.

На мостике «Фрейлоба» места, в общем-то, хватало. Однако кроме рулевого и старшего связиста и капитана там присутствовали старший офицер, который, собственно, и руководил небесным кораблём, ну и Якобом с Таславом. Так что, когда вошёл ещё и я, стало совсем уж тесно.

Офицеры продолжали заниматься своими делами, не отрываясь. Как будто нас тут и не было. Старший офицер отдавал короткие распоряжения. Ему докладывали наблюдатели, следящие за приборами. Периодически передавал квитанции принятых радиogramм связист. Мелькали стрелки по плоским шкалам. Другие вращались, периодически останавливаясь. За широкими иллюминаторами изредка вырывались струи пара.

— Ну, если не рассусоливать, в общем, — щедро сдабривая свою речь словами-паразитами, начал Якоб, — проблемы у Бронда. И очень большие. Сцепились они, как условлено было, с блицкриговцами. Да там только, видать, ловушка была. Потому как очень уж близко оказалась ещё одна эскадра Блицкрига. Она сейчас на всех парах движется наперерез китобоям. Вляпались-таки сумасшедшие. Не управиться им, даже с вашей помощью, с этакой-то силищей!

— У вас пятнадцать минут на отдых, Готлинд, — произнёс Таслав, — пока мои техники меняют аккумуляторы на вашем аэроплане. Потратьте их с толком.

Он протянул мне планшет с новым лётным заданием. Присесть на мостике было негде, так что я просто развернул планшет навесу. В этот раз мне придётся пролететь значительно больше. Да ещё и мой курс пересекали предположительные траектории движения той самой патрульной эскадры Блицкрига.

— На какой скорости идут блицкриговцы? — спросил я у Якоба, отрываясь от планшета.

— Самый полный, — отнюдь не обрадовал меня тот. — Пар шлейфом за ними так и тянется. Явно выжимают из котлов, что могут.

Согласно коротким записям, приложенным к карте, я должен был оценить силы Блицкрига и доложить Бронду. Желательно о количестве кораблей в эскадре, их тоннаже и вооружении, а также о прикрытии — а именно наличии баллонов и аэропланов.

Обычная разведка. Вот только слишком уж часто на фронте подобные вылеты заканчивались плачевно. В этот раз я пожалел, что пренебрёг хотя бы одним пулемётом. Дело обернулось таким образом, что раз уж ввязался, то пора плюнуть на принципы. Держись я за них и дальше — в лучшем случае останусь лежать на земле. О худшем же и думать не хотелось.

Я зацепил планшет за карабин на поясе. Капитан «Фрейлоба» кивнул мне — значит, пора вылетать. Вместе со мной на верхнюю палубу отправился и Якоб.

— Мне к самому Буковски лететь, — сообщил он, направляясь к своему «Стрижу», — с новостями.

— Высокого неба, Якоб, — протянул я ему руку.

— Не теряй его, Готлинд, — пожал её почтарь.

Я забрался в кабину «Ласточки», махнул техникам «От винта!». И вот уже мой аэроплан рвётся в небо.

В этот раз нырять за борт не пришлось. Я научился поднимать машину в воздух куда быстрее. Короткий взгляд на карту — и вот уже «Ласточка» устремляется наперерез курсу патрульной эскадры Блицкрига.

Встретились мы даже быстрее, чем я рассчитывал. Я несколько раз выныривал из-за облаков, ища врага, и на третий — мне, можно сказать, повезло.

Тени вытянутых, похожих на вынутые из ножен мечи, кораблей, выкрашенных в традиционный чёрный цвет, мелькали среди грязно-серых туч. Собиралась гроза — летать было небезопасно, даже таким громадинам, не то что моему разведчику. Но приходилось рисковать. Раз меня наняли разведчиком.

Я прошёлся над эскадрой на безопасной дистанции, пересчитав корабли и записав их количество. Вряд ли в такую погоду они станут выпускать аэропланы прикрытий, а тем более неповоротливые колбасины баллонов. Последним хватит одной молнии, чтобы превратиться в громадный огненный шар, угрожающий самому кораблю, который он по идее должен защищать. Значит, пора рисковать по-настоящему.

Бросив машину вниз, я дал полный газ. Двигатель взревел, недовольный столь стремительным набором оборотов. Я заходил на эскадру с головной машины, летя против их движения. Сколько успею заметить, столько — замечу. Если уж чего не увижу — значит, не судьба. Блицкриговцы не дураки. Увидев меня, поднимут в воздух аэропланы. Какая бы погода ни была за бортом.

Я внимательно вглядывался в выныривающие из серых туч силуэты кораблей Блицкрига. У первого под днищем тянулся здоровенный, под стать крейсеру, флаг. Красно-чёрный, с гербом Блицкрига — парой молний и распластавшимся в беге псом. За флагманом следовали корабли поменьше и уже без флагов. Два фрегата прикрывали его с флангов. Тыл защищал корвет какой-то новой, неизвестной мне, модели. Больше всего он напоминал тонкую шпагу. Скорее всего, корабль быстрый, чем хорошо вооружённый. Возможно, при иных обстоятельствах он бы двигался впереди эскадры, обеспечивая ближнюю разведку. Но в этот раз блицкриговцы явно шли с намерением вступить в бой сходу — и более лёгкий корабль предпочли оставить в тылу.

Пройдя над корветом, я снова отправил «Ласточку» в тучи, молясь про себя всем богам, каких только знал, чтобы меня не заметили. Но не тут-то было. Даже на том расстоянии, что успел преодолеть, я услышал лязг открываемых оружейных портов. Проклятье! Видимо, Якоба блицкриговцы не заметили. И теперь любой ценой старались остаться незамеченными. Либо приняли мою «Ласточку» за передовой аэроплан противника. Но как бы то ни было, но уже спустя несколько секунд тучи вокруг меня начали расцветать серыми облачками разрывов зенитных снарядов. Шрапнель густо свистела в воздухе, оставляя на корпусе «Ласточки» угрожающе много небольших дыр, а то и отверстий с рваными краями. Пришлось рвать штурвал на себя — и вжимать газ до упора.

Мой аэроплан заскрипел, сопротивляясь такому надругательству. В какой-то момент мне показалось, что сейчас его не самый прочный корпус просто не выдержит — и

рассыплется прямо в воздухе. Но нет — «Ласточка» оказалась всё же крепким аэропланом! Ругаясь на чём свет стоит, я уводил её всё выше и выше. Туда, где меня уже не достанут зенитные снаряды блицкриговских кораблей.

Разрывы стихли, оставшись где-то позади и внизу. Можно немного расслабиться. Хотя руки болят всё сильнее. Давно уже не было у меня таких нагрузок. Наверное, с самых боёв в нейстрийском небе.

Пришло время рассчитать курс. А это на самом деле, теперь куда сложнее, чем раньше. Слишком уж активные кульбиты в воздухе я совершал в последние полчаса. И ошибиться нельзя. Налетишь ещё на ту же эскадру — пиши пропало. Во второй раз они мне уж точно не дадут уйти.

Трижды проверив расчёты, я направил аэроплан в выбранную сторону. Выдерживать скорость, на которую надеялся, всё же не удавалось. Слишком уж хорошо досталось «Ласточке» от вражеской шрапнели.

И всё же мне повезло — и я не разминулся в небе с эскадрой китобоев. Хотя, наверное, это было просто невозможно. Потому что проскочить мимо воздушного боя очень тяжело. Грохот орудий я услышал минут за десять до того, как увидел в облаках первые вспышки орудий и тени громадных кораблей. Они обменивались залпами, содрогаясь от попаданий.

Когда я подлетел поближе, то смог отличить уже вытянутые силуэты крейсеров Блицкрига от судов китобоев. А минут через пять, уже видел и мечущиеся между громадными тушами воздушных кораблей аэропланы. Сверкали очереди фосфорных пуль. То одна, то другая машина устремлялась к земле, объятая пламенем.

В общем, драка шла нешуточная. И вряд ли китобои сумеют справиться с блицкриговцами, когда к последним подойдёт внушительное подкрепление.

Я вновь выжал из двигателя «Ласточки» всё, на что тот был способен. Аэроплан рванул в сторону кораблей китобоев. Я заходил на эскадру нанимателей по широкой дуге, стараясь даже краем не задеть воздушную схватку. Моей «Ласточке» хватит одной хорошей очереди. Она вполне может развалиться прямо в небе.

«Пилигрим» был передо мной или нет, меня уже мало волновало. Я выстрелил вверх зелёную ракету, запрашивая посадку на палубу ближайшего корабля. Оттуда мне тут же подали сигнал подтверждения. Какой-то техник трижды взмахнул длинной галогеновой лампой зелёного же цвета. Указал мне площадку. Я по возможности аккуратно завёл на неё свой аэроплан, стараясь не думать о свисте ветра в многочисленных дырах в корпусе. И о том, что при посадке большая часть машин как раз и не выдерживает — разваливается, гробя летуна под обломками.

— Как ты на этой рухляди долетел? — без особых церемоний обратился ко мне смутно знакомый летун. — Да она должна была развалиться ещё в воздухе.

Как будто подтверждая его слова от борта «Ласточки» отвалился внушительный кусок обшивки. Загремел по стали палубы.

Мы со смутно знакомым летуном проводили его взглядом. И я только плечами пожал. Что тут скажешь?

— Мне нужно на «Пилигрим», — произнёс я, отрывая взгляд от техников, которые даже не понимают, как бы им подступиться к разваливающейся «Ласточке». — Доложить о результатах разведки.

— Не прорвёшься к нему, — покачал головой смутно знакомый летун. — Докладывать придётся по телеграфу. Идём.

Я вслед за ним отправился напрямиком в радиорубку. Меня очень удивило, что даже не уведомили об этом капитана корабля. А ведь по всем воздушным законам, только он имеет право давать радисту указания. Значит, совсем не прост был этот смутно знакомый летун.

Он бесцеремонно постучал в металлическую дверь радиорубки. В той открылось окошко и появилось усталое лицо. Увидев нас, радист явно не обрадовался. Конечно, кого же может радовать нарушение писанных и неписанных уставов воздушного флота. Однако и не удивился.

— Набросай быстро рапорт о разведке, — бросил через плечо летун, — и его тут же отправят на «Пилигрим».

Кто же он такой? Откуда я знаю его? Почему так легко распоряжается радистом чужого корабля? Все эти вопросы мучили меня, пока я коротко записывал результаты разведки. Получилось не густо. Вот только вряд ли кто-то был способен на большее в имевшихся обстоятельствах.

Смутно знакомый летун ознакомился с моим рапортом, прежде чем передавать радисту. Ничего не сказал. Получив лист бумаги, радист захлопнул окошко.

— Квитанции об отправке не дожждёмся, — усмехнулся летун. — Подошьёт к журналу и передаст его только капитану этой посудыны.

— А как хоть называется она? — поинтересовался я. А то как-то совсем нехорошо получается. Мало того, что не доложилась капитану корабля, так ещё и названия его даже не узнал.

— «Бродяжник», — ответил смутно знакомый летун, — корвет. Насколько я успел понять — нейстрийский в прошлом. Хоть и старый корабль, но достойный вполне. Вот только против новеньких блицкриговских крейсеров не выдержит и минуты. Вот и держит его Бронд в резерве.

— Ты ведь человек Буковски, верно? — глянул я на летуна.

— С чего это ты взял? — даже не очень наиграно удивился тот. — Вроде как на мне этого не написано.

— Никто из китобоев не зовёт своего командора по имени, — усмехнулся я. — Выходит, ты — человек Чёрного Буковски. Но ты так легко распоряжаешься на чужом корабле... — Я только плечами пожал.

— Скажу пока только одно, — усмехнулся смутно знакомый летун. — Я точно не человек Чёрного Буковски. Но и не китобой, как ты верно отметил. Остального пока тебе знать не стоит, Готлинд.

— Хотя бы имя, — предложил я. — Ты моё припомнил, а вот я твоё — никак не могу.

— Ты его и не знал, — отмахнулся летун. — Вот и сейчас — оно тебе не нужно. Поспешим к капитану «Бродяжника» — он верно уже негодует на «этого гнусного наглеца».

Мы и без того быстро шагали к мостику, чтобы доложиться-таки капитану корабля.

— Это он про тебя, что ли? — без особой нужды поинтересовался я.

— Верно, — кивнул смутно знакомый летун.

Он открыл мне дверь на мостик. И я первым перешагнул через высокий порог.

Капитан «Бродяжника» встретил меня, сидя в роскошном кресле. Оно вращалось на шарнире, что позволило ему развернуться в сторону двери. Был он давно уже немолод и очень толст. Наверное, ему стоило известных усилий помещаться даже в это кресло. Ноги капитана совершенно по-домашнему укрывал плед.

— Простите великодушно, — весьма ехидно сказал он, — что не могу приветствовать

вас стоя. Вражий снаряд взорвался слишком близко от меня — и осколки славно расписали мою спину. Их вытащили, но сказали мне, что я уже никогда не встану на ноги. Что-то мне эти чёртовы осколки перебили в моей спине.

Похоже, капитан, несмотря на прошедшие годы, так и не пережил своей трагедии. Вот и рассказывал свою историю кому надо и не надо.

— Ладно, — махнул нам рукой капитан, — с чем вы прибыли, господин летун?

— Я нанят производить разведку, — ответил я, — и прибыл с результатом своего крайнего рейда.

— Так докладывай! — раздражённо выпалил капитан «Бродяжника», не представившийся, и не поинтересовавшийся хотя бы моим именем.

— Эскадра подкрепления Блицкрига состоит из крейсера, двух фрегатов и одного корвета. Судя по ордеру, собираются сходу вступить в бой. Если сохранят скорость, то будут тут минут через двадцать, — я мельком сверился с висящим на одной из стен большим хронометром, — двадцать пять. Максимум — полчаса.

— А много ли тебе пришлось за свою коротенькую жизнь повидать фрегатов и крейсеров, юноша? — рассмеялся капитан. — Ты так славно судишь о них.

— Я воевал три из пяти лет войны, — коротко ответил я, глядя в глаза капитану, — и достаточно повидал и фрегатов, и крейсеров, и кораблей тоннажем побольше.

— Ладно-ладно, — поднял руки тот. — Не кипятись так. Не написано же у тебя на лице, что ты такой же ветеран, как и я.

— Рапорт Готлинда, — добавил свои пять медяшек смутно знакомый летун, — уже отправлен на «Пилигрим».

— Снова ты своевольно воспользовался моей радиорубкой, — буркнул капитан. — В другое время, я бы тебя просто шлёпнул на месте за такое. Но сегодня это было хотя бы оправдано. Так что, чёрт с тобой, живи пока. Со мной тут вышел на связь капитан авианосца Буковски, что идёт нам на помощь, ему срочно летуны нужны. Говорит, что машин больше чем людей. В общем, мне тут вы совершенно не нужны оба. Отправляйтесь к нему. Через пять минут, его корабль пройдёт так близко от моего «Бродяжника», что вы легко перепрыгните на борт его. У вас не так много времени осталось до его прибытия. Нечего торчать у меня. Марш на палубу.

Мы решили пренебречь прощанием. Не думаю, что оно так уж нужно такому старому брюзге, как капитан «Бродяжника».

— Он не шутил, когда говорил, что с борта его корабля можно будет перепрыгнуть на борт авианосца, — заметил летун, когда мы шагали по коридорам к верхней палубе. — Корабли пришвартуют друг к другу.

— Для чего? — удивился я.

— В ангарах «Бродяжника» стоят восемь повреждённых аэропланов. Это не считая наших. И восемь летунов. Их, вместе с машинами, доставят на авианосец. Аэропланов, даже безразгонников, Буковски хватает. А вот с опытными пилотами — тяжело. Вот и собирает кого может. Как говорится, с миру по нитке.

— Обо мне пусть и не думают, — тут же заявил я. — Драться в небе я больше не намерен.

— А вот тут уж дудки, Готлинд, — отрезал смутно знакомый летун. — Будешь драться! — Он остановился, преградив мне дорогу. — Сейчас мы считай, что на фронте. Аэроплана у тебя нет — улететь не сможешь. Значит, не ной, а садись за штурвал боевого

безразгонника. Хватит тебе уже прятать голову в песок!

Я сжал кулаки. Очень хотелось смазать по этой смутно знакомой физиономии. Но я отлично понимал — он, скорее всего, справится со мной. Может, не в воздухе, но на земле уж точно. Да и прав этот смутно знакомый летун. Во всём прав. Я в одной лодке с Буковски и китобоями. У меня даже самолёта нет, чтобы смыться. А если уж сяду за штурвал боевого, то деваться мне будет некуда. Только в сражение! Так уж устроены мы — военлётцы.

Всё-таки, я не удержался — оттолкнул смутно знакомого летуна прочь с дороги. Широкими шагами, грохоча каблуками ботинок по стальному полу, направился к выходу на верхнюю палубу.

Брюзгливый капитан «Бродяжника» не солгал. Авианосец уже было хорошо видно, несмотря на тучи. Кажущийся невероятно вытянутым воздушный корабль медленно и аккуратно швартовался к борту корвета китобоев.

На верхней палубе «Бродяжника», кроме суетящихся техников, отдельной группкой стояли летуны. Все как один в чёрных кожаных плащах, шлемах и с очками на лбу. Мы подошли к ним. И сразу стало понятно — смутно знакомый летун, и не из людей Буковски. Потому что хоть и стояли мы рядом с ними, но всё же отдельно. Нас как будто разделяла невидимая черта, переступить которую не собирались ни мы, ни они.

А ведь с этими людьми мне в самом скором времени идти в бой.

Авианосец завис всего в нескольких десятках метров от борта «Бродяжника». Швартовочные команды обоих кораблей, обмениваясь какими-то своими загадочными знаками, принялись за работу. И вот уже натянуты несколько трапов. Один для летунов — поуже и с высокими натяжными перилами. И пару грузовых, чтобы транспортировать по ним самолёты.

Я заметил, что «Ласточку» оставили на борту «Бродяжника». Значит, уже списали мой самолёт в расход. Теперь на запчасти разберут. Я понимал, что в воздух превратившуюся в полную рухлядь машину уже не поднять. И всё-таки как-то неприятно было видеть её одиноко стоящей на палубе, пока мимо к трапам катят сильно повреждённые самолёты. Я отвернулся — и ступил на металлический настил трапа, конечно же, не держась за натянутые перила.

Безразгонники — настоящие, а не переделанные из обычных самолётов — выглядели совершенно не похожими на летательные аппараты. По крайней мере, на те, что приходилось видеть раньше. Они больше напоминали новомодные автомобили, только на трёх колесах, как у обычного самолёта. Похожесть усиливала форма фюзеляжа и прямоугольная решётка радиатора. На иных даже щёгольские фигурки имелись. Конечно же, как и самолёты, летуны расписывали свои боевые машины как могли. Обнажённые девушки. Смерть с косой. Карточные колоды. Молнии. И бог его знает что ещё.

Машины, на которых предстояло лететь в бой нам, были выкрашены в нейтрально голубой цвет. Он якобы помогал фюзеляжу самолёта сливаться с небом. Глупости и предрассудки, конечно, но традиция осталась с первых месяцев войны.

— Так-так-так, господа летуны, — выкатился нам навстречу невысокий человек в лётной куртке и безразмерных шароварах, заправленных в ботинки, — это будут ваши машины. Но для начала вам надо представиться начальнику лётной части нашего замечательного корабля. Из вас сформируют эскадрильи, и только после этого вы сможете подняться в небо.

— Времени на эту ерунду нет, — отрезал смутно знакомый летун, стоящий рядом со

мною.

— Верно, — поддержал его кто-то из пилотов, державшихся отдельной от нас группой. — Мы только из боя — и нам надо как можно скорее вернуться в небо! Там сейчас слишком жарко!

— Но без этого нельзя, — попытался отстоять свою позицию толстяк. — Должен же быть порядок.

— Послушайте, — шагнул я к нему. — Знаете, как в подобных случаях поступали во время войны?

— И как же? — заинтересовался толстяк.

— Очень просто. Считали летунов и формировали эскадрильи уже после возвращения.

— А как же быть с аэропланами? — не понял толстяк.

— Спишете в расход вместе с летунами.

Ответ был жёстким, как и всё на войне.

— Хватит уже болтать! — вспыхнул летун из державшихся обособлено. — Аэропланы к вылету готовы? — Толстяк нервно кивнул — Пулемёты заряжены? — Новый кивок. — Значит, разбираем их, братва! По машинам!

Он, похоже, был заводилой у летунов. Неформальным лидером, или кем-то вроде него. А может, и командиром эскадрильи. Но его слов послушались словно команды. Летуны бросились к безразгонникам, заскакивая в ближайšie к ним машины.

— Ты ведущий или ведомый? — обратился ко мне смутно знакомый летун.

— Был ведущим, — ответил я, — но привык давно уже один летать.

— Тогда я буду прикрывать тебе спину, — подмигнул мне летун. — Бери машину. И — в небо!

— Оно с нами, — кивнул я.

И вот уже мы стартуем с палубы. Матросы-аэронавты машут длинными зелёными фонарями, давая нам разрешение на взлёт. Где-то за спиной остаётся толстяк, не видевший по-настоящему ни неба, ни войны. Зато очень любящий порядок. Он глядит нам вслед. Наверное, мы далеко не первые нарушители его любимого порядка. Все мы летуны, по его мнению такие. Одни сплошные нарушители.

Аэропланы летели через тучи к месту сражения. В этот раз не было у меня ни карт, ни заданий. Надо только следовать за машинами новоявленных товарищей. Они приведут меня к «полю боя». В воздухе летуны больше не держались отдельно от нас со смутно знакомым пилотом. Теперь мы — одна команда. Да и всё равно, в сражении разобьёмся на пары.

Руки сами собой проделывали привычные операции. Голова даже не особенно подключалась к этому процессу. Они помнили, слишком хорошо помнили. За годы войны им приходилось часто проверять спаренные пулемёты на капоте, пощёлкивать пальцами по приборам, а то вдруг стрелку заклинило, поправлять зеркальце заднего вида, ловя в него аэроплан ведомого.

Но вот среди туч уже можно разглядеть громады воздушных кораблей. Вспышки оружейных залпов. А вот и струи пара таких размеров, что видно даже со столь внушительного расстояния. Значит, скоро враги.

И схватка начнётся через считанные минуты.

Словно подтверждая мои мысли, единый строй рассыпается на пары. По боевому расписанию, не знаю уж кем разработанному и утверждённому, аэропланы расходятся в разные стороны. Я увожу свой влево. Мельком кидаю взгляд в зеркальце. Там маячит ставшая знакомой решётка радиатора.

Залпы громадных орудий воздушных кораблей оглушают, но уже через них уже слышен нарастающий стрёкот пулемётов. А спустя мгновение мы врываемся в воздушный бой.

И я понимаю, что снова оказался в по-настоящему родной стихии!

По небу метались аэропланы. Отличить своих от врагов было очень просто. Выкрашенные в чёрный цвет со скрещёнными молниями и пёсьей головой на фюзеляже и крыльях аэропланы Блицкрига. Среди пиратов Буковски и китобоев царила в этом плане полная анархия. Может, и имелись значки, позволяющие знающим людям различать их, но я-то в них не разбирался. Да и не было мне в том особой нужды.

Я прошёлся, уже не глядя в зеркальце. Выпустил короткую очередь. В шесть патронов. Из каждого ствола. Пули вспыхивают огненными дорожками. Фосфорные. Вспарывают крыло ближайшего блицкриговского аэроплана. Он рушится с неба вниз, объятый клубами чёрного дыма. Готов!

Бросаю аэроплан в сторону, уходя от столкновения с потерявшей управление машиной. Те, кто преследовал его, обрушиваются на меня. Три блицкриговца — палят в белый свет, как в мяшку. Вот сейчас проверим смутно знакомого летуна. Я увожу аэроплан — даже не знаю, как называется эта модель — ещё дальше, подставляя врагов под пулемёты ведомого. Тот не сплеховал. Его пулемёты тут же стучат часто и беспощадно. Краем глаза я вижу, как от попаданий в капот вспыхивает двигатель летящего первым блицкриговца. Он просто не успевает ничего сделать. Этот покойник!

Ведомый уводит свою машину в другую сторону. Я легко разгадал его манёвр. Безразгонники легко набирают высоту — куда быстрее обычных аэропланов. Это я понял за два недавних вылета. Тем более, что теперь у меня была не переделка старой «Ласточки», а полноценный безразгонник.

Мы с ведомым обрушиваемся на двух оставшихся блицкриговцев с флангов. Длинные очереди фосфорными пулями поджигают фюзеляжи. Один сразу валится с небес. Второй же

продолжает лететь, плавно снижаясь. Пилота его задело только краем. Он сидит в кабине, откинувшись на сидение, и кажется просто уснувшим. Крови от зажигательных патронов немного.

Вновь выстроившись привычным порядком лётной пары, мы отправляемся дальше.

Мешанину воздушного боя не зря называют «собачьей свалкой». Порой не понять, где свой, где — чужой. Несмотря даже на яркую раскраску и эмблемы на крыльях и фюзеляже. А уж когда драка идёт в непосредственной близости от кораблей — тут уж только успевай рулить. Зенитные установки врага чертят небо бесконечными очередями зажигательных патронов. К ним лучше просто не приближаться.

Дважды мы с ведомым вываливались из свалки, уходя на высоту, недоступную большинству аэропланов Блицкрига. Быстрые взгляды вниз — на безумную картину сражения внизу. Обмен жестами, знакомыми нам обоим ещё с войны, — и снова в бой.

Помогаем летуну на расписанном белыми звёздами аэроплане, на хвосте у которого висят три врага. Он потерял своего ведомого — и теперь ему приходится вертеться, будто грешнику на сковороде, уводя машину от многочисленных очередей. Мы со смутно знакомым летуном нарушаем построение пары. Он выравнивает свой аэроплан с моим. И мы оба атакуем блицкриговцев. У первого вспыхивает хвост. Он уводит машину из-под обстрела. Второму везёт меньше. Уйти он не успевает. Зажигательные пули прошивают двигатель его аэроплана. Маленькие язычки пламени мгновенно разгораются. А через секунду весь нос объят пламенем. Но третий добирается-таки до жертвы. Длинная очередь буквально срезает укороченное крыло расписанного белыми звёздами безразгонника. Тот теряет управление, сваливается в неуправляемый штопор. И уже никакой антиграв его не спасёт. И то, как мы в четыре ствола разобрали на запчасти прикончившего его блицкриговца, он вряд ли увидел.

Мы с ведомым снова уходим на высоту. Он показывает мне открытую ладонь. Значит, патронов у него больше нет. Я мельком глянул на шкалу, показывающую мой запас. Оказалось, что и у меня их почти не осталось.

Я ткнул оттопыренным большим пальцем назад. Возвращаемся. Ведомый кивнул.

Мы развернули аэропланы в сторону, откуда прилетели. Надо было торопиться. Вылетов таких, как этот, у нас сегодня будет явно не один.

Мы опустили на палубу авианосца. Даже из машин выбирать не стали. Техники мгновенно облепили их. Принялись менять батареи — на полноценную зарядку времени не было, как всегда. Другие быстро вынимают опустевшие цинки с пулёмётными лентами. Ставят на их место полные.

— Дыры в корпусе есть? — поинтересовался я у старшего авиамеханика. Он только что закончил внимательный осмотр моего безразгонника.

— Немного, — ответил тот. — Металл хорошо держит даже фосфорные пули.

Только тогда я понял, что фюзеляж моего аэроплана обшит листами тонкой жести. Выходит, зажигательные патроны ему, на самом деле, не так страшны. Славные машины, всё-таки, безразгонники.

Трижды мы возвращались на палубу авианосца. И каждый следующий вылет мне давался всё тяжелее. Несмотря на антиграв, аэроплан ставился, казалось, тяжелее с каждой минутой. Руки болели. Спина затекла. Глаза слезились от напряжения, несмотря на отличные очки. Я выиграл их в лотерею после смерти богатого пилота-аристократа. Их желтоватые стёкла ничуть не потускнели за прошедшие годы, и отлично защищали от

солнечных бликов. Да и в сером мареве туч через них было куда лучше видно. Вот только теперь не помогали и они.

Я буквально вывалился из кабины. Сполз по борту аэроплана. Ноги просто отказывались держать нас. Мой ведомый выглядел и чувствовал себя ничуть не лучше моего. На ногах ему помогали держаться двое техников, на их плечах он буквально висел.

К нам подкатился толстяк в лётной куртке. Он так и не сумел запрячь нас ни в какую эскадрилью. Мы опускали аэропланы на палубу, заряжали их, заправляли пулемёты свежими лентами — и отправлялись в небо.

— Вам выделена каюта, — сообщил нам с ведомым толстяк. — Полтора часа на отдых. За это время ваши аэропланы приведут в порядок. А то механики уже у меня на плечах висят. Говорят, что ваши машины развалятся, если их ещё хоть раз без хотя бы небольшого ремонта отправить в небо.

— Сразу видно, — устало усмехнулся я, всё же находя в себе силы встать и поднимая очки на лоб, — что они ни разу не воевали.

— Машины выработали моторесурс на несколько месяцев вперёд, — вспыхнул старший механик, без особых церемоний подхвативший меня и буквально волокущий на себе. — И, кстати, вы-то сами, господин летун, воевали?

— Я что, так молодо выгляжу? — глянул на него я, хотя это и было довольно неудобно.

Тот только половчее перехватил меня, будто я был мешком с картофелем, а не человеком. Однако дурацких вопросов больше не задавал, что меня искренне радовало.

— Вам всё равно нужен отдых, — говорил катящийся следом толстяк в лётной куртке. — Ну, куда вам в таком виде в небо. Капитан Гвинадо лично распорядился, чтобы вы отдохнули полтора часа.

— Почему именно полтора часа? — задал вопрос более проницательный мой ведомый.

Толстяк замялся, даже с шага сбился. Потупил взор. И я понял, что он знает намного больше, чем хочет сказать нам. Однако всё же решил, что врать открыто не стоит, раз уж его раскололи так быстро.

— Дальняя разведка обнаружила целый авиаполк блицкриговских тяжёлых аэропланов, — ответил он. — Торпедоносцы. Они заходят к нам во фланг. Капитан Гвинадо выделил пятнадцать летунов, которым предстоит им противостоять. Вы — среди них. Торпедоносцы доберутся сюда примерно через два с половиной часа, не раньше. Вот вам и дали время на отдых.

Торпедоносцы. Разработка, которая многим казалась абсурдной. Кому нужны большие аэропланы, если можно строить воздушные суда. Однако они оказались весьма дешёвы в производстве. На деньги, ушедшие на постройку одного корвета, можно было построить эскадрилью тяжёлых аэропланов. А по эффективности эскадрилья всё-таки несколько превосходила один корабль. Они могли постоять за себя, благодаря мощному пулемётному вооружению. Выстроившись плотным ордером, тяжелые аэропланы вполне могли организовать плотную огневую завесу, через которую очень трудно было прорваться.

И вот теперь целый полк вооружённых тяжёлыми торпедами, вскрывающими борта линкоров, готовился зайти к нам во фланг. Останавливать их придётся нам. Надеюсь, что полтора часа отдыха хоть немного помогут. На фронте, конечно, приходилось и меньше спать, но тогда я, как бы банально это ни звучало, был моложе.

Каюта была самой обычной. В подобных ей я прожил не один год. Два койки, низкий потолок, откидной столик и иллюминатор. Я быстро разделся и улёгся спать. Терпеть не

могу ложиться в одежде. Даже когда спать приходилось всего-ничего, я тратил несколько минут на одевание-раздевание. Лучше уж вовсе не спать. Уснул я, наверное, ещё раньше, чем голова моя коснулась подушки. Потому что даже отчаянного храпа моего ведомого не слышал.

Потому что первым, что я услышал, проснувшись, был именно его переливы. Я сел на койке. Металлический пол неприятно охлаждал голые ступни. Да и вообще, в каюте было не слишком жарко. Я быстро оделся. Как раз, когда натягивал шлем, на койке заворочался ведомый. Зевая, он вылез из-под одеяла, почесал короткие волосы, взъерошив их.

— Пора уже? — протянул он.

— Пора, — кивнул я, указывая на хронометр над входом в каюту.

Спустя секунду, в дверь уже деликатно, но громко стучали.

Ведомый слез с койки, принялся быстро шнуровать ботинки. Я же крикнул, чтобы входили. Дверь в каюту мы запирать не стали. Хотя и я, и ведомый, по привычке спали с револьверами под подушкой. Точнее это у меня был револьвер. А ведомый сейчас прятал в кобуру чёрной кожи здоровенный угловатый пистолетище. Я таких даже не видел — что-то новенькое. Из него, наверное, можно аэропланы сбивать.

Дверь каюты распахнулась — на пороге стоял молодой матросик с усталым лицом. Видимо, ему спать не пришлось ещё с самого начала боя. И потому нам он отчаянно завидовал. Быть может, именно его с товарищем каюту, мы занимали.

— Ваши аэропланы в ангаре, — сообщил он. — Техники готовят их к запуску.

Я поблагодарил его, и мы с ведомым поспешили вслед за матросиком в тот самый ангар, о котором он говорил. По дороге я понял, что сон не хочет отпускать меня. Я отчаянно зевал всю дорогу. Очень хотелось закрыть глаза — веки будто свинцом налились.

И потому в ангаре я первым делом направился не к аэропланам, а к баку с водой. В него тонкой струйкой стекала ледяная вода с конденсатора влагоуловителя. Питьевой эта вода уж точно не была — её использовали в основном для технических нужд. Я снял шлем — и нырнул в него головой, задержав дыхание. Вынырнул. Понял, что мало. Нырнул снова. И третий раз — для закрепления. Натянул шлем на мокрые волосы.

Вот теперь можно отправляться в небо. Сна как ни бывало.

Я быстрыми шагами догнал ведомого, тот, собственно, не сильно и торопился. Толстяк в лётной куртке уже собрал вокруг себя летунов, которым скоро отправляться в небо.

— Враг идёт с небольшим опережением, — говорил он. — Кроме того, торпедоносцы прикрывают не только лёгкие аэропланы, но и корвет. Он маячит на границе залпа нашего главного калибра — сам огня не открывает.

Всё понятно. Теперь нам придется либо, очень сильно рискуя, лететь мимо него, подставляя себя под огонь его зенитных пулемётов, либо делать большой крюк. Что очень сильно играет на руку тяжёлым аэропланам.

— И самое неприятное, — добавил толстяк, — разведчики доложили, что видели на аэропланах прикрытия значки «Летающего цирка».

— Барон, — прошелестело над нашими головами.

Если Ястреба и Ятаганы ненавидели, то Барона — просто боялись. Командир самой эффективной эскадрильи Нейстрийского фронта. Они не перестали воевать, даже после подписания перемирия. Как и Буковски, Барон собрал своих летунов, чтобы стать наёмниками. Теперь они убивали не ради славы или орденов, а за деньги. В каком-то смысле это было даже честнее.

— Блицкригу проданся, — прошептал ведомый. — На это мы не рассчитывали.

— А на «Турн-и-Таксис» не грешишь? — глянул на него я.

— Даже у почтарей не хватит денег на Ястреба с Ятаганами и на «Летающий цирк» Барона.

Я только плечами пожал. Может быть, он был прав. Счетами почтовой компании я не интересовался, хотя, наверное, многие аудиторы готовы были за это душу продать. И всё равно, остались бы, как говорят, с положительным балансом.

— Вот что такое мы впутались? — спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ответа, конечно, не получил. Ведомый даже плечами пожимать не стал.

— По машинам! — выпалил один из летунов, быть может, тот же самый заводила или уже новый.

— Высокого неба! — крикнул нам толстяк.

— Не теряй его, — нестройным хором ответили мы.

Толстяк махнул рукой. Техники засуетились сильнее обычного. Запели сирены. Замигали лампы. Внешняя стена ангара медленно начала расходиться. Бывшая десантная палуба была переделана под ангар для аэропланов. Я уже несколько раз встречался с таким.

Мы забрались в свои машины. Когда я уже собирался запрыгнуть в кабину, меня поймал за рукав молоденький ещё механик.

— Там же холодно, — сказал он, — а вы с мокрой головой.

— Там, — махнул я рукой в сторону медленно расширяющейся серой полосы неба, — будет так жарко, что я уж точно не простыну.

Паренёк, похоже, был не в курсе этой бородатой шутки фронтовых летунов. Он с недоумением уставился на меня.

— От пневмонии не умер ещё ни один летун, — усмехнулся я.

Запрыгнув в кабину, я крикнул «От винта!», хотя у безразгонника никакого винта не было. Наверное, скоро эта фраза станет ритуальной. А то и вовсе уйдёт в прошлое.

Двери ангара окончательно разошлись в стороны. Можно было взлетать.

Аэропланы приподнялись на несколько сантиметров над полом ангара — и хоть нам никто не выдавал ордера или порядок вылета, один за другим покинули помещение. Выстроились в небе и направились к новой схватке. На полной скорости. По широкой дуге обходя смутную тень вражеского корвета.

Именно тогда мы столкнулись с новым зенитным вооружением Блицкрига. Не повезло тем, кто решил обогнуть корвет сверху, используя высокую скорость набора высоты, присущую безразгонникам. Мы с ведомым ушли налево — и нам было очень хорошо видна вся страшная картина.

Лязг металла был слышен даже с большого расстояния. Стволы орудий, высунувшиеся из-за броневых щитов, были почти незаметны. Зато результат обстрела — очень даже. Как будто несколько десятков шутих выстрелили одновременно. Верхняя палуба корвета окуталась клубами пара и порохового дыма. В небо рванулись снаряды. Затем новый залп. И ещё одна волна снарядов. Во время третьего залпа начали взрываться в небе первые снаряды. С глуховатыми хлопками расцветали в небе сероватые облачка. Шрапнель превращала аэропланы, летящие над корветом, в настоящее решето. Они разваливались прямо в воздухе. Град обломков посыпался прямо на верхнюю палубу.

— Дьявол, — вырвалось у меня сквозь стиснутые зубы.

А ведь самым основным манёвром обхода воздушных судов всегда был именно подъём.

Чтобы заходить сверху на вражеские аэропланы. Раньше для борьбы с этим манёвром использовали баллоны с газом, маневрировать среди которых почти невозможно. Теперь вот блицкриговцы придумали куда более эффективный метод.

Но корвет остался позади. Впереди нас ждал враг — жестокий и опытный. Так что и оружие, и погибших ни за грош товарищей, лучше пока забыть. Тем более, что я даже имён их не знал.

Оставшиеся аэропланы выстроились боевым порядком. Летящий недалеко от меня пилот показал большим пальцем вверх. Я кивнул, Мы начали набирать высоту. Остальные последовали примеру. Атаковать врага лучше всё-таки с превосходящих высот. Если, конечно, у тебя нет плана неожиданной атаки, как у Александра.

Примерно также думал и Барон. Наши эскадрильи налетели друг на друга, едва не столкнувшись в облаках. И грянул встречный бой. Аэропланы Барона опередили торпедоносцы, чтобы первыми встретить нас.

Я бросил машину влево. Летевший рядом пилот ушёл со своим ведомым вправо. Не думая о том, попаду ли в кого, я нажал на гашетку. Среди туч замелькали очереди фосфорных пуль. Я прошёл мимо раскрашенного самыми невероятными цветами, как это принято в «Летающем цирке», аэроплана. Летун его помахал мне рукой. Шутник, будь он неладен. Оказывается, подлец отвлекал моё внимание — и это ему почти удалось. В последнюю секунду я успел бросить аэроплан вниз и влево, уходя от длинной очереди налетающего спереди врага. Надеюсь, ему достаётся от ведомого.

Закрутив штопор, я повёл аэроплан снова вверх, выбирая себе цель. Враг как будто почувствовал моё внимание. Ушёл с линии огня — нырнул в облака. Я не стал гоняться за ним. Всё же главной целью были именно торпедоносцы. Я поднял машину ещё выше, не рискуя уходить в тучу. Слишком велик шанс наткнуться при выходе на врага. А то и схлопотать шальную очередь неизвестно от кого.

А вот и тяжёлые аэропланы. Здоровенные четырёхмоторные машины с экипажем в пять-шесть человек. Так и топорчатся пулемётными стволами вверх и вниз. И палят стрелки вовсю, чертя небо фосфорными пулями. Похоже, со времён войны они приобрели популярность.

Подняв аэроплан ещё выше, я бросил его в крутое пике, нацелившись на один из двигателей торпедоносца. Пулемётчик заметил меня, развернулся в своём гнезде в мою сторону. Но было поздно. Я заходил с той стороны, где он уже не успел меня достать. Длинной очередью из обоих стволов я хлестнул по двигателю. Тот мгновенно воспламенился. Широкие лопасти пропеллера замерли. Заодно язычки пламени побежали по внушительному деревянному крылу торпедоносца.

Я ушёл вниз. За спиной раздалась ещё одна длинная очередь. Ведомый продолжал обрабатывать тяжёлый аэроплан.

Я уже собирался на второй заход по тому же противнику. Но меня перехватил наёмник. Он вынырнул из облаков сбоку. Открыл ураганный огонь. Пули застучали по фюзеляжу, вспыхивая, но не причиняя вреда тонкому металлу. Я увёл машину вверх. Резко выключил тягу, давая аэроплану самому упасть на врага. Рухнул вертикально. Машина противника представляла собой идеальную мишень. Мне хватило одной очереди. Окутавшись пламенем, блицкриговец устремился к земле, сваливаясь в неуправляемый штопор.

На скорости я проскочил мимо торпедоносца. Достать его я просто не успевал. А вот бортстрелки устроили на меня настоящую охоту. Мне очень не повезло угодить под

перекрёстный огонь сразу двух пулемётов. Выжав газ до упора, я закрутил штопор, лишь бы уйти хотя бы относительно целым. Пули снова застучали по фюзеляжу моего аэроплана. Он затрясся от многочисленных попаданий. А ведь живучая машина! Каким-то чудом мне удалось вырваться из-под перекрёстного огня. И даже бой вести ещё мог.

А вот торпедоносец, как раз, нет. Ведомый буквально расстрелял пилота и бортстрелка из передней аппарели. И теперь тяжёлый аэроплан летел строго вперёд, медленно заваливаясь на один борт. С той стороны, где мы разнесли его двигатели.

Я сделал ведомому знак возвращаться. Всё же переоценил я живучесть моей машины. Что-то внутри неё ошутимо вибрировало. Да и звук мотора мне откровенно не нравился. Ведомый кивнул. И мы парой отправились в обратный путь.

Капитан авианосца из частной армии Чёрного Буковски внимательно вглядывался в кипящие грозой и яростью облака. Как можно было летать там чему-то меньше корвета, он не понимал. Однако безумцы, которыми являлись летуны, умудрялись не только летать, но и драться в этой серой кипени. И убивать друг друга.

Капитан слушал доклады офицеров. Те сыпались на него со всех сторон постоянно. Освоить такой объём информации он, конечно, не мог. Однако и нужды в этом не было. Ведь обстановка менялась порой быстрее, чем офицеры успевали доложить.

Грохотали орудия главного калибра авианосца. Оно, конечно, было меньше, чем на линкорах и броненосцах, однако маневрирующему корвету Блицкрига хватило бы и пары попаданий. Он теперь стрелял в ответ, хотя как раз уж его снаряды никакого вреда авианосцу нанести не могли. Они просто отскакивали от брони.

— Боем связать пытаются, — протянул старший артиллерист авианосца.

— Не только, — покачал головой капитан, — и не столько. Зашёл к нам в борт — и лупит по ангарам. Броне-то это нипочём, а вот какво придётся аэропланам. Какие мысли по этому поводу? — обернулся он к старшим офицерам, стоящим тут же — на мостике.

— Да что тут думать! — воскликнул артиллерист. — Дать им бой! Подойти на полкилометра — и ударить, как следует!

— Если только именно этого они не добиваются, — заметил капитан.

— Но в противном случае, — покачал головой отвечающий за лётный состав офицер, у которого и должности-то толком не было. Он давно уже не садился в кабину аэроплана из-за травм, полученных ещё до войны во время аварии. С тех пор он сильно располнел, но продолжал носить лётную куртку и шарф, — мы ставим под угрозу все наши аэропланы. Особенно те, что опускаются на верхнюю палубу. Они окажутся под обстрелом вражеских орудий малого калибра. К тому же, все мы видели, как работает их новая зенитная система.

Остальным не нашлось что сказать.

— Понятно. — Капитан снова обернулся к обзорному стеклу. — Бездейственными мы оставаться дальше не можем. Рулевой, манёвр сближения с корветом врага. Открыть беглый огонь из главного калибра по корвету. Подготовить остальные орудия к беглому огню.

Вытянутая громада авианосца медленно качнулась в сторону вражеского корвета. Тот огрызнулся из всех пушек. Однако боя не принял. Подался назад, сохраняя дистанцию и продолжая вести огонь. Авианосец продолжал преследование, набирая скорость. Более шустрый корвет отступал, но не уходил совсем.

— «Дерфлингер» прорвался! — доложил офицер связи, сжимающий в кулаке телеграфную квитанцию. — На всех парах идёт к нам! Китобои пытались остановить его. Дважды брали на абордаж, но на борту «Дерфлингера» чуть ли не бригада небесной пехоты

Блицкрига. Китобоев выкидывали оба раза с большими потерями. «Пилигрим» и два фрегата сопровождения были вынуждены отступить под превосходящей огневой мощью врага.

— А что наши?

— Связаны боем на этом участке, — доложил офицер службы наблюдения. — Прикрыть нас никто не сможет.

— А тут ещё этот корвет крутится, — протянул артиллерист, — и торпедоносцы. Да уж, взяли нас в оборот, нечего сказать.

— Не забывайте, — напомнил всем капитан, — мы не должны выигрывать этот бой. У нас другая цель. Это не нас связывают боем. Это мы связываем боем блицкриговцев.

— Условленного сигнала пока нет, — заметил офицер связи. — Ожидаем.

Проклятый корвет отрезал нас от авианосца. Мы метались по небу, но его бортовые зенитки работали отлично. Подобраться к нашему кораблю возможности просто не было. Даже если обходить по самой широкой дуге. Верхняя палуба находилась под постоянным обстрелом корвета.

Торпедоносцы же были всё ближе. Первые машины уже маячили в непосредственной близости от кормы корвета. Да и наёмничьей эскадрилье Барона забывать не стоило.

Мы носились по небу. Теперь нам приходилось экономить едва ли не каждый патрон. Слишком уж мало их оставалось в цинках. Очередей длиннее, чем в три патрона я старался не давать. Стук и вибрация в двигателе усилились. После ещё нескольких попаданий пара листов жести отслоилась и теперь металлически звенела на ветру. А из многочисленных дыр в фюзеляже сочились струйки дыма.

Каким бы живучим ни был мой безразгонник, долго мне в воздухе не продержаться.

Ведомый нагнал меня. Сравнил скорости наших аэропланов. И показал пальцем вверх. Мы синхронно набрали высоту. Ведомый указал на вырвавшийся вперёд торпедоносец. В этот момент как раз несколько наших аэропланов подожгли последний оставшийся двигатель у летящей в непосредственной близости от него машины. И тяжёлый аэроплан, стремительно набирая скорость, начал падать. Так что выбранный целью противник остался один — без прикрытия.

Ведомый похлопал по краям кабины. Значит, атакуем пилота. Странный выбор. Вот только ведомый не оставил мне выбора. Он бросил свой аэроплан в атаку, опережая меня. Что мне оставалось, кроме как последовать за ним.

Мы сверху зашли на торпедоносец. Ведомый, хотя теперь он был уже ведущим, прошёлся длинной очередью по кабине пилота и по передней аппарели. Я же атаковал оставшиеся аппарели. Зенитчики вскинулись в своих «гнездах». Но было поздно. Я тоже не скупился на патроны, опустошая цинки. Чёрт с ним! Мне отчего-то казалось, что у моего ведомого родился некий безумный до гениальности план. Очереди заставили пулемётчиков замереть. Оба откинулись на спину, прошитые пулями. Пилот схватился за лицо, развороченное рикошетом. Между пальцев его обильно текла кровь.

Почти одновременно мы проскочили мимо торпедоносца. Однако ведомый внезапно сильно затормозил. Если можно так сказать о манёвре в небе — другого слова у меня просто не нашлось. Видимо, включил антиграв на полную мощность. Он выровнял скорость и высоту с неуправляемым торпедоносцем. И сделал нечто такое, что у меня просто волосы под шлемом дыбом встали.

Такого не делали ни в одном воздушном цирке. Ни в шутовском. Ни в бароновском. Ведомый отстегнул ремень безопасности, поставил ногу на край кабины. Подхватил пилота,

молниеносным движением ножа перерезав его ремень, и буквально выкинул его за борт. А следом сам перепрыгнул на его место. И его, казалось, ничуть не пугала чудовищная высота. Одна ошибка — и лететь придётся далеко.

Один из стрелков аппарели вскинул голову. Несмотря на раны он был ещё жив. Ведомый хладнокровно вытащил свой здоровенный пистолет и парой выстрелов прикончил его. И после это взялся за рычаги торпедоносца.

Я кружил рядом, наблюдая за последовавшими событиями. Вдруг враг поймёт, что произошло — хоть это и заняло считанные секунды — и атакует машину, которая теперь может причинить блицкриговцам очень много вреда. Как оказалось, делал я это не зря.

Красный аэроплан, принадлежащий самому Барону, налетел, словно коршун. Барона, вообще, часто сравнивали именно с этой хищной птицей. Не будь у меня безразгонника, я бы вряд ли осмелился атаковать его. Однако сейчас мне больше ничего не оставалось.

Я атаковал снизу, не жалея оставшегося скудного запаса патронов. Фосфорные пули прошли мимо. Барон бросил свой красный «Альбатрос» в сторону. Однако на меня переключаться не спешил. Понимал, что является главной целью. Пулемёты со щелчком замолчали. Всё — патроны вышли. Теперь мне оставался только таран. Ну, или хотя бы имитация.

Выжав газ до упора, я направил машину прямо на аэроплан Барона. В тот момент я и сам не знал — отверну ли в последний момент или же сумею довести дело до лобового тарана. Выжить при нём шансов почти нет у обеих сторон. Расстреливающий широкие крылья торпедоносца Барон предпочёл уйти в сторону. И следом обрушил огонь своих пулемётов на мой аэроплан. Мне пришлось крутиться даже быстрее, чем когда я попал под перекрёстный огонь двух зениток. Всё же Барон был настоящим асом. Мне до него было далеко.

Я закрутил машину в бешеном штопоре. Это был опасный трюк, ведь аэроплан мой вполне мог развалиться от таких кунштюков. Резко сбросил скорость, пользуясь преимуществом безразгонника. Попытался пропустить «Альбатрос» Барона мимо. Но тот не купился. По короткой дуге снова нагнал меня, поливая длинными очередями. Я закрутил отчаянную «бочку» — фосфорные пули мелькали то слева, то справа от моего аэроплана. Несколько даже врезались в фюзеляж. Дымный след, тянущийся за моей машиной, стал чернее и намного гуще. Стук двигателя окончательно слился с вибрацией в один неприятный, режущий ухо звук.

Уйдя на высоту, недоступную «Альбатросу» Барона, я смог наблюдать всю картину атаки торпедоносца на вражеский корвет. Смутно знакомый пилот сумел подвести тяжёлый аэроплан на расстояние торпедной атаки. И выпустил обе мощные торпеды разом. Здоровенные сигарообразные снаряды полетели вниз по диагонали. Врезались в корму корвета. Взрыв разметал броню. Пламя объяло едва ли не половину корпуса воздушного корабля. Жирный чёрный дым потянулся за ним шлейфом. С опозданием грянули зенитные орудия корвета. Торпедоносец начал буквально разваливаться на части, разрываемый шрапнелью. О судьбе моего бывшего ведомого я не хотел думать.

Я направил свой дребезжащий и разваливающийся безразгонник к авианосцу. Корвет в это время отчаянно боролся за жизнь. Объятый пламенем, он медленно терял небо. Ему уже было не до того, чтобы палить по пролетающим мимо аэропланам. Опустившись на верхнюю палубу, я тут же выскочил из кабины. И был сильно удивлён тому, что техники крепят мой безразгонник к ней.

— Что это значит?! — воскликнул я. — Там же бой идёт!

— Хватит, — махнул мне рукой старший механик. — Отвоевались мы. Выходим из боя.

Сюда идёт «Дерфлингер». Нам против него не выстоять.

— Аэропланы ещё могут задержать его, — настаивал я.

— Не в «Дерфлингере» дело, — подошёл ко мне толстяк в лётной куртке. — Мы получили сигнал от Александра с «Вулкана». Посылка получена — можно уходить. Мы сделали своё дело. — Он подошёл и несильно хлопнул меня по плечу. — Вы — сделали своё дело. И сделали его отлично!

У меня были силы только на то, чтобы кивнуть.

— А ведомый твой? — спросил толстяк.

Я кивнул в сторону медленно падающего корвета.

— Это он натворил. Называл сумасшедшими китобоев, а сам такое учудил. Перескочил из своего аэроплана в торпедоносец — и подорвал корвет.

Толстяк в лётной куртке недоверчиво покачал головой. Поверил ли он мне или нет — меня это не сильно волновало.

Я лежал на траве и глядел в небо. Закинув руки за голову и наслаждаясь теплом. В кратере Чёртова жерла найти траву было достаточно сложно. Это место мне показала Силке. Она притащила меня сюда буквально за руку. Тут же плюхнулась на траву.

— Это — моё место! — с гордостью заявила она. — И только те, кому я разрешаю, приходят сюда!

— А что бывает с теми, кто приходит без твоего разрешения? — поинтересовался я.

— Я разрываю их на куски, — прорычала Силке, соорудив уморительно зверскую рожицу, — и швыряю их на самое дно нашего кратера! Отец уже не раз говорил мне, что там уже слишком много костей лежит!

Несмотря на мрачное настроение, я тогда не смог удержаться от смеха.

Вот теперь, с милостивого разрешения дочери Бронда, я мог свободно валяться на траве и глядеть на небо. Не рискуя при этом отправиться в виде разрозненных кусков на дно Чёртова жерла.

Я ценил это одиночество. Даже Силке быстро перестала набиваться мне в спутники. Непосредственной и непоседливой пацанке было скучно со мной. Я ведь валился на спину, закидывал руки за голову и глядел в небо. И только сильный дождь мог прогнать меня. От слабых меня защищал небольшой карниз, нависающий над полянкой.

С этими визитами я почти потерял чувство времени. И в тот день, когда ко мне пришёл Бронд, я уже не мог сказать точно — сколько именно провёл в гостях у китобоев. Бронд опустил на траву рядом со мной. Вынул из-за пазухи одну за другой три бутылки без маркировки. Запечатаны они были сургучом. Я знал, что так запечатывали только урдскую казённую водку.

— А не многовато на нас двоих? — поинтересовался я.

— Закуска хорошая.

Оставив бутылки на траве, Бронд отправился туда, откуда пришёл. Вернулся, неся увесистую корзину, накрытую белым полотном.

— Это от фрау Бронд, — сказал он. — Она сказала, что тебе давно пора пообедать. И отправила меня сюда. — Китобой поставил корзину на траву. Нёс её он с явным усилием. — Это я уговорил фрау Бронд половину выложить. Но тут и без того хватит, верно, на эскадрилью.

Бронд принялся выставлять на траву еду в судках. А ведь насчёт эскадрильи он, пожалуй, не шутил. Еды в корзине было много. И самой разнообразной. На любой вкус.

— Твою бы фрау Бронд да к нам на «Левиафана», — усмехнулся я. — А то кок там из лучших продуктов готовил такую бурду, что есть противно было. Если, конечно, не слишком голоден.

— Вас, летунов, кормят всегда как на убой, — подтвердил Бронд.

Последними он поставил на импровизированную скатерть пару стальных рюмок. Из таких только урдскую казёнку и пить.

— Ну, от винта.

Звякнули рюмки. Мы приняли по первой.

— Между первой и второй... — Бронд уже наполнял рюмки.

Огненная дорожка пробежала по пищеводу. Казалось, выдохну я чистое пламя.

Мы с Брондом приняли гасить пожар в желудке едой. Оказывается, я проголодался — и на самом деле довольно сильно. Мы усилено жевали. Вскрывали судки, каждый раз удивляясь тому, что в них лежит. И продолжали жевать. Не забывали и про короткие перерывы на тост, так сказать.

Из-за количества еды даже казёнка брала не сразу. Да и пить её с переполненным желудком сложновато. Мы едва прикончили первую бутылку, когда, не сговариваясь, откинулись на траву. И я понял, что Бронд, наконец, решился заговорить о главном. О том, зачем пришёл ко мне.

— Война начинается, Готлинд. Большая война. Может быть, даже больше, чем недавняя. Блицкриг объявил войну Империи. «Турн-и-Таксис» объявили о том, что выводят все свои деньги из нашей страны. И более не будут осуществлять перевозки в нашем небе. Блицкриг поддержала Нейстрия. Тамошние «ястребы» жаждут реванша за войну, которую считают проигранной. Хотя там ещё не всё решено — в королевстве достаточно уставших от войны политиков и генералов, которые настаивают на нейтралитете. Союзники Империи уже собирают войска на границах.

Ну что же, этого и следовало ожидать. Собственно, причиной моего дурного настроения был тот факт, что я стал одним из соавторов *casus belli*. Ведь именно пограничная стычка в нейтральных небесах и стала формальным поводом для новой войны. А ведь мир продлился даже меньше, чем шла проклятая война, из которой я едва выбрался живым.

И вот теперь к пограничным крепостям стягиваются обозы с продовольствием, а навстречу им шагают длинные колонны самых прозорливых беженцев. По железной дороге катят эшелоны с оружием и боеприпасами. Из-за них задерживаются рейсовые поезда — и уехать из приграничных районов становится тяжело. А потому раскупаются все билеты на пассажирские воздушные корабли и арендуются аэропланы. Кто-то уже зарабатывает на войне — даже ещё не начавшейся — хорошие деньги.

Войска приводят в боевую готовность. Повсеместно идут учения. Вызывают резервистов и абшидированных^[2] солдат и унтеров. Отменяются отпуска офицеров. Расконсервируют технику. Скоро в небо поднимется множество воздушных судов, даже устаревших, и спустившихся на землю сразу после войны. Выкатят из депо бронепоезда. Они показали себя не лучшим образом, однако всё равно пойдут в дело. Линкоры, крейсера, миноносцы, корветы, — военно-морские суда готовятся оборонять порты и не допускать десантов на побережье.

Маховик войны медленно, но верно раскручивается. И остановить его уже не сможет никто. А запустил его, в том числе и я. От этого было противно.

Я запил эту противную горечь казёнкой. Не помогло. Есть не хотелось вовсе. И я предпочёл ещё одну рюмку.

— Ты хоть знаешь, из-за чего весь сыр-бор поднялся? — поинтересовался Бронд. — Я ведь даже не знаю, что там вёз аэроплан «Турн-и-Таксис».

— Я знаю не больше твоего, — покачал я головой, вяло жуя листик салата. — И мне кажется, что Чёрный Буковски тоже не в курсе. Да и не стремлюсь, Бронд, я знать это. Меньше знаешь — дольше проживёшь.

— Вадхильд всю дорогу с тобой, как говорят, ошивался. Даже ведомым твоим был. А ведь это он был чуть ли не человеком самого Адалыгина.

Я только руками развёл. Что я мог сказать по этому поводу. Мне было только смутно знакомо лицо этого Вадхильда. Кажется, по войне. Но я не был уверен даже в этом.

— Клаус твой — славный парнишка, — неуклюже сменил тему Бронд. Он был тяжеловесным человеком. Во всех смыслах. — Ему стоит остаться у нас. Слишком уж... — Он не договорил.

— Опасно ему со мной, — закончил за него я. — Всё верно, не мнись, Бронд. Я сам хотел просить тебя оставить Клауса в Чёртовом жерле.

— Вот и славно, — пробурчал Бронд. Он явно хотел поговорить о чём-то ещё, но вновь не хотел поднимать тему.

Мы старательно обходили один вопрос. Гибель Якоба. Старый почтарь сгинул в грозовом небе. Не нашли ни тела, ни обломков его аэроплана. В отличие от меня, он до самого конца летал своим переделанным в безразгонник «Стриже». Кто-то видел, как его аэроплан попал под огонь зенитной установки блицкриговского крейсера — и разлетелся на куски прямо в воздухе. Но поручиться, конечно же, никто не мог. В небе бывает всякое. А уж неразбериха царит такая, что порой врага от друга не отличишь.

Но факт остаётся фактом. Якоб не вернулся из очередного вылета.

Хотя вряд ли Бронд хотел поговорить именно об этом. Вопрос тогда — о чём?

— Нас выселяют, — выпалил, наконец, Бронд, вертя в руках опустевшую бутылку казёнки. — Это до отделения Блицкрига мы находились едва ли не посередине страны. А теперь вот оказались в приграничной полосе. Чёртово жерло буду использовать как противовоздушную крепость. Чёрт! Да они просто захватят наши укрепления и поставят тут свои воздушные корабли, вместо наших. И вот им готовая крепость против Блицкрига.

— Значит, пора и мне покинуть Жерло, — кивнул я. — Военным летуном снова становиться никакого желания нет.

— И куда? — поинтересовался Бронд. — Может, со мной останешься? Воевать уж точно не придётся. Научим тебя наших китов ловить. Стальных в смысле. Нам обещали хорошо платить за захваченные корабли Блицкрига. И место под новую базу выделили — похуже нашей, но тоже ничего так. Денег дали — и наличными, и кредит большой в Дилеанском земельном банке. Обещают помощь ещё много чем.

— Я понимаю всё, Бронд. — Я сел, вяло покопался в очередном судке с едой. — Но не по мне это всё. Уеду я.

— И куда? — поинтересовался командор китобоев. — Сейчас нигде не будет спокойно. Разве что в Урде. — Он щёлкнул пальцем по непечатой бутылке казёнки. — Но там слишком уж холодно. Да и где найти работу для летуна в тамошних степях-то.

— А хоть бы и в Урд, — пожал плечами я. — К холоду я привычный, а работа для летуна найдётся всюду.

— А полетишь ты туда как? Буковски тебя к самой урдской границе не повезёт.

Авианосцы и крейсера Чёрного Буковски до сих пор ремонтировались в обширных доках Чёртова жерла. Воздушному пирату повезло с временными союзниками. Китобои ведь буквально разбирали захваченные корабли, продавая с них всё, что представляло ценность на чёрный рынок. А остальное шло на починку домов и постройку новых. И их обустройство, конечно. Я вот жил, например, в салоне роскошного пассажирского лайнера с коврами на полу и деревянной мебелью, украшенной затейливой резьбой.

— Завербуюсь, — развёл руками я.

— На Север, что ли?! — удивился Бронд. — Да ты сумасшедший! У тебя же кишки и мозги смёрзнутся. Оттуда людей привозят в таком виде, что смотреть страшно! Ледышки, а не люди!

— А здесь будет слишком жарко, — усмехнулся я. — Я уже горел раз в аэроплане. Больше как-то желания нет.

— Силке говорит, что у тебя талант к полётам на безразгонниках. Особенно на мотоциклах.

— В гарпунёры завербовать меня хочет, — рассмеялся я. — Я не настолько обезумел, Бронд, чтобы летать, когда под ногами ничего нет. Недостаточно я отчаянный для этого, наверное.

— Это старость!

В спину мне врезалась небольшая, но сильная ручонка Силке. Я едва не повалился на траву.

— Полёты на мотоциклах для молодых!

Силке уселась рядом с нами. Подхватила бутылку, понюхала её, скривилась.

— Опять ты эту гадость пьёшь, папа, — осуждающе глянула на отца дочь. — Знаешь же, что маме это не нравится.

— Она видела бутылки, — начал оправдываться Бронд, который дома находился под пятой своих любимых женщин, — и знает, куда и к кому я отправился пить. Нас выселяют, дочка, и трезвым я быть в такое время не хочу. Ты ведь ещё совсем маленькая была, когда мы здесь обосновались. Не помнишь, как нам приходилось мыкаться до этого.

— Для меня Жерло это дом, — напустилась на него Силке, — и другого я не знаю вообще. И мне тоже очень не хочется, чтобы он стал имперской военной базой.

— Выбора у нас всё равно нет, — вздохнул Бронд, берясь распечатывать вторую бутылку.

Я покачал головой. Пить больше не хотелось. А уж напиваться — тем более. Мне пора было покидать Чёртово жерло. Пока отсюда не ушли последние корабли Чёрного Буковски. А точнее авианосец «Георг», на борту которого я воевал. Ведь именно там стоял мой безразгонник — «Ястреб», так называлась серия первых антигравитационных аэропланов Империи. Он стал моей платой за участие в безумной драке с блицкриговцами.

— Когда сниматься думаешь? — спросил я у Бронда.

— Вот Буковски свой флот заберёт — и мы отправимся к новому дому. Сейчас вот потихоньку собираем всё, что можно будет увезти с собой.

— Скоро за твою конуру примутся, — кровожадно усмехнулась Силке.

— Значит, точно вместе с Буковски уйду, — в тон ей ответил я. — От вас, злодеев, подальше. Пусть бы на Урдский север.

— Ты что, серьёзно? — всплеснул руками Бронд. — Насчёт Севера?

— В ледышку же превратишься! — поддержала его Силке.

— На высоте всегда холодно, — пожал плечами я. — Просто буду одеваться потеплее.

Спорить дальше со мной не стали. Мы развалились на траве. Вяло жевали еду, которой, казалось, не становилось меньше.

Вскоре Бронда нашёл кто-то из его людей. Он вздохнул и поплёлся за ним. Мы же с Силке остались валяться дальше.

Я понимал, что завтра надо будет прекращать ничегонеделание. Надо узнать, что с моим «Ястребом». Выяснить — куда именно сможет доставить меня Буковски. Да и финансы подсчитать. Я ведь хотел заработать на этом деле реальные деньги, а не аэроплан. «Ястреб», безусловно, принесёт мне хороший доход. Однако для того, чтобы устроиться на новом месте, мне будут нужны наличные. А вот с ними у меня туговато.

Значит, вполне возможно, что я отправлюсь на Урдский север. Вербовщики урдцев дают хорошие подъёмные. Особенно летунам. Да и вообще, по части обеспечения у них всегда всё хорошо. И от войны опять же на Севере можно будет спрятаться надёжно. Туда она вряд ли доберётся.

Что же, не самая плохая идея, на самом деле. Я сел, прислонившись спиной к нагретому куску лавовой породы. Что-то выскользнуло из кармана моих брюк. Монета. Мне почему-то показалось, что это тот самый дил, определивший во многом нашу с Якобом судьбу. Ну и Клауса тоже. Хотя мальчишке повезло больше нашего. Видел я, какими глазами он смотрит на Силке. С китобоями ему будет куда лучше, чем на ледяном Севере Урда.

Я подобрал злосчастный дил. Он снова лежал в ладони «решкой». Поднявшись на ноги, я прошёл к обрыву. Глянул вниз. Кратер уходил в темноту. Я с силой швырнул монету. Дил в последний раз сверкнул на солнце — и пропал из виду, улетев в темноту кратера.

Надеюсь, что с ним улетят в тартарары и все мои беды, который принесло с собой моё необдуманное решение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Урдский север

Морозы Урдского севера были всё-таки сильно преувеличены. Тут плевков не застывал, не успевая долететь до земли. Хотя без тёплой одежды на улицу выходить не стоило. Можно было отморозить себе что-нибудь важное и нужное в организме. Многие особенно лихие инспецы, так в Урде называли приглашённых из-за границы специалистов, щеголяли без пальцев на руках. Да и походку тех, у кого не хватало пальцев на ногах, я тоже успел увидеть не раз.

В отличие от них я всегда одевался иногда даже теплее, чем нужно. И потому первое время не мог понять, отчего так часто болею. Уже потом женщина, у которой я квартировал, объяснила мне, что к чему. Растирая при этом мне спину настойкой на казёнке или спирту — уж не знаю точно.

Но всё же самым страшным на севере Урда был вовсе не холод. Мало кто за границами Народного государства знал, что творится в его пределах. Вышедшее из войны незадолго до переломного момента в ней Урдское царство сумело сохранить экономику и армию, однако пало под ударами изнутри. Слишком много недовольных правлением царя оказалось внутри него. Среди военных, интеллигенции и даже так называемого «третьего сословия». Гражданская война была короткой, но жестокой и кровопролитной. Старую знать и гвардию по большей части перебили. Счастливчики сумели удрать за границу. Теперь в столице Блицкрига организовалось правительство в изгнании, во главе с каким-то дальним родственником царя. Самого правителя Урда прикончили в первый день мятежа. Вместе со всей семьёй.

А после началось то, что лучше всего характеризовалось фразой «революция — это свинья, которая пожирает своих детей»^[3]. Далеко не все были довольны курсом новой власти. Другие привыкли к беззаконию гражданской войны. Страна оказалась наводнена оружием. Как результат — появление банд, грабящих по дорогам и терроризирующих деревни. И даже небольшие города. Больших на севере Урда было раз-два и обчёлся.

В одном из таких — Усть-Илиме — находился едва ли не единственный аэродром на всём Урдском севере. Усть-Илим давно уже называли заграничным городом. Из-за аэродрома на его улицах можно было слышать речь едва ли не всего мира. Большой порт — центр Севера. Но были и негативные моменты в этом его положении. Вокруг Усть-Илима крутилось множество банд. Самой мощной из них руководил некий Вепр. Поговаривали, что на самом деле он давно уже держит в кулаке все остальные банды и те действуют по его указке. О нём вообще ходило множество слухов. Особенно о нечеловеческой жестокости. И вполголоса намекали на связь Вепра с контрреволюционерами из Баджея.

Баджей — логово контрреволюционеров на границе с Великой степью, где, как известно, законов нет. У кого больше ружей и сабель, тот и главный. Баджейские враги народа — такой термин бытовал в Урде со времён революции — обосновались в этом городе, и достать их оттуда новая власть пока не имела сил. Ведь им покровительствовал какой-то из местных князьков, у которого, однако, имелась сильная армия. А за ним стояла не то Нейстрия, не то Блицкриг, не то ещё кто. Хотя, надо сказать, иностранные разведки в Урде было принято подозревать, да и открыто обвинять, во всех смертных грехах.

Однако не о бандитах Вепра и не о баджейцах судачили в полголоса чуть не на каждом углу в Усть-Илиме. Главным источником слухов для всего, без преувеличения, Урдского

севера были окрестности реки Катанги. Что там находилось толком, конечно же, никто не знал. В каждом кабаке можно было услышать десяток версий. Верить или не верить им, решал каждый для себя сам, но имелись и кое-какие неоспоримые факты. На всех лётных картах, к примеру, этот район был обозначен как запрещённый для полётов без особого разрешения. Стояли даже отметки, недвусмысленно показывающие, что нарушители будут сбиты без предупреждения. Естественно, я пролетал по самой границе этой зоны. Не мог же я не сунуть туда нос — хотя бы из банального любопытства. Краем глаза мне удалось увидеть высокие здания и просторные вырубки. Кажется, даже вышки с мощными прожекторами заметил и колючую проволоку. Но за это не поручусь.

Говорили, что комплекс в районе Катанги был построен ещё в царские времена. Людей выгнали из всех окрестных сёл и деревень. Даже стойбища и кочевья тамошних аборигенов вычистили. Вроде как доходило до стрельбы и кровопролитья.

— Золото давали, — говорил как-то местный уроженец с узкими глазами, обросший бородой, — пушнину давали. Только куда золото в тайге надо? Не брали. И зверя не брали. Сами настреляем. Тогда казенку давали. Пули-порох давали. Вот их брали. И казёнку, и пули, и порох. С ними в тайге не пропадёшь. Но упрямые были. Ничего не брали. Говорили мундирным — здесь наши кочевья, наши стойбища, никуда не уйдём. Таким тоже пули давали. Сюда, — он указывает себе на лоб, — и сюда, — палец тыкает в грудь. — И не осталось упрямых.

— А ты, стало быть, не из упрямых? — весело спросил у него какой-то удалой старатель.

— А чего упрямиться, — пожал плечами тогда старик. — Мне порох и пули нужны. Казёнка хорошая — тож. Взял их и ушёл с той земли.

В трактире, над входом в который даже вывески не имелось, я бывал не раз. Я там, можно сказать, учил урдский язык. Местный его диалект. Он очень сильно отличался от того, который можно было услышать в столице Народного государства или крупных городах его. Ни в одном словаре не найти тех слов, что употребляли тут. А когда начинали говорить аборигены со своим чудовищным акцентом, я временами просто терял нить разговора. Приходилось гадать, о чём речь идёт, больше по жестам да по мимике. Так что, наверное, я стал через какое-то время едва ли не опытным физиогномистом. Хотя, что греха таить, моя речь тоже была далека от идеала — избавиться от дилеанского акцента мне не удастся, наверное, уже никогда. Так и буду смешить собеседников коверканьем гласных и особенно согласных.

День тот начался для меня как обычно. Я вышел из летунского общежития, похрустел валенками по снегу. Была ещё поздняя осень, но снег лёг уже довольно давно. И на оттепель вряд ли стоило рассчитывать. Направился я в лавку дядьки Луда. Тот регулярно заказывал товары из губернского города, и принимал заказы от всего Усть-Илима. Вчера прилетел торговый корабль, а значит, можно было забирать у дядьки Луда мою лётную маску.

На высоте и в более мягком климате достаточно холодно. А уж на Урдском севере полёты временами превращались в настоящий кошмар. Мне приходилось заматывать лицо шарфом, но помогало это слабо. От ветра тот норовил размотаться — и тут же ледяной ветер зверски кусал кожу, как будто хотел отхватить кусочек. А то и нос с губами в один присест.

Маску я увидел на лице летуна из урдцев — ветерана войны и одного из покорителей Севера по имени Коневранец. Выбравшись из кабины своего аэроплана, он стянул с головы шлем, а затем и маску. Я подошёл — поинтересоваться, что это такое.

— Гляди, — протянул мне маску Коневбранец. — В губернском такие шьют. Без них в нашем небе малость прохладно летать. — И сам первый же рассмеялся своей нехитрой шутке.

И вот сегодня из губернского города должна была, наконец, прийти моя такая же маска. Дядька Луд был занят приёмом товара. Однако оторвался ради покупателя.

— Есть она, есть, твоя маска, господин Готлинд, — как всегда, слегка нараспев произнёс он. — Вот, получи и примерь. — Луд вынул свёрток из деревянной коробки и толкнул в мою сторону по прилавку. — Ежели не подойдёт, менять буду. Рекламацью писать. Но это поставщик надёжный. Не подводил ещё меня.

Я развернул навощённую бумагу. Маска внутри пахла свежей кожей и маслом. Изнутри она была прошита плотной, но мягкой тканью. Я натянул её. Поправил. Подтянул ремешки, чтобы сидела получше.

— Подошла? — заинтересованно спросил дядька Луд. — Хорошо сидит?

— В самый раз, — немного невнятно ответил я. — То, что надо.

Я снял маску, завернул её обратно в бумажный пакет. Рассчитался с дядькой Лудом. Тот принял у меня ассигнации, выдал мне сдачу мелочью.

— Медяшка в медяшку, — сказал он. — У меня всегда всё чисто при всех расчётах. На том стоим!

Как будто я в этом сомневался.

На полпути к так называемому летунскому клубу меня перехватил начальник устьилимского гарнизона. Он предпочитал всё делать сам, несмотря на то, что у него в подчинении было достаточно народу.

— Ты маску получил уже, Готлинд, — выпалил он. — Отлично! Вот и опробуешь. Поднимай в воздух своего «Ястребка». Есть для вас дело. И ещё какое!

Из-за невеликого количества аэропланов мы, летуны, не имели своего начальства — и подчинялись непосредственно начальнику гарнизона.

— Бандиты Вепра на маслозавод напали. Сейчас поднимаем летунов — шуганёте их из пулемётов своих. Ты ведёшь эскадрилью.

Выстроенный на отшибе маслозавод не раз подвергался нападениям бандитов. Там держали сильный отряд. К тому же, по первой тревоге всегда был готов сорваться конный отряд ЧОНа^[4]. Это вроде как отучило бандитов устраивать налёты на завод. Видимо, ненадолго. О силе вражеского отряда говорил уже тот факт, что для борьбы с ним привлекали даже аэропланы. Ни разу до этого ничего подобного не делалось.

— Бандитов налетела толпа, — подтвердил мои мысли командир гарнизона. — И по телеграфу передали, что ведёт их Избыгнев. Как всегда впереди на чёрном коне.

О правой руке Вепра говорили не меньше, чем о самом главаре. Громадного роста и богатырского телосложения Избыгнев, казалось, не боялся никого и ничего. Трижды его видели в Усть-Илиме. Он ходил по городу, не скрываясь. Сидел всегда в одном и том же кабаке. Его трижды пытались брать, но всякий раз он уходил, оставляя после себя трупы городских и контрразведчиков. Избыгнев отбивался пудовыми кулаками, отстреливался и даже швырялся гранатами. Кабак после приходилось отстраивать дважды. Однако хозяин его каждый раз восстанавливал его на том же месте и в том же виде. И народ пёр к нему, чтобы поглядеть на «тот самый стол, за которым сидел Избыгнев, когда его пытались взять в этот раз».

Я бросился к аэродрому со всех ног. Возможно, сейчас важна была каждая секунда.

Ведь на маслозаводе гибнут люди. Остальные летуны уже собирались на поле. Приглядывали за тем, как механики выкатывают из ангаров их аэропланы. В основном тут были нейстрийские «Громы» — практически то же, что и «Молния», только вооружённые парой пулемётов.

Моего «Ястреба» уже готовили к взлёту. Его обслуживали лучшие механики устьилимского гарнизона. Дело было, конечно, не во мне, а в моём аэроплане. Кто ещё мог работать с новейшим безразгонником?

— Ну что, немчура, — усмехнулся старший бригады механиков — бородатый дядька по имени Велимысл, — готов твой аэроплан. Наконец, настоящее дело для тебя. Вот и проверим, какой ты летун.

Мне не раз намекали, что Велимысл далеко не так прост, как хочет показаться. Вполне возможно, он осуществлял негласный надзор за мной. Гласный-то с меня сняли после того как я получил урдское гражданство. Но мне-то скрывать нечего. Пусть надзирает сколько хочет.

— Ты цинки поставил? — в тон ему поинтересовался я. В небо я, как правило, поднимался без патронов — особой нужды в них не было. Вот и решил подначить его таким образом. — А то я всё без них да без них.

— Поставил, — ответил Велимысл. — Заряжены твои пулемёты — сам ставил и проверял.

Я кивнул ему. Запрыгнул в кабину. Запустил двигатель, прогревая его. Мигали красные огоньки, показывая, что взлетать ещё нельзя. Здесь, на Севере, это было особенно важно. Взлететь с непрогретым двигателем просто невозможно. Безразгонник у тебя или нет. Но вот огоньки сменились зелёными — можно поднимать машину в воздух. Рядом уже бежали по взлётным полосам «Громы» и пара совсем новых «Альбатросов», явно прошедших всю войну.

Я намерено не торопился. Мой аэроплан был самым быстрым в эскадрилье Усть-Илима — поэтому мне всегда выпадало лететь головным. Я успел привыкнуть к своей современной машине. Она была намного удобнее обычных аэропланов и в воздухе вела себя намного послушней, если можно так сказать. О наборе скорости и меньшей дуге разворота я уже просто молчу. Хотя при сражении в составе эскадрильи, состоящей из обычных аэропланов, это не имело особого значения. Они-то подобными достоинствами не обладали. Именно поэтому я предпочитал одиночные полеты. Там я чувствовал себя намного уверенней.

Шесть самолётов летели к маслозаводу. Он находился недалеко от города — лететь туда можно было без карт. Стоит подняться в небо, как можно было разглядеть высокие крыши его хранилищ.

Я сделал знак летунам эскадрильи подниматься вверх до самого потолка. Уйдём в облака и обрушимся на бандитов оттуда. Конечно, я мог бы поднять своего «Ястреба» немного выше любой из машин устьилимского гарнизона. Но в этом не было смысла. У нас ведь не воздушный бой, где преимущество в высоте зачастую имеет решающее значение.

Мы обошли маслозавод по широкой дуге. Зашли со стороны Солнца. Пусть и облака, но даже тусклое светило хоть немного слепит глаза. К тому же, атака со стороны Солнца всегда даёт и психологическое преимущество.

Вынырнув из облаков, мы тут же открыли огонь. Защитники маслозавода укрылись в зданиях, а, значит, выбирать цели не приходилось. Благодаря очкам с желтоватыми стёклами, мои глаза быстро привыкли к блестящему снегу. Я надавил на гашетку, посылая

длинную очередь в скопление чёрных фигурок на его белом покрывале. Одна за другой они принялись валиться, превращаясь в бесформенные груды.

Я провёл аэроплан над самой землёй. Теперь люди превратились из фигурок на снегу во вполне различимые силуэты. Стрелять по ним может было бы и сложнее, не я будь в паре деревень, разорённых такими вот бандитами. Этими или нет, значения не имело. И я легко давил на гашетку. Крупнокалиберные пули, рассчитанные на то, чтобы пробивать обшивку аэропланов, делали из бандитов решето. Они падали, пробитые ими. Вертелись волчком, поливая снег кровью. Пули у нас были не фосфорные — зачем? — против людей и обыкновенных хватит. Да и слишком опасно зажигательными палить на заводе, где полно деревянных зданий.

Бандиты падали за снег один за другим. По белизне растекались целые озёра крови. Ободренные нашим появлением защитники маслозавода принялись чаще палить из окон. В бандитов полетели гранаты. Где-то застучал пулемёт.

И враг не выдержал. Собственно, особой стойкости от них никто не ожидал. Это ведь не регулярные войска. Хотя среди разбойников, безусловно и дезертиры были. При серьёзном сопротивлении они всегда предпочтут уйти, спасая жизнь — и вряд ли станут драться до конца. Если, конечно, их в угол не загнать. В этом бандиты были очень похожи на крыс.

Я снова подал знак эскадрилье подниматься выше. Теперь нам надо не дать разбойникам уйти в лес. Мы взлетели повыше. Снова обошли завод по дуге. Люди превратились в фигурки на снегу. Моим ребятам даже сигнал подавать надобности не было. Эскадрилья спикировала на бегущих к чёрной массе тайги. Застучали пулемёты. Фигурки бандитов покатались по снегу, превращаясь в тёмные груды.

И только один вдруг остановил коня. Вскинул винтовку. Выстрелов я не слышал — зато заметил вспышки и облачка дыма, вырывающиеся из её ствола. Бесполезно, конечно, против моего безразгонника, да и старые аэропланы из винтовки не повредить. Однако храбрости этому малому не занимать. Быть может, это и есть тот самый Избыгнев.

Я хотел было на втором заходе достать его очередью. Но не успел. Из леса, как раз с той стороны, куда так стремились бандиты, выехал отряд конных. Сабель в полсотни, никак не меньше. Все, как один, в чёрной коже, с шашками наголо и карабинами за спиной. Чоновцы. Беспощадные борцы с контрреволюцией и бандитизмом. Теперь нам оставалось только наблюдать, и не давать разбойникам сбежать от чоновцев.

Эскадрон чоновцев выстроился в две ровные линии. Пустили коней шагом. Затем рысью. И набрав скорость, врезались в нестройную толпу бандитов.

Бой был коротким, но жестоким и кровавым. Даже с воздуха это выглядело отвратительно. А уж каково на земле, среди этой жаркой схватки. Мне об этом думать не хотелось. Собственно, сопротивление чоновцам оказал только тот, кто стрелял в меня. Он выпустил в налетающих чоновцев несколько пуль, а следом взялся за шашку. Я потом видел эту шашку, и даже подержал немного. Одной рукой её было не поднять, не то что орудовать. Однако этот здоровила легко управлялся с ней. Чоновцы вылетали из сёдел, обливаясь кровью. А могучий разбойник проскакал через них — и пустил коня в галоп к лесу. За ним бросились несколько всадников в коже, но как-то без особой резвости. Всех слишком впечатлила судьба убитых товарищей.

А вот я легко могу нагнать его. И никакой опасности для меня здоровяк не представляет. Я бросил «Ястреб» в пике. Прицелился. Взял упреждение. И надавил на гашетку. Две дорожки вспороли снег рядом с мчащимся галопом конём здоровяка. Прошили

его тело и тело всадника. В овчинном тулупе его появились несколько дыр. Конь и всадник покатались по снегу. Я поднял аэроплан, выходя из пике. Но успел заметить, как скачущий первым чоновец приветственно машет мне рукой. Я отдал ему честь на урдский манер, но не был уверен, что он это увидел.

Бой был закончен. Чоновцы внизу перевязывали своих раненых, ловили разбежавшихся коней. С маслозавода выдвинулась небольшая делегация защитников. Их предводитель о чём-то заговорил с главным чоновцем. В общем, нам тут делать больше нечего. Эскадрилья, конечно, ещё долго может кружить над заводом, но без толку гонять машины не надо. Я махнул рукой в сторону Усть-Илима. Пора домой.

Чоновцы, конечно, в город приехали позже нас. Но в кабак мы попали практически одновременно. Ни один из летунов не покинул аэродром, пока наши машины не загнали в ангары и не обиходили — бытовало ту такое слово. К аэропланам тут относились практически как к породистым скакунам.

Я проследил за тем, как Велимысл со своими ребятами обслуживает мой «Ястреб». Вынимает почти пустые цинки, почти разряженные аккумуляторы. В это время его люди чистили фюзеляж и шасси. Парочка копала в двигателе.

— Забыл, немчура, — крикнул мне высунувшийся из кабины Велимысл. В руке он держал мою маску. — Ты что же, так без неё всю дорогу и пролетал?

Я только плечами пожал. Забрал у него маску, о которой забыл напрочь. И ведь лицо как будто и не замёрзло совсем. По крайней мере, не сильнее чем на земле.

Так с бумажным свёртком я и отправился в кабак.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А там уже всю гуляли чоновцы. На один столик были свалены их кожаные плащи, карабины и пашки. Эти ребята ничего не боялись в Усть-Илиме. Тем более, когда бандитов разгромили у маслозавода. Кто теперь сунется в город — только самоубийца. Прямо перед входом в кабак висела внушительная пашка в ножнах. Я сразу понял, кому она принадлежала.

— Он, гад, ей людей, как лозу, рубал! — выпалил чоновец в кавалерийской гимнастёрке без знаков различия. — Одной рукой с нею управлялся! Сволочь бандитская!

В голосе молодого чоновца через ненависть сквозило неподдельное уважение.

— Ты чего к военлёту пристал! — крикнул командир отряда. Тоже нестарый ещё человек. Лицо его «украшал» жуткий сабельный шрам, уродующий лоб и правую щеку. Звали его Духовлад — и я был с ним шапочно знаком. Он несколько раз подменял контрразведчика, гласно наблюдавшего за мной. Бегло опрашивал о прошедших днях, быстро записывал с моих слов и убегал куда-то по своим чоновским делам. — Погодите-ка, да это же сам Готлинд! — Надо же, он запомнил моё имя с тех пор. — Это ведь он Избыгнева завалил!

Меня тут же подхватили под руки подчинённые Духовлада и усадили за стол командира. Чтобы освободить мне место, они даже изгнали кого-то из простых чоновцев. Но тот только усмехнулся и даже стул мне пододвинул.

— А ведь он живой, — уже тише, но всё ещё едва не оглушая меня, говорил Духовлад. — Избыгнев-то. Ты его с конём пулями насквозь пробил, а ему хоть бы хны! Его к трупам тащить, а он нас по матушке. Так и так. Такие-сякие!

— Во здоровье, — поразился юноша в старорежимной форме студента-медика. — Я его осматривал. И вот что я вам скажу — не живут после таких ран. Не выживают! Да конь его

меньше пуль получил — и помер!

— А кони, — поддержал его самый, наверное, немолодой чоновец, — и живучей чем люди-то. Ещё на фронте видал сколь раз. И пулями им, и осколками доставалось. И в проволоке запутывались. А всё им нипочём как будто.

— Конь-то на самом деле подох, — добавил командир отряда, как будто я без его слов не верил бойцам. — Жуткое дело, Готлинд. Ну да чёрт с ним! — настроение у Духовлада менялось быстро, как у всех молодых людей, что бы им ни пришлось пройти. — А славно вы их с воздуха секли! И от леса грамотно отрезали. Мы уж думали, что не успеем. В тайге эту контру гонять то ещё удовольствие. Большая часть ушла бы. А уж эта сволочь Избыгнев — это и к гадалке не ходи. Сбежал бы!

Духовлад пододвинул ко мне стакан. Поднял свой. Остальные чоновцы присоединились к тосту.

— За военлётов! наших товарищей по борьбе!

Все подняли стаканы. Сдвинули их. Раздался не особенно мелодичный звон. Стекланные стаканы были далеко не у всех. Многие обходились глиняными кружками.

Я с сомнением приложился к своему стакану. В нём оказалась чистейшая казёнка. А вовсе не обычный шмурдяк — одно из непереводаемых на другие языки местных словечек — который тут обычно наливали. Хотя, конечно же, любой половой с пеной у рта убеждал, что это казённая водка ещё «из старых запасов», а потом подмигнул бы и добавил — «только для вас».

Сделав хороший глоток, я подхватил кусок хлеба, чтобы поскорее закусить. Пить на Урдском севере учишься быстро.

— Наш человек! — рассмеялся Духовлад и добавил: — Хоть и инспек.

Мы довольно долго просидели в кабаке. Чоновцы гуляли вместе с военлётами. По десятому разу вспоминали особенно острые моменты боя. Потом, точно не помню, когда именно, к нам присоединились бойцы с маслозавода. Гарнизон там сменили после боя, выдав охранявшим его солдатам дополнительное денежное довольствие. И они тут же отправились в кабак. Семейных среди них почти не было, а потому наличность они предпочитали тратить самым незамысловатым способом.

В итоге вечера, меня пришлось доставлять домой молодым и более стойким к алкоголю чоновцам. Проснулся я раздетым на своей койке в общежитии военлётов. Одежда моя лежала аккуратно сложенной на стуле рядом с ней. Даже я сам редко оставлял её в таком порядке. Голова была тяжёлой, но казёнка вчера оказалась настоящей, а потому ни о каком похмелье и речи не шло. Правда, соображал я туговато. Потому далеко не сразу обратил внимание на то, что на соседней койке сидит отнюдь не мой сосед по комнате.

Он сидел на койке моего соседа. Прямо поверх аккуратно сложенного одеяла. Надо сказать, что с того дня, когда я видел его, как мне казалось, в последний раз, изменился он мало. Да, собственно, не изменился вовсе. Всё те же потёртая лётная куртка и белый шарф. Только шлема не было. Вместо него на голове смутно знакомого пилота красовалась роскошная меховая шапка.

Я машинально сунул руку под подушку. Но револьвера там не было.

— Спокойно, Готлинд, — усмехнулся Вадхильд, кажется, так назвал его командор китобоев. — Я не брал твоего оружия.

Он кивнул на стул, где были аккуратно сложены мои вещи. На спинке его висел пояс с кобурой. А из неё торчала рукоять револьвера. Ну да, конечно, я ведь не сам раздевался. Хотя, наверное, и чоновцы спят с оружием под подушкой. Но его кладь туда не стали. Правда, пьяны они были не менее моего, так что ничего удивительного.

— Вставай уже, — в том же шутливом тоне продолжал Вадхильд. — Есть разговор.

— Пять минут, — хриплым голосом ответил ему я. В горло как будто песка насыпали.

Хромая я отправился в санузел. Сунул голову прямо в раковину и включил воду. Благо тут было лишь два её вида — холодная или ледяная. Ею можно умываться или приводить себя в порядок. А вот мылись мы по определённым дням в бане — о такой прелести как душ тут не подозревали.

В этот раз вода из крана полилась такая студёная, что мне показалось, мой затылок должен был вот-вот покроется льдом. Однако всю тяжесть это сняло в считанные мгновения. Я сделал несколько быстрых глотков обжигающей воды. Жажды как ни бывало. Вот теперь я был в состоянии вести беседу с Вадхильдом.

За время моего отсутствия он перебрался с койки на стул. Снял шапку, положив её на подоконник. Когда я вошёл, он сидел у небольшого окна комнаты и глядел на улицу. За грязным стеклом лежал сероватый снег. По нему ходили туда-сюда слабо различимые силуэты людей.

— Ты говори, зачем пришёл, — сказал я. — А я пока оденусь.

— Не спросишь, как я жив остался? — непритворно удивился Вадхильд.

— Мы с тобой не друзья и даже не приятели, — отмахнулся я. — Сам захочешь — расскажешь. А то может это какая-нибудь военная тайна. Расскажешь, а после пристрелишь.

Говоря, я быстро натягивал штаны и тёплую гимнастёрку. Следом пояс с кобурой. Не скрываясь проверил патроны в барабане револьвера.

— Тайна не тайна, — пожал плечами Вадхильд. — Примерно такая же, как в твоём безразгоннике. Гравишот называется. Совсем компактный антигравитационный прибор. Ну, или как-то так. В общем, пролетел большую часть расстояния — и включил его. И этак плавно опустился на землю.

— Понятно, — кивнул я, подвигая стул и осёдлывая его. — А сюда зачем приехал? Уж явно не для того, чтобы меня обрадовать.

— Я знал, что ты тут. Не так уж много базразгонников в Урде. Особенно новеньких «Ястребов». Империя, конечно, продала Народному государству несколько десятков, на авиаполк не наберётся даже. Так средненький линкор укомплектовать можно не больше. Но все они пределов столичной области не покидали. И только один летает где-то на Севере. В

общем, вывод сделать не сложно.

— Ты не ответил на вопрос, — заметил я.

— О комплексе на реке Катанге ты слышал, думаю. Мне нужен именно он.

Я махнул рукой, примерно указывая в ту сторону, где должен находиться этот самый комплекс. Говорить что-либо мне не хотелось совершенно.

— Я могу рассчитывать только на тебя, Готлинд. У меня задание — узнать, что именно происходит там. Именно из-за этого комплекса, хоть и косвенно, конечно, началась чёртова вторая война.

— Это как? — не понял я.

— Да всё просто. «Турн-и-Таксис» взялись перевозить нечто, что было украдено именно с этого комплекса. И намеривались передать Блицкригу. Наша разведка пронюхала — и заварилась вся та каша, которую нам пришлось расхлёбывать в небе над границей.

— А теперь тебя отправили узнать, что же это такое. Вот только вопрос: при чём тут я? Наверное, ты ещё не знаешь, но я — гражданин Народного государства Урда.

Через полгода проживания и работы на Севере я понял, что быть гражданином Урда намного выгодней, нежели просто инспектором. Платили лучше. Гласный надзор снимали. Да и отношение менялось. Как только я получил красную книжечку урдского паспорта, меня даже чоновцы стали воспринимать как товарища. Без прежней настороженности и отчуждённости. Хотя и особой сердечности, конечно, не было. Я не был совсем чужаком для них, но и своим так и не стал.

— Ты — дилеанец, — отрезал Вадхильд. — Урдцем тебе не стать никогда.

— Но судить меня будут, как урдца, — пожал плечами я. — И измена Родине тут весьма серьёзная штука. За неё светит только высшая мера, а не домзак или лагерь. Это тебя будет обрабатывать контрразведка, пытаться перевербовать или что-то в этом роде. А мне только это. — Я выразительно постучал пальцем по лбу. — Так что мне проще тебя сдать контрразведке — целее буду.

— В таком случае я тебя назову агентом баджейских контрреволюционеров, — усмехнулся Вадхильд, но глаза его были холодными. Казалось, сейчас перед мной сидел волк, размышляющий вцепиться мне в горло или нет. — И даже если ты не станешь этого делать, но и не поможешь мне, я всё равно попытаюсь угнать аэроплан и проникнуть на комплекс. И если попадусь, то всё равно выдам тебя. Ты же понимаешь, какой бы у тебя паспорт ни был, а контрразведка из тебя душу вынет. Замешан ты в этом деле или нет — это их мало волнует.

Я едва сдержался, чтобы не выхватить из предусмотрительно расстёгнутой кобуры револьвер. На коленях у Вадхильда уже лежал его здоровенный пистолет. Когда и как он успел его достать, я заметить не успел.

— Сволочь ты, — ограничился я бессильным оскорблением. — Что ты от меня хочешь?

— Я — разведчик, — развёл руками Вадхильд, — у нас с моралью и принципами туговато. Мне надо проникнуть в комплекс. Он отлично защищён с земли, но не с воздуха. Аэропланы всё ещё большая редкость на севере Урда. Конечно, на вышках стоят пулемёты, но им не достать твой «Ястреб» на его предельной высоте. Так что ночью ты сбросишь меня над комплексом и дождёшься на поляне в полукилометре от комплекса. Жди до полудня — потом можешь улетать.

— Отличный план. — Я даже поаплодировал ему. — Просто гениальный. Ты что же, думаешь, я вот так могу взять и забрать «Ястреба» из ангара? Это хоть и Север, но здесь

далеко не такая анархия царит, как тебе кажется. Здесь есть расписание полётов — и его придерживаются достаточно строго. Мне просто не дадут забрать мой аэроплан. А угонять его с перестрелкой и прочими радостями из шпионских романов, у меня желания нет. Нас либо пристрелят во время попытки угона, либо собьют, когда мы полетим к комплексу. Конечно, нейстрийские «Громы» и наши «Альбатросы» сильно уступают «Ястребу». Но одному против эскадрильи мне не устоять.

— «Ястреб» летает очень тихо. Ночью можно будет улететь, не поднимая лишнего шума.

— А что ты будешь делать с охранниками ангара? Там не пара часовых с винтовками стоят. Всё намного серьёзней.

— Я видел, — кивнул Вадхильд. — Охранники — это моя забота. Ты главное будь поблизости.

Он поднялся.

— Твой сосед идёт сюда, — сказал он. — Я пойду. Незачем ему видеть меня тут. Встречаемся в кабаке за час до заката.

Я понял, что выбора этот сукин сын мне просто не оставил.

Вадхильд вышел из комнаты минут за пять до того, как в неё зашёл мой сосед. Летун дежурил всю ночь и после расстрела бандитов отправился не в кабак, а на аэродром. А потому пропустил всё веселье. И был из-за этого весьма зол. Пробурчав что-то неразборчивое, он побросал одежду на свободный стул и завалился спать.

Я же отправился гулять по Усть-Илиму. Без особой цели. Было свободное время и хотелось прогуляться, обдумывая сложившуюся ситуацию.

Однако подумать мне не дали. Я шагал, не глядя куда, по улице, когда едва не наткнулся на высокого человека в чёрной кожаной куртке. Это был не чоновец, а контрразведчик. И он был не один.

Оказывается, ноги принесли меня к домзаку. Около него стоял автофургон, около которого скучали несколько рядовых контрразведчиков. Тут же курил самокрутку Духовлад. И выражение лица его ясно говорило — всё это ему совсем не нравится.

Увидев меня, он тут же шагнул в мою сторону, швырнув под ноги и нервно растоптав недокуренную самокрутку.

— Проходите, гражданин, — махнул мне рукой контрразведчик. — Не задерживайтесь тут.

— Да погоди ты, — рявкнул на него Духовлад. — Это наш летун, проверенный. Именно он в Избыгневе дыр наделал. — А затем уже обращаясь ко мне, без перехода. — А ты знаешь, Готлинд, забирают у нас бандита. Приехали вот на авто — и подавай им Избыгнева. Врача с собой какого-то притащили ещё. Видел бы ты, как он над этим бандюгой трясётся! Ну прямо курочка над цыплёнком.

— Хватит болтать, товарищ из ЧОНа, — резко глянул на Духовлада контрразведчик. — Тем более, с инспекцем.

— Да вы знаете, товарищ из контрразведки, — повернулся уже к нему Духовлад, — что именно этот инспекц изрешетил Избыгнева. Ежели бы не он, так и не взяли бы гада!

Контрразведчик только руками развёл. Спорить с горячим чоновцем было невозможно.

— Ты ещё увидишь, как эту сволочь выводить будут, — сказал мне Духовлад. — Ни за что не поверишь, что он вообще ранен был.

— Это как? — удивился я.

— Погоди, Готлинд, — усмехнулся чоновец, — сейчас сам всё своими глазами увидишь.

Ждать пришлось недолго. И посмотреть было на что. Я толком не видел Избыгнева — и только сейчас смог оценить его телосложение. Он был просто громаден. Два с лишним метра ростом — из-за овчинного тулупа он казался ещё больше. Лицо его было каким-то диковатым. Да и глаза его были почти не человеческими. В них отражался гнев связанного хищника. Хотя он не был связан. Он был скован. В прямом смысле. Избыгнев был обмотан цепями. Трое контрразведчиков окружали его. У всех троих оружие было наготове. Стоявшие на улице контрразведчики тут же сбросили с плеч винтовки.

Мне показалось, что они отчаянно боятся Избыгнева. Хотя ничего удивительного в этом не было. Бандит мог напугать кого угодно.

— Да что же это за человек такой? — шёпотом произнёс Духовлад. — Вчера ещё кровью истекал. А сейчас его вон как выводят.

Проклятье! Я был готов в тот момент подписаться под каждым его словом.

— Осторожней! — раздался неприятный голос. Следом за контрразведчиками в дверном проёме появился типичный профессор. Седоватый, в пенсне и даже с классической бородкой. Которую он постоянно нервно подёргивал. — Образцу и без того нанесён существенный урон. Он повреждён. Сильно повреждён.

— Доктор-доктор, — положил руку на плечо бородатому контрразведчик, одетый в шикарное кожаное пальто, выделяющееся на фоне плащей его товарищей. Ясное дело — командир. — Не стоит вам болтать, пока мы не вернулись.

— Да-да-да, — едва не выдернул клочок волос из бороды профессор. — Молчу-молчу-молчу. Только умоляю, пускай ваши люди будут предельно осторожны в обращении с образцом.

— Безусловно, милейший доктор, — от приторности голоса командира контрразведчиков меня даже затошнило. — Ведь именно для этого вы здесь. Мои люди выполнят любой ваш приказ.

Среди контрразведчиков пробежал короткий смешок. Похоже, слова командира они воспринимали как весьма удачную шутку. И судя по понурому виду профессора — так оно и было.

К командиру подошёл контрразведчик, пытавшийся остановить меня. Что-то быстро произнёс. Тот кивнул.

— В грузовик его, — махнулся командир на Избыгнева. — Доктор, вы подождите меня в авто. Я ненадолго задержусь тут.

Он, конечно же, направился в нашу сторону. Остальные контрразведчики отправились вместе со скованным Избыгневом к грузовику, стоящему в противоположном конце улицы. Туда же ушёл и профессор. Хотя вряд ли, конечно, они с командиром контрразведчиков ехали в кабине автофургона.

— Так-так, — произнёс подошедший к нам с Духовладом командир в щёгольском пальто, — товарищ из ЧОНа и имперский инспец. Хотя нет-нет, — он прищёлкнул пальцами, — вы ведь уже получили урдское гражданство, верно, Готлинд?

— Именно, — кивнул я. — Вы знаете, как меня зовут, а вот я вашего имени — нет. Быть может, представитесь?

— Быть может, — приторно-ироничная манера говорить командира контрразведчиков выводила из себя. — Только сначала расскажите, что вы тут забыли, а, гражданин инспец?

В правду он, конечно, не поверит. Значит, придётся врать.

— Хотел поглядеть на Избыгнева, — сказал я первое, что пришло на ум. — Это ведь я из него решето сделал. Вот и пришёл глянуть хоть одним глазком на человека, выжившего после очереди из моих пулемётов.

— А вы не считаете, что любопытство — лишнее качество, — заметил контрразведчик, — и очень часто опасное.

— Я, — я сделал паузу, ожидая, что он всё-таки представится, но контрразведчик сделал вид, будто не заметил этого, и мне пришлось продолжить так, — воевал в нейстийском и имперском небе на аэроплане из ткани, натянутой на каркас из деревянных реек. Так что опасность для меня обыденное дело.

— Вышемир, — неожиданно представился контрразведчик. — Бравируете, как всякий летун. Ничего удивительного. Вы поедете с нами, Готлинд. У меня есть к вам дело.

Наверное, именно в тот момент я понял, что чувствуешь, когда у тебя внутри всё холодеет. По кишкам будто ледяная вода разлилась. Никогда раньше ничего подобного не ощущал. Раньше я никогда не был настолько беспомощен перед лицом опасности. Всегда у меня было, чем достойно ответить врагу. Кулаки ли в драке. Нож ли, если дело доходило до этого. Револьвер, когда всё становилось совсем плохо. Ну, и аэроплан на войне. Теперь же мне нечего было противопоставить врагу. Пусть у меня и не забрали оружие, но шести патронов в барабане хватит только на то, чтобы подороже продать свою жизнь.

Однако не открываться же. Я без особого энтузиазма отправился следом за Вышемиром.

— Погоди-ка! — быстро догнал нас Духовлад.

— Что? — обернулся к нему контрразведчик.

— Я еду с вами. Вот что!

— Это ты хорошо придумал, товарищ командир, — кивнул Вышемир. — Но я не могу взять тебя. Тут дело касается стражей Революции.

— Я такой же страж, как и ты, Вышемир, — отрезал Духовлад.

— Хорошо-хорошо, — протянул Вышемир. — Но это дело касается только нашего отдела стражи. А никак не ЧОНа. Так что прошу простить меня, но гражданин Готлинд отправляется со мной.

— Я буду недалеко, — хлопнул меня по плечу Духовлад, — и все мои сабли тоже.

Он картинно развернулся на каблуках и звеня шпорами зашагал к противоположному концу улицы.

Вышемир усмехнулся. Но глаза его мгновенно заледенели. Что-то мне подсказывает, Духовлад нажил себе врага. И ведь молодой человек просто не понимает этого. Он живёт, не оглядываясь на других. Такой подход, возможно, сведёт его в могилу. Вот только вряд ли командир чоновцев поймёт это.

Автофургон уже уехал. За углом домзак стоял роскошный автомобиль. Правда, совсем не новый, но раньше на нём явно ездил какой-нибудь боярин или князь. На краешке заднего сидения, больше похожего на широкий диван, сидел профессор. Пожилой человек сильно нервничал. Он то дёргал свою многострадальную бороду, то протирал пенсне, то срывал с головы шапку, мял его в пальцах и водружал обратно на голову.

Рядом с авто покуривал шофёр. Как только мы показали из-за угла, он тут же отбросил папиросу и забрался в автомобиль.

Вышемир уселся на переднее сидение. Шофёр уже заводил мотор. Мне оставалось составить компанию нервному профессору. Тот и не смотрел в мою сторону. Шофёр завёл авто и он плавно покотил по разбитой мостовой. Автомобиль оказался достаточно старым.

Рессоры его были разболтаны и мы подпрыгивали на каждой кочке. А их было немало на улицах Усть-Илима. Одна радость — приехали мы быстро. Городок-то невелик и ехал шофёр достаточно быстро. Хоть это и доставило нам немало неприятных минут.

Контрразведка Усть-Илима, а если быть точным резиденция Стражей Пролетарской революции, находилась в старинном особняке. Здание не сильно пострадало во время недолгих, но жестоких боёв в городе, несмотря на то, что до этого в нём располагалась не то полиция, не то вообще отделение корпуса жандармов. Такая вот практически преемственность. Оно представляло из себя настоящую крепость с прочными дверями и стрельчатыми окнами. Оборону в таком держать можно не один день. Если у противника, конечно, артиллерии нет.

— Отвези доктора на нашу квартиру, — сказал шофёру Вышемир. — А мы с гражданином Готлиндом тут сойдём.

Автомобиль остановился у здания. Мы с Вышемиром покинули его, и шофёр тут же покатил дальше. Нервный профессор, казалось, снова сдёрнул с головы шапку и принялся мять её.

— Интересный человек, — сказал, заметив мой взгляд, Вышемир. — Я даже не знаю, когда он сильнее нервничает. Если меня нет, или, наоборот, когда я рядом с ним.

Я ничего не стал говорить по этому поводу. Вышемиру это и не особенно нужно было.

Он провёл меня мимо часовых с поста охраны. Кивнул, проходя на меня и бросил: «Со мной». Вопросов у часовых не возникло.

Вышемир занимал кабинет на втором этаже здания. Мы прошли по мрачным коридорам без окон. Мимо проходили или пробегали стражи Революции, многие были нагружены грудями картонных папок. Они приветствовали Вышемира, как старшего по званию. Меня же просто не замечали.

— Располагайтесь, гражданин Готлинд, — указал мне на простой стул Вышемир. Сам он расположился в жёстком кресле с высокой спинкой. Над его головой висел портрет председателя Революционного конвента. — Разговор у нас будет долгий.

— И о чём вы хотите поговорить со мной? — поинтересовался я.

— Я мог бы, конечно, отделаться казённой фразой про то, что вопросы задаю я, — усмехнулся Вышемир, — но вы пока не на допросе. — Я отметил про себя это «пока». — Значит, поговорим по-человечески. — Он сложил руки в «замок» и поставил локти на покрытую зелёным сукном столешницу. — Всё дело в Избыгневе, на котором так трясётся милейший доктор. Их обоих надо доставить на объект, расположенный на Катанге. Именно для этой цели вы мне и нужны, гражданин Готлинд.

— Я вас не понимаю пока, гражданин Вышемир, — честно сказал я. — Как я могу помочь стражам Революции в доставке этого бандита на охраняемый объект. Там ведь даже рядом пролетать нельзя.

— Вот именно, — воскликнул в приторно притворном веселье Вышемир, — именно по воздуху его и надо доставить. Вы уже успели убедиться в необычности этого человека, как и весь Усть-Илим. Его надо доставить на объект для изучения. И милейшего доктора тоже. Но везти его по земле слишком опасно. Есть серьёзные опасения, что в Усть-Илиме имеются доносчики Вепра. А тот так просто свою правую руку не отпустит. Вы, гражданин Готлинд, конечно, не в курсе, кто такой этот Вепр. Его даже не Вепром зовут, на самом деле. Он, как теперь говорят, из бывших. Сын местного помещика, царского сатрапа и подлеца. В общем, не важно, какого звали тогда. Важно, что банда держится на Избыгневе. Тот из крестьян,

как и большинство бандитов. Они идут за Избыгневом, и вряд ли так же охотно пойдут за Вепром без него. Я почти уверен, что он поднимет всю банду, чтобы отбить его.

— Но почему же именно я? — всё ещё не мог понять я.

— Вы можете быть кем угодно, гражданин Готлинд. Имперским шпионом. Блицкриговским. Тайным эмиссаром баджейских врагов народа. Но никак не можете быть связаны с бандой Вепра. Не может быть у него выхода на международный уровень. Именно поэтому я могу доверять вам в этом деле, гражданин Готлинд. Насколько я, конечно, вообще, могу кому-либо доверять.

Честно. Ничего не скажешь. Не придерёшься.

— Значит, я повезу Избыгнева на этот ваш загадочный объект. А какие у меня гарантии, что я вернусь оттуда живым. Там ведь такая секретность... — Я только руками развёл.

— Честно говоря, — в обычной своей раздражающей манере заявил Вышемир, — у вас, гражданин Готлинд, нет никаких гарантий, что вы из этого здания выйдете живым. Ретивого Духовлада есть кому приструнить. Не стоит особенно рассчитывать на него и его чоновцев.

Если я на что и рассчитывал, так это на револьвер в кобуре. Как бы то ни было, а этого хлыща я застрелить успею. И мощный стол его не спасёт. Надо только посильнее оттолкнуться сапогами от его столбообразных ножек, повалиться на пол и расстрелять в гада весь барабан. А там уж будь, что будет.

— Нам нет резона убивать вас, Готлинд, — в этот раз Вышемир обошёлся без набившего оскомину «гражданина». — Вы отличный летун. Лучше всех управляете безразгонником. Конечно, на вас уже кипу доносов написать успели. — Он картинно вынул из ящика стола внушительную стопку густо исписанных листов, кинул её на стол между нами. — Все хотят завладеть вашим «Ястребом». Ни одному из них, естественно, не дали ход. Вы ценны именно как летун. В последствии вас решено использовать для связи с объектом. Так что можете быть спокойны, Готлинд. Вы вернётесь с объекта живым и здоровым. Считайте это пробным полётом.

Я говорить ничего не стал. Даже плечами пожимать поленился. Всё уже решено за меня. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Люди, подобные Вышемиру, успели отвыкнуть оттого, что другие могут иметь своё мнение.

— К сожалению, — продолжал Вышемир, — сегодня вы из этого здания, действительно, не выйдете. Но ничего страшного в этом нет. Я и сам иногда живу здесь, когда не нахожусь на объекте. Тут имеются вполне приличные комнаты — получше ваших летунских общежитий. По крайней мере, одна комната на одного человека.

Мне на ум тут же пришла фраза «одиночная камера». Но делиться этим с Вышемиром я не стал.

Тот тем временем поднялся из-за стола. Обошёл его. Я тоже встал на ноги. Усаживать меня обратно на стул Вышемир не стал. Он направился к двери.

— Сейчас я покажу вам, — сказал он, — на чём мы полетим к объекту.

Мы вышли из кабинета. Снова зашагали по коридорам. День близился к середине — и по ним сновало существенно меньше народу. Зато папок у них в руках как будто прибавилось.

Вышемир вывел меня из здания через «чёрный ход». Оказывается, позади него находилась небольшая лётная площадка. Отлично выровненная и утрамбованная. На ней даже лёгкий аэроплан мог разогнаться и взлететь без каких-либо проблем. Однако стоял на этой площадке совсем не лёгкий аэроплан.

Я только слышал о таких моделях безразгонников. Но ещё ни разу не видел своими глазами. Это был мощный аэроплан, больше похожий на фургон, поставленный на короткие лыжи. Наверное, другое шасси его веса, когда отключён антиграв, выдержать не могло. Крылышки у него были совсем маленькие — они казались просто смешными на фоне внушительного корпуса, обшитого гофрированной жстью. Однако они воинственно топорщились стволами пулемётов и парой авиапушек. Вдобавок к этому ещё две пары стволов крупного калибра торчали из носа. Наверху его были установлены несколько пулёмтных гнёзд. В общем, весьма хорошо защищённая птичка. Её либо парой эскадрилий штурмовать. Либо уже корветом с хорошим прикрытием.

— Как вам такой аппарат, Готлинд? — словно на собственное дитя, с гордостью уставился на безразгонник Вышемир.

— Чудовище какое-то, — пожал плечами я. — Летающий носорог какой-то, а не аэроплан.

— Угадали, — усмехнулся Вышемир, — именно так это чудо и называется. «Носорог». Котсуолдская модель. Точнее заокеанская. Заокеанцы успели чертежи украсть и к очередному авиасалону представили свой аналог котсуолдского «Рино».

— Трофей? — поинтересовался я, обходя чудовищный аэроплан.

— Отнюдь. Прямая поставка из Заокеании.

Очень интересное дело. Я открыл дверцу, заглянул в салон. Вышемир не препятствовал. Внутри — лавки вдоль стенок. Ремни из пулёмтных гнёзд. Кабина летунов отделена фанерной перегородкой с ещё одной дверцей. Туда я, конечно, тоже заглянул. Четыре кресла. Пара для пилотов. Вторая — для бортстрелков. Те сидят выше, чтобы целиться через головы летунов. Огонь ведут, нажимая на педаль электроспуска.

— Внушительный аппарат, — резюмировал я, выбираясь из аэроплана. — Такая может эскадрилью перемолоть. А шгуки три подобных — целый авиаполк. Хотя против корвета всё-таки слабоват будет.

— У Вепра ни аэропланов, ни тем более воздушных судов нет, — усмехнулся Вышемир. — Так что нам подойдёт вполне.

— Вполне, — кивнул я. В этот момент я даже как-то позабыл, где нахожусь и с кем разговариваю.

— Значит, отправляемся в столовую, Готлинд. Не знаю как вы, а я голоден, что твой волк. С утра во рту маковой росинки не было.

Я мог только поддержать стража в этом начинании. Когда он об этом сказал — я понял, что есть хочу не меньше его самого.

Комната, о которой говорил Вышемир, оказалась вполне приличной. Я отправился туда ближе к вечеру. После столовой страж вытащил меня из здания, чтобы показаться гуляющим со зверским видом по всем соседним улицам чоновцам. Я успокоил Духовлада, сказав, что у меня всё в полном порядке. Меня никто не пытал и даже не допрашивал. У Вышемира есть дело ко мне, как к летуну. Какое именно? Тут все вопросы к самому Вышемиру. Страж Революции только приторно улыбался. Объясняться с чоновцем он, конечно же, не собирался.

Койка в комнате стояла такая же жёсткая, как и в летунском общежитии. Но день выдался очень насыщенный, а потому уснул я быстро.

Подняли меня ранним утром. Хотя, в общем-то, грех жаловаться — я отлично выспался. По чести сказать, давно я так сладко не спал. Даже не знаю, почему. Зашёл за мной не Вышемир, а высокий страж в потёртой кожаной куртке и со знакомым мне здоровенным пистолетом в деревянной кобуре. Выправка у него была просто гвардейская. На груди красовался урдский орден из новых, революционных, на красной бархотке. Я видел такие у летунов и чоновцев. У Духовлада их было даже два. А вот Вышемир не мог похвастаться ни одним. Ну, или не носил просто.

Я быстро оделся. Проверил оружия. Револьвер был полностью заряжен. Этому я удивился, но не сильно. Мне здесь не доверяли, но не настолько, чтобы лишать оружия.

Страж проводил меня на лётную площадку. Там уже собрались его коллеги. Все, как один, в кожаных куртках или плащах, чёрных фуражках и при здоровенных пистолетах в деревянных кобурах или револьверах, вроде моего. Почти все курили папиросы или самокрутки. В движениях их сквозила какая-то нервозность. Хотя это-то вполне понятно — лететь, запертым в тесном салоне самолета с чудовищем, вроде Избыгнева, то ещё удовольствие.

Когда правую руку предводителя местных бандитов выводили из здания стражи, мне снова стало не по себе. В заскорузлом от крови грязном тулупе с наводящими жуть отверстиями от моих пуль шагал он, скованный цепями, под надзором пяти бойцов. И всё равно казалось, что это не его ведут, а Избыгнев идёт сам, волоча за собой стражей. Будто медведь, вцепившуюся в него собачью свору.

«Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя. Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги»^[5], - отчего-то вспомнилось мне. Не помню уж, где и когда я нашёл тот потрепанный томик без обложки. Не знаю даже, кто автор. Я и книгу-то дочитать не сумел — страницы обрывались ближе к концу. И мне так никогда, наверное, не узнать чем закончились две параллельно излагаемых в ней истории.

Но строчки из этой безымянной для меня книги пришли на память, когда я увидел, как ведут к самолету великана Избыгнева. Я даже не сразу заметил знакомое лицо среди его конвоиров. Уже не смутно, а очень даже хорошо знакомое лицо Вадхильда. Поняв, что я его, наконец, узнал, имперский шпион подмигнул мне, а затем быстро отвернулся. Лицо его вновь стало спокойным и сосредоточенным.

— В кабину, товарищ военлёт. — На лётную площадку вышел Вышемир, едва не под ручку держа профессора. Тот, казалось, ссутулился ещё сильнее. Пальцы пожилого человека не останавливались ни на секунду.

Я последовал недвусмысленному распоряжению командира стражей и через салон забрался в кабину летающего носорога. Да уж, только такой самолёт и подходил для перевозки чудовища, вроде Избыгнева.

В кресло второго пилота, рядом со мной уселся сам Вышемир. Значит, Вадхильд остался в салоне. Интересно, он устроит перестрелку прямо в воздухе или подождёт до загадочного объекта. Хотя там его уж точно быстро обнаружат. Вряд ли там настолько много стражей, что среди них можно легко затеряться. Хотя кто его знает — какая у имперского шпиона «легенда». Насколько она надёжна и какую проверку выдержит.

— Взлетаем, товарищ Готлинд, — пристегнув ремни, распорядился Вышемир.

— От винта, — ответил я ритуальной фразой — и завёл двигатель.

Тот утробно заурчал. Аэроплан вздрогнул всем корпусом — это включился антиграв. Мне ещё не приходилось водить настолько тяжёлые машины. Даже с антигравом она поднималась в воздух медленно и как будто нехотя.

— Карту полёта, — не глядя на Вышемира, протянул я руку. — Быстрее. — Держать штурвал одной рукой было тяжеловато.

Командир стражей вложил мне в пальцы планшет с картой. Я бросил только один взгляд на неё. Местность я отлично знал — надо было уточнить маршрут. Он пролегал практически так, как я и думал. Оставалось только развернуть нос аэроплана в нужную сторону — а дальше только держись за штурвал. Всё время только прямо лететь. Осталось только бороться налетающими порывами ветра. Да не обращать внимания на растущую боль в руках и болтающиеся у самых ушей башмаки бортстрелка.

Вышемир ещё рядом начал насвистывать дурацкие мотивчики. Это раздражало. Но не мог же я просто заткнуть его. Хотя если он всю дорогу свистеть станет, наверное, всё же наберусь наглости. Вести машину, когда тебя постоянно столько всего раздражает, очень непросто. А ещё очень хотелось сказать Вышемиру, что раз уж он сел на место второго пилота, значит, должен быть готов принять у меня управление «Носорогом». Боль в руках от тяжести аэроплана нарастала с каждой минутой.

Хлопки пистолетных выстрелов и возня в салоне, позади нас началась где-то спустя полчаса полёта. Я не знаю, как там всё происходило, но отчего-то был уверен, что в живых остался только Вадхильд. Вышемир отстегнул ремни своего кресла. Подозрительно глянул на меня. Кивнул бортстрелкам, сидящим за моей спиной. В зеркальце, прикреплённое над лобовым стеклом. Оба бортстрелка по команде достали револьверы. Стволы их уставились мне в затылок. Теперь если я уберу руки со штурвала, то могу считать себя покойником. И мне почему-то казалось, что перспектива остаться в воздухе без летуна обоих бортстрелков ничуть не смущала.

Выстрелы и возня за тонкой перегородкой усилились. Аэроплан начало кидать из стороны в сторону. При усилившемся боковом ветре везти его стало невероятно тяжело. Руки налились свинцом. Мышцы горели огнём. Пальцы как будто превратились в сплошные отростки боли.

В общем, не знаю, чем закончилась драка в салоне «Носорога», но когда раздались шесть выстрелов, пробивших фанерную перегородку, всё встало на свои места. Державшие меня на прицеле бортстрелки поникли, уронив голову на грудь. Крови на их кожаных куртках видно не было. Но я понимал, что оба мертвы. Вадхильд стреляет без промаха.

А вот и он сам. Распахнул дверцу. Вадхильд отстегнул обоих бортстрелков и их кресел и переправил в салон. Однако сам уселся на место Вышемира.

— Руки как? — обратился ко мне шпион, пристёгивая ремни.

— Сам как думаешь, — отрезал я.

— Беру руль на себя. А ты знаешь что, Готлинд. Забирайся на место бортстрелка. Разберёшься там легко. Тебе вести огонь.

— Какой ещё огонь? — не понял я.

— Надо устроить на их объекте хороший тарарам, — объяснил он. — Снести хотя бы часть защиты. Так мне легче будет работать там.

— А мне что делать?

— Лететь вот сюда. — Он быстро отметил на карте Вышемира точку примерно в

пятнадцать километров от объекта. — И ждать меня там сутки. Если не вернусь, лети куда хочешь.

Это он очень хорошо сказал. Мне особенно понравилось «лети, куда хочешь». Куда я денусь с Урдского севера? Значит, остаётся надеяться, что у шпиона всё пройдет нормально. Или он хотя бы вернётся с комплекса. Тогда у меня хоть какие-то шансы есть. А так я покойник практически с гарантией.

Кресло бортстрелка было липким от крови его предыдущего хозяина. Но меня это не сильно смутило. Не привыкать, в общем-то. На войне и не такое бывало. Приходилось вылетать на аэроплане, из которого только что вынули мёртвого летуна.

С системой ведения огня разобрался быстро. Имелась возможность взаимозаменяемости бортстрелков. Огонь из пушек можно было вести при помощи педалей в полу. Пулемётным огнём управляли кнопки, вмонтированные прямо в подлокотники кресла. И пушки, и пулемёты на носу были курсовыми, так что тут только жми на гашетку, поливая врага длинными очередями.

За долгие военные годы мне приходилось сражаться и бортстрелком, хотя и на не подобном монстре. Я в аппарели сидел, прикрывая верхнюю и заднюю полусферы. А тут, в общем-то, всё намного проще и безопасней.

Прицельная сетка для пушек и пулемётов была нанесена прямо на лобовое стекло. Интересно, какими пулями и снарядами они заряжены. Если фосфорными, получившими в последние годы особенно широкую популярность, то проблем у нас возникнуть не должно. Этот монстр способен расстрелять расчёт зенитки, даже укрывшийся за броневым щитом. А уж у тех, кто на деревянной вышке с пулемётом стоит, шансов и вовсе нет.

Именно так охраняли тот самый объект, который мы летели штурмовать. Он был обнесён деревянным частоколом. Поверх него шла колючая проволока, скорее всего, под током. Через каждые пятьдесят метров деревянные вышки с торчащими вверх зенитными пулемётами. На них откровенно скучают бойцы в богатырках, борясь с холодом и покуривая. Над многими вышками тянулись к небу сизые дымки.

Ну, сейчас им станет не до скуки!

— Навожу на цель, — подтвердил мои мысли Вадхильд.

Эти люди ничего мне не сделали. Они не были моими врагами. Но сейчас именно они стояли на пути Вадхильда. И мне оставалось только одно — открыть огонь. Я понимал, что и в этом случае у меня остаётся очень мало шансов пережить всё это жуткое приключение, но если я сейчас не надавлю на гашетку, то шансов этих не будет вовсе.

Прицельная сетка наползла на зенитную башню. Стоящие там бойцы в богатырках махали нам руками. Не думал, что стрелять в них будет настолько тяжело. Я стиснул зубы — и нажал на гашетку. Застучали пулемёты. Две огненные трасы ударили по вышке, сметая бойцов. Пули оказались фосфорные. Язычки пламени побежали по дереву. Бойцы в богатырках повалились друг на друга. Двое из них перевалились через борт и полетели к земле.

Вадхильд дал полный газ. «Носорог» двинулся вперёд с той скоростью, на которую был способен. Хотя это было не слишком быстро.

Теперь я палил уже в белый свет, как в медяшку. Поливал длинными очередями частокол — а вдруг займётся древесина, хотя и вряд ли, конечно. Прошёлся по двум соседним башням из авиапушек. Их снаряды пробивали низкие бортики. Бойцы в богатырках падали один за другим.

Вадхильд развернул «Носорога». Теперь я поливал фосфорными пулями и снарядами какие-то постройки внутри периметра комплекса. Внизу бегали и сустились люди. Кто-то палил по нам из винтовок. Разворачивали мобильные зенитные точки. Но было поздно. По ним открыл огонь из пулемётов и пушек, расположенных под крылышками «Носорога». Мы буквально перепахивали землю за частоколом. Мгновенно подавляя любые попытки противника оказать нам хоть какое-то сопротивление.

— Эх, жаль на нём бомб нету! — выкрикнул Вадхильд. — Вот тогда был бы тарарам, так тарарам! — Он рассмеялся, расстреливая из спаренных пулемётов большую группу бойцов, выбегающих из казармы. — Всё, сажаю аэроплан. Как только мы из него выберемся, сразу же улетай. Ты помнишь, где ждать меня.

— Помню. — Я дал ещё одну очередь по бойцам в богатырках, бегущих к заваленной трупами зенитке. На прощание. И перебрался с места бортстрелка в более привычное — пилотское.

Как только лыжи «Носорога» ткнулись в утопанный, залитый кровью снег, Вадхильд тут же отстегнул ремни и едва не бегом кинулся к дверце. Что бы он ни задумал, кем бы ни был его спутник — я ведь ясно услышал это его «мы» — мне следовало как можно скорее покинуть комплекс урдцев. Очень скоро они придут в себя — и тогда мне крышка. И вся огневая мощь «Носорога» меня не спасёт.

Я ясно услышал хлопок дверцы аэроплана. Так сильно Вадхильд ею треснул ясное дело, чтобы подать мне знак. Пора подниматься обратно в воздух. Что я немедленно и сделал, направив аэроплан к проделанной нами пробоине в обороне врага. По броне его градом стучали винтовочные пули. Я не скупился на ответный огонь. Именно поэтому мне и удалось вырваться без потерь. Хотя потому уже, пока ждал Вадхильда, насчитал больше сотни пробоин и мелких дыр в его броне.

«Носорог» с грацией, достойной своего названия, покинул периметр особо охраняемого объекта урдцев.

Избыгнев сидел среди трупов стражей с таким невозмутимым видом, будто его не интересовало ничего вокруг. В определённой степени так оно и было. Он был под завязку накачан наркотиками. Иначе, даже скованный цепями, представлял бы в небольшом помещении огромную опасность для своих конвоиров. Но действие их заканчивалось. В глазах Избыгнева снова разгоралась ярость.

Именно это и было нужно Вадхильду. Шпион привык к этому имени, хотя где-то в глубине памяти хранилось то, которым его нарекли при рождении. Но пока пусть будет Вадхильд. Время для его настоящего имени не пришло. Да и придёт ли оно когда — он уже не мог точно сказать этого.

Шпион подошёл к Избыгневу. Вынул из-под сидения его чудовищную шашку. Вадхильд был далеко не слабаком, однако ему стоило известных усилий удержать её даже двумя руками. Избыгнев глядел на него своим взглядом хищника.

— Смотри, — медленно, будто на самом деле разговаривая с животным или со слабоумным, произнёс Вадхильд, — я освобожу тебя. Ты будешь делать то, что умеешь лучше всего. Убивать. Всех тех, кто не я. Понимаешь меня?

— Убивать, — повторил Избыгнев. Это слово, единственное, прорвалось через всё ещё одурманенный наркотиками разум разбойника. — Убивать.

Вадхильд использовал его шашку в качестве ломика, чтобы сбить цепи с разбойника. Те со звоном упали на деревянный пол салона.

А за стенками из тонкой жести и дельтадревеси́ны стучали пулемёты и рывкали пушки. Готлинд вёл неравный бой. Он давал ему, Вадхильду, возможность сделать то, что тот должен. Значит, надо торопиться.

Избыгнев взял из рук Вадхильда свою чудовищную пашку. На губах его заиграла неприятная улыбка. Разбойник протиснулся мимо шпиона и бросился прочь из салона «Носорога» едва ли не головой вперёд. Будто в омут головой.

Вадхильду на минуту даже страшно стало. Кого же он выпустил? Неужели этот человек — человек ли? — вовсе не боится смерти, ранений, увечий? Имперский шпион, конечно, видел заскорузлый от крови тулуп Избыгнева, но не верил, что тот мог пережить очередь из пулемёта, убившую его коня. Об этом только и болтали стражи, конвоировавшие разбойника. Однако теперь Вадхильд задумался, а может в их словах была доля истины?

Выбросив из головы эти дурацкие мысли, Вадхильд проверил в кармане сложенный вчетверо мандат. На нём красовалась подпись самого всесильного товарища Вышемира. Начальник Революционной стражи всего Усть-илимья сейчас валялся мёртвый среди трупов своих бойцов. А его револьвер — крупнокалиберный, котсуолдский — лежал в кармане Вадхильда.

Вадхильд выскочил из аэроплана, нарочито громко хлопнув дверцей. Даже ногой по ней треснул — на всякий случай. Он успел отбежать на несколько шагов, когда «Носорог» начал медленно подниматься в воздух. Готлинд продолжал поливать округу из пушек и пулемётов. Вадхильду даже пришлось ничком рухнуть, чтобы не попасть под очередную очередь. Пули и снаряды выкосили бойцов в богатырках, оказавшихся не столь расторопными. Трупы повалились прямо на Вадхильда, поливая его кровью.

Шпион выбрался из-под них. Теперь он мало отличался от остальных товарищей, носившихся вокруг и палящих в «Носорога». Без особого, правда, результата. Готлинд уже разворачивал аэроплан, уводя его к частоколу. Значит, времени у Вадхильда остаётся всё меньше. Вот сейчас Готлинд уведёт машину прочь. Паника уляжется. А порядок урдцы умеют наводить быстро. Так было при царе, так осталось и теперь — при Конвенте.

На бегущего к самому большому зданию комплекса никто не обратил внимания. Все вокруг бегали. И почти все — бесцельно. Так что направься Вадхильд, куда ему нужно, неторопливым шагом, это скорее привлекло бы внимание.

Часовых перед зданием не оказалось. Более того, дневального в караулке видно не было. Однако стоило Вадхильду пройти мимо его будки, как оттуда донеслось.

— Стой! Кто идёт?!

Шпион замер.

И тут же дорогу Вадхильду заступили двое бойцов в богатырках и с винтовками наизготовку. Этим можно не бояться обстрела. Они находились под надёжной защитой бетонных стен и прочной крыши.

— Кто такой? — из-за двери в караулку высунулся дневальный с револьвером в руке.

— Я от товарища Вышемира, — отчеканил Вадхильд.

— Мандат, — требовательно протянул руку дневальный. Ни он, ни бойцы с винтовками оружия не опускали.

Вадхильд медленно сунул руку во внутренний карман кожаной куртки. Вытянул сложенную вчетверо бумагу с подписью покойного Вышемира. Отдал дневальному.

Теперь счёт шёл на мгновения. Вот сейчас дневальный опустит глаза. Одной рукой бумагу не развернуть, значит, ему придётся убрать револьвер. Он просто обязан положиться

на двух бойцов с винтовками. И дневальный не подвёл. Что-то бурча неразборчиво, он сунул револьвер в кобуру. Принялся разворачивать бумагу. Опустил глаза.

Действовал Вадхильд стремительно. Он метнулся к дневальному. Ухватил его за руку, заломил. Шагнул за спину, выдернул из кобуры свой пистолет. Четыре пули достались бойцам, успевшим только винтовки вскинуть. По две в сердце. Они легко пробили шинели — по серому сукну расплылись тёмные пятна. Вадхильд рывком развернул дневального к себе лицом. И дважды выстрелил ему в сердце. В упор. Тот упал к ногам шпиона. В руках его так и осталась полуразвёрнутая бумага. Вадхильд переступил через тело дневального.

Выстрелы вряд ли кто слышал. На улице ещё палили по уходящему «Носорогу».

Вадхильд быстрым шагом направился вглубь комплекса. Больше ему никто не попадался. Скорее всего, при угрозе персонал эвакуировали. Внутри остались только бойцы охраны. Сталкиваться с ними снова Вадхильд совершенно не желал. Вряд ли в этот раз у него станут просить мандат. Сначала пристрелят, а потом уже начнут разбираться — кто же это был.

Главное помещение комплекса Вадхильд нашёл легко. Достаточно было пройти до конца по одному из радиальных коридоров. Двери были закрыты только на засов. Вадхильд отбросил его. Толчком открыл дверь.

Помещение за дверью было полутёмным. Собственно, никакого освещения внутри не было вовсе. Либо его отключили. Электричество тут сэкономили, а свечей на помещение такого размера не напасёшься. Так что единственным источником света там был громадный камень. Размером с трёхэтажный дом. Покрытый красноватыми прожилками, пульсирующими каким-то вулканическим светом. Отблески его метались по стенам, и Вадхильду показалось, что через дверь с засовом он попал прямо в преддверие преисподней.

Шпион сам не заметил, что шагает к камню. Очнулся, когда едва не ткнулся в него лбом. Он положил руку на шершавую поверхность камня. Она оказалась тёплой. А багровые прожилки обжигали пальцы. Вадхильд гладил камень, будто лошадь или женщину. Мыслей в голове у него не было никаких.

Из этого состояния практически полного транса его вывели даже выстрелы. Вадхильд дёрнулся, когда от поверхности камня отрикошетила пуля. Тут уж рефлексy взяли верх над одурманенным разумом.

Вадхильд дёрнулся вниз, припал на колени. Выхватил из кобуры пистолет. Трижды выстрелил в ответ на пальбу врага. Один боец в богатырке рухнул ничком. Другой схватился за плечо, выронил винтовку. Но через двери вбегали новые солдаты. На ходу вскидывали оружие, стреляя, правда, практически наугад. Попасть в кого-либо в полутёмном помещении, наполненном алыми бликами, просто невозможно.

Пули рикошетили от пола, от камня, стоящего в центре, даже от стен, хотя те были довольно далеко. Вадхильд отстреливался, как мог. Опустел магазин пистолета. В ход пошёл мощный револьвер Вышемира. Но бойцы в богатырках только прибывали. Вадхильд отлично понимал, что авантюра его провалилась и ему осталось лишь подороже продать свою жизнь.

Они появились спустя полчаса после того, как я посадил свой аэроплан. Выходили из леса по одному, по двое. А то и группами человек по пять. Заросшие бородами до самых глаз. В грязных, оборванных тулупах, армейских шинелях, драных полушубках. В шапках, богатырках, а кто и простоволосые. Зато все при оружии. В основном они держали в руках винтовки или дробовики. У многих шашки, почти у каждого за пояс заткнут длинный нож.

Бандиты Вепра окружали мой аэроплан. Глядели волками, но кидаться не спешили.

Хотя ясное дело, только ждут, чтобы разорвать меня. Им это самое приятное — порвать кого-нибудь в клочья. Они давно уже перестали быть людьми, превратившись в подобие диких зверей. Я не раз видел таких ещё на войне. За полгода в тоннелях люди превращались или в траншейных крыс, падающих в обморок при виде офицерской фуражки, или в подобных этим зверей, ждущих новой атаки, новой крови.

А вот предводитель банды сильно отличался от своих бойцов. Действительно, явно из благородных. В царских времён мундире с капитанскими погонами, фуражке, лаковых сапогах под валенками. Генеральская шинель отличного сукна. На поясе не шашка, а офицерская сабля. С другой стороны кобура с револьвером. Широкое лицо украшено роскошными усами, которые предводитель бандитов то и дело нервно подкручивал.

Он подошёл прямо к аэроплану. Его люди, кажется, немного робели при виде этого чуда техники. Да ещё и изрешечённого пулями. Вепр подошёл ко мне, поставил ногу на ступеньку. Опёрся на колено локтем.

— Это ты мне Избыгнева привёз? — поинтересовался он.

— Не привёз, — ответил я. — Был он у меня, но его забрал с собой... мой спутник.

— Мне без него никак, — протянул Вепр. — На нём держится вся моя банда. Так господам из Баджея и передай, паря!

— Ты ведь тоже из господ, верно, Вепр, — глянул на него я. — Вид у тебя совсем не мужицкий. Я таких, как ты, на плакатах видал.

— А их часто с меня и рисуют, — усмехнулся Вепр, подкручивая усы. — Я ведь из местных помещиков. И звать меня не Вепром. Фамилия моя Вепрев, а имя Аврелий. Рараг древними философами увлекался. Было у меня имение, была земля, крестьяне. Пока на фронте был — всё прахом пошло. Имение холопы сожгли. Сидят теперь по земле с обрезам. Да у меня в банде едва не половина народу моих бывших холопов.

Лицо его было спокойно, но кулак, сжатый на рукояти сабли побелел от напряжения.

— Вот из-за этой вашей спеси, — внезапно вырвалось у меня. Как будто плотину прорвало. Все нервы, напряжение, злость — всё нашло выход в этих словах. Злобных, хотя и правдивых. — Из-за того, что даже сейчас ты смотришь на меня сверху вниз. Кто я для тебя, простолюдин, летунишка какой. В другое время ты бы и не взглянул на меня. А ведь мы дрались в небе рядом с такими, как ты. И в небе не было различий между летунами. Пули нейстрийцев косили одинаково и благородных, и простолюдинов. Но вы, всё равно, считаете себя выше нас, только потому, что у вас, видите ли, кровь другая. А ведь она такая же красная, как у нас. И дерьмо в кишках такое же!

Ошеломлённый моим отпором Вепр, наверное, не знал, что сказать. Он замер, удивлённо глядя на меня, будто я был каким-то опасным зверем или ядовитой змеей. Пальцы на рукоятке сабли побелели. Как он себе ус не вырвал, не знаю.

Затянувшуюся паузу прервало появление Вадхильда. Он пришёл несколько раньше обещанного времени. А за ним шагал Избыгнев с громадным мешком за плечами.

Среди бандитов пробежал одобрителный шепоток. Они увидели своего настоящего лидера, которого ждали ещё со времён неудавшегося налёта на маслозавод. И были рады видеть его. Как волки своего вожака. Вожака, с которым всегда спокоен, потому что он знает, где искать лучшую добычу и кого рвать зубами в клочья и кровавые ошмётки мяса.

Вепр обернулся к Вадхильду. Тот кивнул ему, будто старому знакомцу. Хотя теперь я уже не был ни в чём убеждён относительно имперского шпиона.

— Припасы привёз? — без приветствия поинтересовался у него Вепр. — Мне нужны

патроны, еда, сено для лошадей.

— Патроны. — Вадхильд подошёл к «Носорогу», ногтями подковырнул застрявшую в бронелисте смятую пулю и швырнул её Вепру. — Других нет. Жди.

— А там, в Баджее, понимают, чем мне воевать с господами революционерами? — зло поинтересовался у него предводитель бандитов. — Одними пашками с ними не управиться. У них там пулемёты, пушки, сотни человек и винтовок. Конные чоновцы. Ещё полгода — и им хватит сил, чтобы прочесать лес и уничтожить нас.

— Что мешает уйти глубже в тайгу? — поинтересовался Вадхильд.

— Где жить там, в глубине, — рыкнул на него Вепр. — А уж зимой там такую ораву не прокормить точно. Разбежится моя банда.

— Мы сегодня отправляемся в Баджей, — развёл руками имперский шпион. — Я сообщу там о вашей проблеме, господин Вепрев. Но вряд ли там найдут для вас оружие или патроны. Вы ведь и сами понимаете, что на Баджей надеяться на не стоит. Выживать теперь каждый должен сам.

— Так и улетите? — зло глянул на него Вепр.

— Вы радуйтесь, что я вам, господин Вепрев, Избыгнева оставляю, — усмехнулся Вадхильд. — Он бы и мне теперь пригодился.

Вепр, казалось, сейчас готов отдать приказ уничтожить нас. Он даже на пару пальцев вытянул из ножен саблю. Я уже собирался запрыгнуть в машину. Боезапас, конечно, у «Носорога» почти истощён, но из пары очередей хватит, чтобы разогнать бандитскую сволочь.

Но Вепр сдержался. Он проследил, как Избыгнев проходит мимо меня, забрасывая свой мешок внутрь самолёта. Выбравшись из «Носорога», бандит замер, как будто ожидая дальнейших распоряжений. Вадхильд кивнул — и гигант шагнул к Вепру. Предводитель бандитов хлопнул своего ближайшего помощника по плечу. Тот никак не отреагировал на этот жест покровительственной дружбы.

— Как думаешь, — как будто позабыв о Вепре и его бандитах, обратился ко мне Вадхильд, — до Баджея дотянем?

Вепр тем временем вместе с Избыгневом ушли к своим людям. Разбойники столпились вокруг них. Казалось, многие хотели дотронуться до гиганта, что-то спросить у него, что-то сказать. Он был будто святым для них. Никак не меньше.

— Ну чего ты на него уставился, — одёрнул меня Вадхильд. — Он своё дело сделал. И Вепр тоже. Нам сейчас совсем о другом думать надо.

Тут он, безусловно, был прав. Думать нам надо было о том, как выбраться с Урдского севера. Слишком уж негостеприимным стал он для нас. Однако я просто не мог отвести взгляда от уходящих обратно в тайгу бандитов. Как они толпились вокруг Избыгнева. Как едва не отёрли в сторону Вепра. И вот только тогда, наверное, я на самом деле понял, что именно этот звероватый гигант был настоящим предводителем банды. А вовсе не щеголеватый Вепр со своими дореволюционными замашками и царских времён формой с золотыми погонами. Я обезглавил банду, а теперь снова вернул ей лидера.

— Как ты думаешь, — дёрнул меня за рукав, выводя из задумчивости, Вадхильд, — дотянем на этом аккумуляторе до Баджея?

Я пожал плечами. За зарядом аккумулятора я не следил. Меня как-то больше беспокоил боезапас.

Забравшись в кабину, я проверил шкалу заряда. Аккумулятор был заряжен почти

полностью. И на аэроплане полегче я бы пролетел с таким зарядом полмира. Но я не знал, сколько потребляет «Носорог». Это выяснится только в полёте. Так я и ответил Вадхильду.

— И смотри, — добавил я, — эта «птичка», как всякий безразгонник планировать не умеет в принципе. Так что, есть большие шансы сесть где-нибудь в степи и дальше до Баджея придётся идти пешком.

— Это никак невозможно, — покачал головой Вадхильд. — Видал тот мешок, что Избыгнев в салон закинул? Нам его и километра не протащить.

— А что такого в этом мешке? — поинтересовался я. — Стоило ли из-за этого так рисковать?

— Очень даже стоило! — воскликнул имперский шпион, пристёгивая ремни. — Содержимое мешка дороже всего чёртова Усть-Илима. Даже если всё его население продать в рабство на невольничьих рынках Келимане. Да за одну крупицу этого Блицкриг продаст эскадру самых передовых линкоров. Даже свой суперлинкор «Вергельтунг» отдадут, не задумываясь.

— Может, всё-таки объяснишь, что это такое мы везём.

— В Баджее, — отмахнулся Вадхильд. — Всё в Баджее объясню. Дотяни до этого логова контрреволюционеров, а там всё станет ясно.

Я бы развёл руками, если б не держал штурвал.

Двигатель «Носорога» успел основательно остыть, несмотря на то, что аэроплан простоял всего-ничего. Пришлось прогревать его достаточно долго. После этого я поднял машину в воздух. Проверил по карте, вложенной в планшет Вадхильдом, направление на Баджей. И направил «Носорог» туда. Хотя по пути придётся сделать изрядный крюк, обходя комплекс, на котором мы навели шороху. Он, наверное, сейчас был похож на разворошённый улей.

Но вот мы вышли на прямой курс. Я поднял машину над верхушками сосен тайги. И дал полный газ.

— Привет, эмигранты! — воскликнул пребывавший в отличном настроении после возвращения с комплекса Вадхильд. — Свободный Баджей!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Свободный Баджей

Баджей — наследственное владение князя Махсоджана. Правда, князь по традиции носит ещё и совершенно непроизносимый титул местного духовенства. И предпочитал, чтобы к нему на континентальный манер обращались «ваше святейшество». Однако одевался он, как уроженец Великой степи. Хотя в этих широтах ходить в чём-то другом было трудно. Даже нашедшие приют у него в Баджее бывшие офицеры царской армии, теперь присягнувшие Директории Адмирала, предпочитали поверх гимнастёрки носить халаты. А под фуражки повязывать цветастые платки. Либо вовсе ограничивались лёгкими пилотками.

Я чудом дотянул до города. Точнее плюхнулся в полукилометре от него. Иначе про посадку «Носорога» и не скажешь. Подняв тучу пыли, тяжёлый аэроплан опустился на выжженную солнцем землю Великой степи. Стойки шасси затрещали, когда я отключил антиграв. Мы с Вадхильдом выбрались из аэроплана, стараясь не коснуться его раскалённой обшивки.

— И что теперь делать? — спросил я у имперского шпиона. — Придётся тебе в город идти к своим людям. А я уж тебя тут подожду.

— Не нужно никуда ходить, — покачал головой Вадхильд. — Нас явно заметили из города. Скоро кто-нибудь даже будет здесь.

— Надо избавиться от трупов, — кивнул я за спину, в салон. Тела стражей Революции уже начинали портиться из-за жары.

— Да уж, — скривился Вадхильд. — Надо было ещё в воздухе их выкинуть в тайгу. Не подумали. А хотя нет. — Он щёлкнул пальцами. — Мы ими с местными расплатимся!

— Чего?! — уставился я на спутника. Слыхал я, конечно, о диких нравах Великой степи, но чтобы людей есть. Да ещё и начинающих разлагаться. Вряд ли тут могло дойти до такого.

— Да ну тебя! — рассмеялся Вадхильд. Настроение его за те дни, что мы провели в небе, ничуть не ухудшилось. — Куртки, штаны, обувь, ремни. Цепи им отдадим. Оружие только надо припрятать. И патроны. Они ещё нам самим понадобятся. Да и в Баджее продать их можно будет намного дороже. В городе оно на вес золота.

— У нас же в салоне такая ценность, — напомнил ему я, — что Блицкриг за него отдаст свой суперлинкор «Вергельтунг».

— До покупателей на наш трофей ещё добраться надо, — вздохнул Вадхильд. — А жить-то в Баджее надо на что-то. Тут ведь урдские деньги не в почёте. Ни царские, ни, тем более, новые. Нейстрийские, имперские, блицкриговские, — эти всюду любят. Особенно трепетно всюду относятся к котсуолдские. Немного меньше заокеанские — у них курс самый стабильный. Но только не урдские. Эти ты можешь сразу выкинуть.

— А лучше всего, как обычно, золото, — добавил я. — На Севере бумажным деньгам не особенно доверяют. Да ни один инспец не поедет в Урд работать за их новые ассигнации. Их ведь за пределами Народного государства нигде не поменять. Нам платили золотыми червонцами. — Я вынул из кармана куртки монетку размером с фалангу большого пальца. — И их все всегда носят только при себе.

— Вот и сейчас убери поглубже. — Вадхильд кивнул на точки, растущие на горизонте. — За пару монет местные нас прирежут без зазрения совести. Хотя они и понятия такого не знают, наверное.

Мы летели до Баджея несколько суток. Сначала под нами мелькали сосны и ели,

замётённые снегом. Затем они сменились лиственным лесом. Снега становилось всё меньше. Лес редел. Температура за бортом росла. И вот на исходе третьего дня я увидел, проснувшись, в иллюминаторе дикие травы Великой степи. Они бледнели, выгорая на солнце. Мелькали мелкие селения, не знаю уж, как они тут зовутся, и что-то похожее на города. Были и крепости, обнесённые глиняными стенами. Шагали длинные караваны, тянущиеся по одним им ведомым дорогам. Неслись, поднимая клубы пыли, какие-то всадники, сверкая саблями. Несколько раз мы становились свидетелями коротких, но жестоких схваток.

И вот сейчас такие же всадники медленно ехали в нашу сторону. Сабли в ножнах. Винтовки и карабины, правда, перекинуты через седло. Однако открытой враждебности они не проявляли.

— Говорить буду я, — быстро произнёс Вадхильд. — Ты по-местному ни слова не знаешь. А на урдском тут лучше не говорить. За пределами Баджея, по крайней мере.

Всадники с белозубыми улыбками гарцевали уже совсем рядом с нами. Предводитель их, или, по крайней мере, человек, который вёл себя, как главный, выкрикнул в нашу сторону несколько коротких фраз. Вадхильд ответил ему. Тот кивнул. Улыбнулся ещё шире. Махнул своим людям. Крикнул им что-то. Двое, ехавших в самом хвосте кавалькады, развернули коней и умчались куда-то.

Пока их не было Вадхильд и предводитель местных всадников обменялась фразами. Это нельзя назвать разговором. Как будто, они кидали короткие фразы для того, чтобы поддержать своё реноме. Вроде обмена любезностями или, наоборот, тонкими оскорблениями. А может, в буриме играли. Ведь на востоке любят сочинять стихи. Мне оставалось только гадать — ведь я не понимал ни слова.

Вскоре ускакавшие всадники вернулись в сопровождении десятка крестьян и повозки, запряжённой волами. Ещё пять этих внушительных животных шагали рядом с подводами. Всадники постоянно смеялись, передавая друг другу увесистые фляги. Делали глубокие глотки, поливая бороду какой-то беловатой бурдой. С крестьянами они не церемонились. То пинали ногами, не слезая с седла. А и плетью проходились по спинам. Крестьяне смотрели зло, но терпели. Голову боялись поднять, когда всадники были рядом.

Видимо, таскать аэропланы местным было не впервой. Крестьяне перегрузили мешок на повозку. Та затрещала, но выдержала немалый вес поклажи.

— Ты, Готлинд, — сказал мне на имперском, — оставайся в аэроплане, а я на подводе поеду. Двигатель не заводи, только антиграв включай на самый малый. Потащат тебя, как воздушный шарик.

О таком способе транспортировки безразгонника я как-то не догадывался. Хотя, в общем-то, куда уж проще.

Крестьяне же накинули на «Носорог» лямки упряжи и замахали на меня руками. Но прежде чем я забрался в кабину аэроплана, меня перехватил командир всадников. Он что-то сказал мне, дыша прямо в лицо. Тут и без слов было понятно, чего он хочет. Я кивнул ему, вежливо убрал руку с рукава моей куртки. Забравшись в салон «Носорога», я одно за другим выкинул на землю тела стражей Революции. Оружие их, вместе с патронами, мы с Вадхильдом забрали заблаговременно, припрятав в кабине аэроплана.

Всадники забирали тела целиком. Видимо, «потрошить» их будут уже в лагере. Или где они там квартируют.

Отдав им тела, я сел в кабину, пристегнулся по привычке, и включил антиграв. Без

аккумулятора он будет работать недолго, конечно, собственного запаса энергии у него немного. Хотя, думаю, до Баджея хватит.

Волы потянули «Носорога» в сторону города. Крестьяне шагали рядом с ними, погоняя животных хворостинами. Я расслабился в пилотском кресле и едва не задремал. Вокруг тянулась кажущаяся бесконечной степь. Выжженное солнцем пространство, где только сухие травы хрустят под босыми ногами крестьян и копытами лошадей и волов.

Бандиты уехали, когда городские стены из красного кирпича и глины опасно приблизились. Явно эти ребята с белозубыми улыбками имели серьёзные проблемы с законом. Крестьянам же было, по всей видимости, всё равно. Как шагали, так и шагали дальше — до самых ворот.

Ворота Баджея невольно внушали почтение. Я, наверное, смог бы влететь в них на своём «Ястребе». И высоты, и ширины хватило бы вполне. Стражи на своём посту дремали, укрываясь в тени. Однако, как только увидели нашу странную процессию, насторожились и вскинули винтовки. Из караулки вышел офицер. Все они были одеты в военную форму, напоминающую котсуолдскую, только украшенную степными узорами по обшлагам гимнастёрки. А головными уборами их были большие белые платки. Офицер вскинул руку, останавливая нас. Крестьяне потянули за ляжки — и волы встали.

Вадхильд спрыгнул с подводы. Направился к посту. Стражники взяли винтовки наизготовку. Имперского шпиона это ничуть не смутило. Он, как будто, и не замечал рядовых, шагая прямо к офицеру. Тот глядел на него, поигрывая темляком пистолета, висящей на поясе. Вадхильд обратился к нему. Говорил, как равный с равным, несмотря на то, что местный офицер явно глядел на него свысока. Однако очень быстро офицер утратил большую часть своего высокомерия. Видимо, Вадхильд нашёл достаточно убедительные слова.

Нас пропустили без обязательного взимания входной платы. Хотя лишённые законного заработка стражники глядели на нас с явным недовольством.

Баджей сильно отличался от любых городов, что мне приходилось видеть раньше. Нам приходилось держаться лишь главных улиц — в другие «Носорог» просто не прошёл бы. Но и они казались мне стиснутыми. Временами за крышами не было видно неба. К тому же, Баджей был грязен. Чудовищно грязен. И многолюден. Толпы людей сновали по улицам туда-сюда, как будто без цели. Толпу временами разрезали группы всадников, расчищающих себе дорогу плетью. Другие ехали на двуколках, в которых вместо лошадей или мулов был запряжены люди. А под ногами у всех носились голые детишки. Особенно много их было около рынков. Видимо, они там пытались найти себе пропитание. Все колодцы были закрыты решётками. Около них стояли небольшие лавки, торгующие водой. И тянулись длиннющие очереди женщин в плотных платьях, закрывающих всё тело, с пустыми кувшинами.

«Носорога» оставили на заднем дворе какого-то большого дома. Мешок перегрузили обратно. Мы отпустили крестьян с их волами. Я хотел было дать им что-нибудь из наших с Вадхильдом запасов, но тот остановил меня.

— Золото им не нужно, — сказал он, — а если цирики князя обнаружат у них оружие или патроны, то все — им не жить. Тут с закон один — воля князя. И наказание за него тоже может быть только одно. Мы уже расплатились, отдав цирикам тела стражей Революции.

Мне это не нравилось, но не лезть же в чужой монастырь со своими порядками.

Мы обошли здание — на фасаде его красовалась большая вывеска. На ней огромными

буквами было написано «ДИРЕКТОРИЯ». Значит, именно здесь располагалось правительство Урда в изгнании. В общем, достаточно закономерный конечный пункт нашего путешествия.

Я бы не удивился, если б у Вадхильда уже была назначена встреча с Адмиралом — главой директории и неудачливым правителем Урда. Он был изгнан с территории молодого Народного государства и теперь с остатками своей армии, что не разбежались после поражения, осел в Баджее. Под защитой князя Махсоджана.

Мы вошли в длинный полутёмный коридор. Под потолком его было подвешено здоровенное опахало. И мальчишка, стоявший тут же, всем весом навалился на верёвку. Опахало обдало нас потоком воздуха. В удушающей жаре, царившей в городе, это было крайне приятное ощущение. Я лично был благодарен этому мальчику за оказанную любезность. Хотя отлично понимал, что она просто входит в его обязанности.

В присутствии, как это тут называлось на старорежимный манер, сидел пожилой человек с адъютантскими погонами. Он только поднял на нас взгляд своих каких-то почти по-лошадиному усталых и грустных глаз.

— Кто пожаловал? — поинтересовался он — и голос его был под стать глазам, тусклым и безразличным.

— Доложи, — четко ответил ему Вадхильд, — что к Адмиралу прибыли летуны с Севера. Он знает.

— Как же, как же, — засуетился вдруг пожилой адъютант. Всю усталость и безразличие с него, как ветром сдуло. — Велено доложить о вас немедленно по вашем прибытии.

Похоже, насчёт назначенной встречи я был не так уж далёк от истины.

Адъютант скрылся за массивной дверью, обитой кожей. Наверное, чтобы с другой стороны ничего расслышать было нельзя. Через минуту вернулся и пригласил нас войти.

— Адмирал сказал, — добавил он, — что это только предварительный доклад ему единолично. Директории вы доложите, уже отдохнув и приведя себя в порядок.

Видимо, сведения Вадхильда или содержимое мешка были настолько важны, что правитель Урда в изгнании захотел выслушать его сразу же.

Мне совершенно не хотелось идти на встречу с Адмиралом — не того я полёта птица — однако Вадхильд не оставил мне выбора. Остаюсь я в приёмной — это вызовет ненужные вопросы. Значит, надо идти за ним. До конца.

Мы вошли в просторный кабинет или, скорее, зал для аудиенций Адмирала. Сам хозяин его стоял по ту сторону длинного стола, обитого зелёным сукном. Он опирался на спинку высокого стула — одного из десяти, по числу директоров правительства Урда в изгнании. И казалось всем своим видом хотел показать свою значимость и усталость от государственных дел. Вот только мелкий тремор рук и непрестанно движущиеся пальцы выдавали в нём не то морфиниста, не то вовсе кокаинового наркомана. Нагляделся я на таких во время войны.

— Здравствуйте, господа, — церемонно кивнул он нам. А затем обошёл стол, что заняло некоторое время, и пожал нам обоим руки. — Итак, вы прибыли с моей Родины. Хотелось бы узнать, как там идут дела. Готов ли народ к восстанию против ненавистной им новой власти?

— Не знаю, как народ, — пожал плечами Вадхильд, — но ваш агент Вепр просил передать, что если вы не пришлёте ему оружия и патронов, то от его банды к концу зимы не останется и следа. Власть Ревконвента крепнет даже на Севере.

— Я не раз слышал хныканье этого барчука, — отмахнулся от его слов Адмирал. — Ему

поставлена задача — вот пусть и решает её с имеющимися силами. Он обещал мне поджечь Север, а теперь ноет — дайте ему оружия и патронов. Нет уж! Довольно. Но мы отвлеклись, господа. Продолжайте.

— Мне удалось справиться с поставленной моими нанимателями задачей, — послушно произнёс весьма невежливо перебитый Адмиралом Вадхильд. — Во-первых: на заднем дворе этого здания стоит тяжёлый аэроплан, в салоне его находится мешок. Он достаточно увесист, так что для транспортировки его на ваш склад понадобится никак не меньше пяти-шести местных рабочих. Это, так сказать, материальный результат моей разведки в тылу урдцев. А нематериальные, то есть, полученные мной сведения, я лучше изложу письменно. Слишком уж долго говорить придётся.

— Отлично, — покивал Адмирал. — Я услышал всё, что хотел. Сегодня вечером. — Он картинно глянул на напольные часы, стоящие у дальней стены. — В двадцать ноль-ноль будет очередное совещание Директории. Мне нужно, чтобы вы выступили там с докладом. А завтра в одиннадцать ноль-ноль за вами прибудет автомобиль.

— Куда же мы отправимся? — поинтересовался Вадхильд, когда стало ясно, что Адмирал ничего объяснять не станет.

— Думаете, только у косорылых^[6] имеются исследовательские лаборатории? — заломил руки Адмирал. — Я, если хотите знать, имел представление о многих исследованиях, даже самых секретных, ведущихся в моём краю. Там, где мне выпало держать резиденцию, ещё на Родине. Большая часть учёных бежала от тирании Конвента — и сейчас они находятся здесь, у меня, в Баджее. Завтра я соберу их всех, чтобы отрабатывали свой хлеб. Будут изучать вашу находку, господа.

Да уж, общаться с этим человеком сложно. Он слишком любил собственный голос. Наслаждался каждым произнесённым словом. Если уж это глава правительства Урда в изгнании, то власти Народного государства могут быть спокойны. Адмирал способен только говорить — много, красиво, правильно. Он очень любит сниматься в своём красивом белоснежном мундире царского флота с внушительной колодкой орденов, полученных ещё за войну, на груди. Вот только на реальные действия он вряд ли способен. Может, именно от этой беспомощности и пристрастился к кокаину или морфию. Скорее, кстати, последнему. Я мельком заметил на подоконнике небольшой несессер. Внутри него поблёскивали стеклом шприцы.

В присутствии нас уже ждал унтер. Этот был помоложе и не с таким потухшим взглядом. Зато обладал раздражающими повадками кельнера или полового, как их называют в Урде. Он старался услужить каждым словом или жестом. Однако, несмотря на это, терпеть его было не столь сложно. Особенно после того, как по дороге на нашу новую квартиру, молодой человек рассказал нам свою историю. Юноша, действительно, работал в роскошном ресторане чуть ли не в столице Урда. И жил себе припеваючи до самой революции. Когда же в ресторан заявились бойцы под предводительством стража с мандатом, винтовками и приказом о реквизиции всего продовольствия, ресторан разорился. Половому пришлось туго. Он долго мыкался по взбудораженной стране и каким-то чудом прибился к Адмиралу. Воевать не пришлось — молодой человек снова исполнял свои обязанности полового. Только вместо костюма и белой рубашки он теперь носил гимнастёрку с погонами младшего унтер-офицера. Он даже по привычке расчёсывал волосы на прямой пробор. За что над ним потешался, наверное, весь урдский Баджей.

Нас устроили в доме, принадлежащем, как и почти всё в городе, князю Махсоджану.

Дом был на удивление чистый и ухоженный. Содержала его урдская семья — вполне интеллигентная и, что называется, самых строгих правил. Отец семейства проводил время за чтением газет — тут оказывается, хоть и с сильным опозданием можно было купить и имперские, и даже котсуолдские. Мать следила за хозяйством и прислугой из местных. Дети, а их было трое, ходили в урдскую гимназию.

— Если что-то будет нужно, — напоследок сказал нам унтер-офицер, бывший половой, — через два квартала отсюда представительство директории. Вы всегда найдёте меня там.

Правда, юноша забыл сказать нам, как его зовут. Хотя вряд ли мы обратимся к нему за помощью. Не знаю, как Вадхильд, а я задерживаться в Баджее лично я не собирался. Надс будет добыть себе аэроплан, хоть бы и самый обыкновенный, а не безразгонник, как было у меня. И улетать отсюда к чёртовой матери. Я уже и так ввязался в такие дела, от которых любой нормальный человек старается держаться подальше. Директории, Адмиралы, секретные комплексы. Нет — всё это не по мне. В конце концов, у меня неплохая сумма золотом — с такой даже в военное время не пропадёшь. Хотя, конечно, слишком уж велики шансы снова оказаться на фронте.

В общем, пока ждал своей очереди на мытьё в ванной, я прикидывал хватит мне заработанных на Урдском севере денег на путешествие до Заокеании.

— Клянусь, — хлопнул меня по плечу, уходя в ванную, Вадхильд, — ты всё узнаешь завтра. Во время поездки, которую обещал нам Адмирал. А сейчас мне надо первым привести себя в порядок. Тебе нечего делать на моём докладе Директории. Не самое будет приятное собрание. Так что оставляю тебя на растерзание хозяевам дома. Смотри только, чтобы тебя не женили на одной из дочек. Это тут быстро делается. Женихов перспективных мало.

— Не смешно, — ответил я, пытаюсь сбить ему превосходное настроение. Однако тот только усмехнулся и захлопнул дверь передо мной.

Мне было неприятно садиться куда-нибудь в своей грязной одежде, да ещё и с перемазанной кровью спиной. Видимо, проницательная хозяйка дома поняла моё затруднение. Она что-то сказала прислуге и та быстро принесла мне табурет. Меня усадили на кухне, прямо к столу. Я вымыл руки и прислуга начала ставить на стол какую-то снедь.

— Вы верно давно не ели, — произнесла хозяйка дома. Она присела рядом и поглядела на меня. — Вы очень похожи на моего старшего. Он днями и ночами пропадает на службе. А потом прибегает и ест так же быстро, как вы.

— А кем служит вас сын, госпожа Олисава? — поинтересовался я, скорее из вежливости, чем с интересом.

— Как и все наши офицеры теперь, — пожалла плечами пожилая женщина, явно ждавшая именно этого вопроса, — учит солдат и цириков князя военному делу. Этим мы отработываем у князя кров и пищу.

Семья Божирадовых жила в Баджее, как и все остальные урдцы, милостью князя Махсоджана. Их старший сын — офицер армии Директории — служил кем-то вроде военного советника при армии князя. Тот организовывал свои вооружённые силы по западному образцу, вооружая их купленным в Котсуолде оружием и одевая в сшитую там же униформу. Наверное, его соседи сильно удивятся, когда он решит пойти на них войной. А ведь для чего ещё тренируют и перевооружают армию.

Так что офицеры, натаскивающие солдат и командиров будущего войска князя

Махсоджана, пропадали в лагерях сутками.

Всё это поведала мне хозяйка дома, прерывавшая рассказ только на мои вежливые вопросы.

Когда же я поел, пришла моя очередь отправляться в ванную. Я провёл в ней не меньше часа — и меня ничуть не смутил тот факт, что до меня в той же воде мылся Вадхильд. Места тут засушливые и стоило сказать спасибо за то, что нам выделили столько воды на двоих.

После купания я был особенно рад чистой нательной рубашке и белью. Мне даже выделили военного покроя штаны. От гимнастёрки без знаков различий я отказался.

— Если господин соберётся в город, — с сильным акцентом произнесла женщина из местных, исполнявшая обязанности старшей экономки, — пусть обязательно наденет платок. Без платка никак нельзя, господин.

Манера говорить в сочетании с акцентом затрудняло понимание. Наверное, именно поэтому экономка говорила самыми простыми фразами.

Искупавшись и одевшись, я попал в компанию Велигура Божирадова. Пожилой отец семейства, обладатель внушающих уважение седин всю свою жизнь провёл, как он выразился, на статской службе. Имел немалый чин. Однако в одночасье лишился всего — и вынужден был, по его собственному весьма меткому выражению, жить за печкой у князя Махсоджана. Сквозило в словах пожилого человека в хорошем, но сильно поношенном костюме, какое-то презрение к себе.

— Расскажите мне, молодой человек, — попросил он, — что там слышно у нас на Родине? Ходили слухи о какой-то амнистии.

— Я был на Севере, — пожал плечами я. — Там об амнистии никто ничего не говорил. Мне ведь больше приходилось летать над тайгой. Да и слишком далеко Усть-Илим от столицы.

— Усть-Илим, — повторил Велигур. — Не стоит произносить этого названия при Адмирале. Если, конечно, вам снова выпадет честь общаться с ним.

— Отчего же?

— Именно оттуда началось наступление войск Конвента на добровольцев Адмирала и его друга — генерала Владияра Колобинца. Колобинец рвался Усть-Илиму с запада, Адмирал — с юга. Усть-Илим ведь самый большой город на Севере. Кто контролирует его, тот держит за горло весь Север. Так любили говорить тогда. В итоге господа революционеры, — он произнёс слово революционеры на нейстрийский манер, превратив букву «е» в «э», — взяли нас за горло. Их конница разогнала цепи Колобинца. А самого Адмирала они заставили умыться кровью на речке Красной. Говорящее название. Там схоронили нашего старшего сына.

— Старшего? — не понял я. — Но ведь госпожа Олисава сказала, что ваш старший сын сейчас тренирует армию князя, как и прочие офицеры.

— Теперь Далигор старший сын, — мрачно ответил мне Велигур. — А первенец наш — Олег, остался лежать на берегу реки Красной.

Мне стало неприятно из-за того, что я невольно сунул пальцы в незаживающую рану в душе пожилого человека.

Вот, значит, каковы из себя Баджейские враги народа. Я о них столько слышал за время пребывания в Усть-Илиме. По словам пропагандистов выходило, что они едва ли не чудовища — детей едят и кровью девиц невинных запивают. Однако вот он сидит — немолодой человек, живущий прошлым, скорбящий о сыне, читающий газеты. И не было в

нём никакой ненависти к новой власти и трудовому народу. Как не было её и в супруге его. А ведь те же пропагандисты и из газеты, добравшиеся до Усть-Илима с известным опозданием, так и твердили об этой самой ненависти. Баджейцы будто бы просто исходили ею, стоили козни и всё в этом духе.

Хотя когда стоило верить пропаганде. Помню, как мы читали газеты во время войны. Причём не только наши, но и нейстрийские. И в тех, и в других постоянно твердили о победах. Только нейстрийцы всё писали о победах грядущих. Потому что нынешних не было. Но и наши были не лучше.

Мы проговорили до самого возвращения Вадхильда. Имперский шпион выглядел выжатым лимоном. Хозяйка быстро настропалила прислугу — и вот на столе уже стоят миски и с едой и пара кувшинов.

Так сидели мы до вечера. Пили местный алкоголь. У него был не особенно приятный кисломолочный вкус, но чувствовались и какие-то местные фрукты.

— У нас неплохой арак, — сообщил слегка захмелевший Велигур. — Мне его один торговец знакомый продаёт. Не слишком ломит цену.

Но вот солнце зашло, и мы с Вадхильдом распрощались с хозяином дома. Он уже то и дело клевал носом, засыпая от принятого арака. Прислуга проводила нас до комнаты. Замка на двери не было. Зато имелся внушительный засов.

Обстановка в комнате оказалась самой простой. Мало отличалось от летунского общежития в Усть-Илиме. Две кровати да пара стульев. И сев на одну из коек, я понял, что вряд ли смогу ещё и с Вадхильдом поговорить. Конечно, мне хотелось узнать о комплексе и таинственном грузе, привезённом из тайги. Вот только глаза просто закрывались сами собой. Собственно, и Вадхильд выглядел не лучше.

Одновременно придя к одному решению, мы разделись и легли спать. Все разговоры были отложены на завтра.

Назавтра нас подняли с утра пораньше. Авто от Адмирала должно было приехать за нами в одиннадцать. А до того наши хозяева настаивали, чтобы мы, как всякие приличные люди, привели себя в порядок и поели.

— Сколько потом вам придётся без еды-то, — всё повторяла сердобольная хозяйка. — А уж без нормальной. — Она только качала головой.

Не знаю, как Вадхильд, а я к такому обращению не привык. И потому страшно стеснялся. Меня ведь принимали за какого-то, по крайней мере, мелкого дворянина — кто ещё мог приехать и попасть на аудиенцию к самому Адмиралу. Уж точно не сын аэродромного рабочего и швеи.

Нам всё же отдали форменные гимнастёрки без знаков различия. Мы забрали свои летунские куртки и кобуры с оружием, и уселись на открытой веранде ждать авто от Адмирала. Веранда эта заменяла в Баджее балкон. На ней стояли плетёные столы и стулья. Под навесом было хоть и жарко, но он всё же закрывал от палящих лучей.

Автомобиль с открытым верхом, тут, наверное, на других не ездили, прибыл с воистину флотской точностью. Можно было часы сверять. Я как раз глянул на свои наручные — на них было без двух минут, когда в общем шуме можно было различить стук автомобильного двигателя. Он показался из-за угла соседнего дома в обязательных тут клубах пыли. Сидевшие в нём люди, все как один, были одеты в длинные кожаные плащи с кепками, а лица их закрывали летунские очки. Видимо, от пыли невеликое лобовое стекло совсем не спасало.

Не сговариваясь, мы с Вадхильдом накинули курки и достали из карманов свои очки. Тогда же я наткнулся на маску, купленную ещё в Усть-Илиме. Она зацепилась за очки и теперь болталась на них бесформенным куском кожи. Будто снятое с человека лицо. Подивившись своей мрачной фантазии, я сунул маску обратно в карман.

Нас усадили на заднее сидение автомобиля. Впереди, кроме водителя сидел суровый человек с погонами поверх кожаного плаща и обтянутой чехлом фуражке. Рядом с ним стоял драгунский карабин. Он то и дело правой рукой нервно поглаживал его ствол. Мне это совершенно не понравилось. Я как бы невзначай положил руку на кобуру. То же сделал и Вадхильд.

Однако всё обошлось. Нас высадили у большого дома, огороженного кирпичной стеной, с постом на входе. Тут даже пулемёт стоял. Около него скучали пятеро солдатиков с винтовками. На ящике с лентами сидел, покуривая, унтер с лихими кавалерийскими усами. Завидев авто, он подскочил, затоптал недокуренную самокрутку и вытянулся во фронт. Его солдаты тоже встали ровно, подтянув к себе винтовки.

— Документ пожалуйста, — обратился вежливо, но напористо к выскочившему из авто суровому человеку с карабином.

Тот махнул нам, чтобы вылезали, а сам полез за пазуху и извлёк оттуда сложенную вдвое бумагу. Протянул унтеру. Унтер развернул её, принялся внимательно читать, шевеля губами. Видимо, он был не особенно силён в грамоте. Наконец, он вернул бумагу суровому и махнул своим людям, чтобы открывали кованые ворота.

Авто уехало куда-то, наверное, в гараж, мы же отправились к зданию. Оно было выстроено явно на западный манер — и вполне могло стоять в столице Нейстрии или даже

Империи. На пыльных улицах Баджея оно смотрелось совершенно неуместно.

Второй пост стоял на входе в само здание. Тут уже не было пулемёта, а солдат с винтовками стояло только трое. У старшего на рукаве красовалась красная повязка. Он также проверил документы. И мне подумалось, старшим его назначили единственно потому, что он был хотя бы немного грамотен. Бумагу солдат изучал намного дольше усатого унтера. Но всё же удовлетворился проверкой и вернул документы нашему суровому провожатому.

Нам открыли тяжёлую дверь и мы, наконец, попали в столь охраняемое здание.

Внутри оно было самым обыкновенным. С какой-то лепниной на стенах. Двери через каждые десять шагов. Больше всего оно напоминало доходный дом. Однако это был только верхний уровень. Конечно же, всё самое интересное скрывалось внизу.

Мы спустились по широкой лестнице на несколько этажей. И вот уже ничего вокруг нас не напоминало доходный дом. Теперь это больше походило на больницу. С линолеумом на полу и белыми стенами. Дверей стало намного меньше. Да и сами они теперь были обиты металлом и с мощными засовами снаружи. Как будто, внутри мог сидеть кто-то, кому ни в коем случае нельзя вырваться из заключения. На дверях имелись ещё и открывающиеся окошки — и мне очень хотелось заглянуть внутрь. Вот только суровый провожатый взял слишком быстрый темп ходьбы. А останавливать его я не рискнул.

Мы остановились у одной из дверей. В отличие от других это была двустворчатой и с парой стеклянными окошками. Провожатый постучал и тут же открыл её. Ему, как будто, было неприятно заходить внутрь, и он старался как можно скорее покончить с этим делом. Он пропустил нас с Вадхильдом вперёд. В какой-то момент мне показалось, что сейчас за нашими спинами захлопнется дверь и скрипнет засов.

Внутри нас ждало нечто вроде операционной. С кафельным полом и стенами. Комната была разделена надвое стеклом. По нашу сторону стояли несколько человек в белых халатах. Но кроме них были господа в котсуолдских костюмах и сам Адмирал. Как всегда во флотском мундире, но с одним только крестом.

— Вас только и ждали, — сказал он нам вместо приветствия. — Можете начинать, доктор.

Седой человек в белом халате и неизменном пенсне погладил бородку и постучал костяшками пальцев по стеклу.

По ту сторону его находился человек, прикованный к металлическому стулу. Через грудь его шёл металлический обруч, не дающий ему даже дёрнуться. Что самое странное, человек этот был не из местных, и одет в форму новой урдской армии. Только без неизменной богатырки на голове.

— Газ на самом деле полностью бесцветный, — начал пояснения профессор, — но мы намерено подкрасили. Для наглядности. Использовали нейтральный краситель. Он никак не может повлиять на свойство самого вещества.

Пока он говорил, комната по ту сторону стекла начала затягиваться синеватой дымкой. Газ распыляли из невидимых с нашей стороны форсунок. Боец задёргался на своём прикрученном к полу стулу. Пытался задерживать дыхание. Однако очень быстро надыхался и обмяк. Кашлянул несколько раз и уронил голову.

— Вот теперь объект полностью готов к обработке, — продолжал, словно на лекции, доктор, указывая на стекло. Сам же старался в ту сторону не смотреть. То и дело отводил взгляд, снимал и протирал носовым платком пенсне.

Тогда инициативу у него перехватил другой человек в белом халате. Этот был моложе и

пенсне не носил. Да и похоже не чувствовал неловкости, присущей его старшему коллеге.

— Тут не стоит забывать, — сказал он, — что образец, обработанный газом с добавлением выделенного вами нового вещества, становится некоторым образом заразен. Его можно сравнить с возбудителем вируса. Он не только делает других более восприимчивым, как первые образцы, но и может стать настоящим разносчиком.

— Что же будет, — в задумчивости протянул Адмирал, — если распылишь это вещество над городом?

— Его население окажется полностью под нашим контролем, — ответил молодой учёный. — А спустя несколько недель уже вся округа перейдёт в наши руки.

— Но не забывайте, — встрял, будто глас вопиющего в пустыне, старый доктор в пенсне, — что действие этого нового вещества превращает людей в тупые автоматы. Они никогда не будут способны на более чем простейший труд на полях или фабриках.

— А что нам ещё нужно?! — рассмеялся Адмирал, глядя на доктора, будто на дитя малое. — Простой труд для простого народа. Пускай не поднимают головы от пашни или станка. И не думают о революциях или том, чтобы жечь поместьями своих хозяев. Они ведь будут счастливы, благодаря именно вашему веществу, доктор.

— Будут счастливы, — повторил профессор, снова снимая пенсне и протирая его носовым платком. Он его даже в карман халата не прятал. — Это же счастье идиотов.

— А не о таком ли народе мечтает любой правитель, — усмехнулся Адмирал. — Готовьте, как можно больше этого вашего вещества, господа. Мы должны покончить Народным государством как можно скорее. И именно оно поможет нам в этом нелёгком труде.

— Оно пригодится и на фронте, — снова услужливо встрял молодой учёный. — Вещество улучшает физические показатели.

— Отлично, отлично, — потрепал его по плечу Адмирал. Жест этот мне напомнил Вепра с Избыгневом. Та же снисходительная покровительственность.

Адмирал первым вышел из комнаты. За ним господа в котсуолдских костюмах. А за ними и мы с нашим суровым провожатым.

— Вот видите, — обратился уже к нам Адмирал, — какую услугу оказали нам. — Он подошёл к нам с Вадхильдом. — С этим новым веществом мы можем кардинально переломить ситуацию на Родине. В считанные дни с этим, так называемым, народным государством будет покончено. Я рад, что у Урда ещё есть союзники.

— Главное, Адмирал, помните и вы о своих обязательствах, — вежливо напомнил ему имперский шпион.

Адмирал натянуто улыбнулся ему. Вряд ли ему пришлись по сердцу слова Вадхильда. Но тот чётко обозначил дистанцию, напомнив о неких обязательствах правителя Урда в изгнании.

— Мы должны возвращаться на родину, — сказал Вадхильд. — На нашем грузовом безразгоннике это сложно будет сделать. Я знаю, что вы обладаете хоть и небольшим, но парком аэропланов. Могли бы вы передать нам один, конечно, в обмен на наш «Носорог».

— Поговорите с начальником авиации Добрармии, — отмахнулся Адмирал с таким видом, будто у него как раз сейчас уйма важнейших дел. А мы отвлекаем его тут своими мелочами.

Мы с Вадхильдом отстали от Адмирала и его свиты в дорогах костюмах. Нам было с чём поговорить, и что решить.

— Стоит ещё денёк воспользоваться гостеприимством семьи Божирадовых, — заявил Вадхильд. — У них и узнаем, кто командует авиацией в армии Адмирала.

— Конечно, — равнодушно ответил я.

Я всё никак не мог отойти от зрелища солдата, уронившего голову под действием газа. И от слов молодявого учёного с Адмиралом. Пожилой доктор пытался возражать ему, но оба посмеялись над ним. Особенно меня задело за живое слова правителя в изгнании о народе — мечте. Не знаю, как для Адмирала, а по мне — лучше не жить вовсе, чем существовать довольным идиотом. И он ведь собирается превратить в таких едва ли не всё население родной страны. Как бы жестока ни была революция, сколько бы крови ни пролилось, но подобные превентивные меры — это чудовищно.

Наверное, именно тогда, в подземной части большого здания, я понял, это надо остановить. И для начала я должен поговорить с Вадхильдом.

Не знаю уж, из мелочной мстительности или просто по забывчивости, но авто нас уже не ждал. Мы остались посреди совершенно незнакомого города, не представляя, как нам добираться до дома Божирадовых.

— О золоте своём и не думай, — тихо сказал мне Вадхильд.

— Может меняльную лавку какую найдём? — спросил у него я.

— Надёжных я тут не знаю, — отмахнулся тот, — а в ненадёжную идти — дороже выйдет.

Это я понимал отлично. Даже в самых цивилизованных городах Империи или Нейстрии можно было на выходе из меняльной лавки получить нож под ребро. А уж тут-то. Нравы вокруг царят самые вольные, а мы — люди чужие, нас, может быть, и искать толком никто не будет. Да ещё и золото, которое тут ценится намного выше, чем даже в Урде. Слишком уж много соблазнов для нечистых на руку менял и их сообщников.

— Унтер, — обратился к командиру охраны, что стояла в воротах, Вадхильд, — подскажите, чем в Баджее принято расплачиваться? Хотя бы с рикшей.

— Не знаю про какого такого рик-шу вы толкуете, — пожал плечами тот, — но платить тут принято серебром. Князь Махсоджан свою монету чеканит. Она ценится хорошо. Директория платит нам бумажными деньгами — адмиралками, но их тут берут неохотно. Не доверяют бумаге. Даже после того, как у нас тут банк открыли, где меняют адмиралки на серебро. Если получают, сразу бегут менять.

— У вас тут даже банк есть, — присвистнул явно удивлённый Вадхильд. — А не опасно там деньги менять?

— Это вы к тому спрашиваете, чтоб не получить на выходе нож под рёбра, — понимающе кивнул унтер. — Так вы будьте покойны. В банке работают наши люди. И охрана там не из местных. Весь преступный элемент за полверсты банк обходят теперь. А ежели что, можно доплатить малость и вас на авто, с охраной опять-таки, куда вам надо довезут.

— Благодарю, — кивнул ему Вадхильд.

Он первым отошёл от ворот. Взмахом руки остановил рикшу с двухместной коляской за спиной. Мне было неприятно ехать на запряжённом вместо лошади или осла человеке, но другого транспорта тут не было. Никаких пролёток или фиакров. Не идти же пешком в банк, постоянно спрашивая дорогу. Это не менее верный способ получить нож под ребро, чем отправиться в меняльную лавку.

— Банк, — бросил рикше Вадхильд.

Тот кивнул и буквально ввинтился в толпу на улице. Рикша бежал, бодро перебирая ногами. Пятки так и сверкали, взбивая облачка пыли при каждом ударе о выжженную солнцем землю.

За зарешённым окошком в банке сидел человек, лет на десять старше меня. Одет он был в западный костюм, но офицерскую выправку тот скрыть не мог. Я заметил её, даже несмотря на то, что клерк сидел.

Он долго вертел в руках мои червонцы. Все они были новой чеканки с гербом Народного государства на аверсе.

— У нас, конечно, не принято задавать вопросов о происхождении денежных средств, — протянул он, — но если бы вы сами согласились ответить... — Он выжидательно поглядел на меня.

Я понимал, надо придумать что-то и быстро. Очень быстро. Тайная канцелярия тут работала очень хорошо — и на выходе из банка меня могли встретить не местные головорезы, а вполне приличные господа. Может быть, в котсуолдских костюмах. И проводят меня в неприметное здание на окраине города. Откуда я вряд ли выйду, по крайней мере, здоровье там оставлю всё.

Вот только мыслей в голове не было никаких. И потому я сказал первое, что пришло в голову.

— Считайте меня шпионом Конвента, — ответил я. — Других денег для меня не нашлось.

Клерк долго глядел на меня. Думал, наверное, издеваюсь я или может быть перед ним хронический идиот. А может, просто не слишком умный шутник.

Наконец, он рассмеялся. И хохотал долго, со вкусом. Несколько раз хлопнул ладонью по решётке, разделяющей нас.

— Шпион, — выдавил он сквозь хохот. — Ну надо же, шпион Конвента. Давно я ничего подобного не слышал. На какие монеты разменивать?

— Серебряные княжеские, — ответил я. — И одну из серебряных на мелочь.

— Понятно, — всё ещё весело произнёс клерк, пряча мои червонцы. Вместо них он выдал мне девятнадцать серебряных монет с профилем князя Махсоджана, одетого в высокую шапку. И ещё десяток медяшек с каким-то затейливым узором. — Ну, будь здоров, шпион. Надо будет ещё червонцев разменять — обращайся. Я тут по чётным дням работаю.

— Благодарю, — кивнул ему я.

— Если вы мелочь взяли с рикшей расплатиться, — сказал клерк напоследок, — то больше двух монет ему не давайте. Это стандартная такса. Не дайте им обуть себя.

Я снова поблагодарил его и вышел из банка. Проходя мимо рикши, в чьей коляске всё ещё сидел Вадхильд, я кинул ему медяшку.

— Дом семьи Божирадовых, — бросил ему имперский шпион, когда я забрался в коляску.

Рикша взял, что называется, с места в карьер. Выходит, эту семью тут неплохо знали. До нужного нам дома он домчал нас с ветерком. Только пятки снова выбивали пыль из дороги. Он ввинчивался в уличную толпу, лавировал среди людей и всадников. Обегал упряжки и редкие автомобили.

Выбравшись из коляски, я кинул рикше ещё монетку. Тот забрал её, сунув к первой — за щеку. А следом сорвался с места, сверкая пятками.

— Зря ты ему две монеты дал, — заметил Вадхильд, направляясь к крыльцу дома

Божирадовых. — Одной бы хватило вполне.

Я ничего отвечать не стал. Нам предстоял весьма серьёзный разговор. Вот только для начала придётся соблюсти приличия и отобедать с Божирадовыми. Обижать пожилую чету совсем не хотелось. Людьями они были, в общем, хорошими. И вовсе не виноваты в том, что у меня на душе кошки скребут и хочется то ли пристрелить кого, то ли себе пулю в лоб пустить.

Мы расселись за столом. Госпожа Олисава просто сияла. К ним выбрался торчавший до того в казармах старший сын Далигор. Юноша с гордостью носил капитанские погоны с одним просветом без звёздочек. Он специально надел свою белую парадную гимнастёрку и скрипел ремнями портупей.

— Скоро, — говорил он возбуждённо и оттого быстро, — скоро всё изменится. По частям ходят слухи. Офицеры, унтера — все говорят, что скоро мы ударим по Народному государству. Мы сметём косорылых! Народ ждёт нас. Как один, простые люди поднимутся против Конвента.

Ну, и всё в том же духе. Я быстро перестал прислушиваться к его торопливой речи. Интересы не было. Есть тоже почти не хотелось. Может, из-за жары. Но, скорее всего, из-за увиденного в подвале здания. Я ковырялся вилкой в еде, почти не поднимая глаз. Отвечал, кажется, невпопад. И совсем уж было собирался откланяться, сославшись на дурное самочувствие и отсутствие аппетита из-за жары. Даже шутку незамысловатую придумал. Но тут Вадхильд поинтересовался у Далигора относительно начальника авиации добровольцев.

— Князь Турила Ерофеев? — уточнил зачем-то молодой капитан, как будто мы могли знать имя начальника авиации. — Ему в хозяйство притащили какого-то монстра. Он торчит на лётном поле — осваивает со своими людьми технику. Он, говорят, даже ночует на лётном поле.

Услышав это, я всё же сослался на дурное самочувствие и отправился в комнату, которую мы делили с Вадхильдом. Шпион скоро присоединился ко мне, высидев Божирадовыми за столом приличное время.

Войдя в нашу комнату, он поставил на стол бутылку красного вина.

— Хозяева передали тебе, чтобы поправлялся, — сказал он. — И выпил за скорую гибель косорылых.

— Не откажусь, — кивнул я.

Вадхильд поставил стаканы, наполнил их вином. Мы молча сделали несколько глотков.

— Смотрю, тебе не слишком понравилось служить народникам, — заметил шпион. — Раз ты за их гибель пьёшь.

— Я их убивал, — невпопад ответил я, — но ничего против них не имею.

— Да брось ты, Готлинд, тебя что же, так впечатлил этот эксперимент с газом?

— Что мы с тобой наделали, Вадхильд? — кажется, я говорил в тот день исключительно невпопад. — Адмирал ведь не остановится ни перед чем. Он на полном серьёзе готов обратить в скотину собственный народ. И всё при помощи того самого вещества, которое мы привезли.

— Да, Готлинд, это так, — запальчиво произнёс Вадхильд. — Но что нам с тобой с этого? Ты ведь только формально стал гражданином Народного государства. Ты не сдал меня стражам Пролетарской революции. А ведь мог! Вместо этого, ты полетел со мной. И крошил народников из пулемётов! Мы с тобой — имперские подданные. Пусть не по документам, но уж по духу точно. А Империи сейчас очень нужно, чтобы Урд снова вступил

в войну. Блицкриг одерживает верх. Медленно, но верно. На всех фронтах идёт позиционная война. Главная драка — в небе. И мы там уступаем врагу. Империя истекает кровью, Готлинд. Если Урд не вступит в войну в этом году — мы обречены. Дилеанская империя перестанет существовать. Уже и так в Тартессах приходится держать значительные силы — сепаратисты набирают силу.

— Хватит, Вадхильд, — одёрнул его я. — Посади тут блицкриговца, они будут петь то же самое. Я отвоевал первую войну от звонка до звонка. Долг родине отдал полностью. Я уехал от войны на север Урда, но и тут ты достал меня. Да ещё и впугал в эту грязь!

— Грязь, значит, — зло прорычал Вадхильд. — Грязь, говоришь. Адмирал у тебя выходит сволочь и гад ползучий, а народнички все в белом! Как они к власти пришли, как из Урд из войны вывели, какой террор устроили на родине — это забудем. Дела давно минувших дней. Но ты не забыл, у кого мы увели этот камушек? Кто охранял комплекс? Не забыл, что у них на богатырках было? — Он постучал себе по лбу. — Если хочешь знать, то Избыгнев — это продукт работы этого самого комплекса. Минимум мозгов, максимум силы и самые примитивные рефлексy. Идеальный солдат. Его и Вепру-то забросили, чтобы проверить. А после того, как он выжил после очереди из твоего пулемёта, решили забрать обратно. Получился у них этот идеальный солдат.

— Святых нет, — пожал я плечами. — Оправдывать урдских народников я не собираюсь. Дай мне эскадрилью бомбардировщиков, и я с удовольствием уничтожу комплекс, вместе с тем, что в нём находится.

— Боже мой, Готлинд, какой же ты оказываешь идеалист! Ты сам-то понимаешь, что бред несешь?

— А может я просто приличный человек? — грустно усмехнулся я. — А ты уже не так сильно отличаешься от Адмирала и этого молодого учёного?

— Да мне плевать, что будет с народом Урда! Плевать! Я служу Дилеанской империи. Только её интересы волнуют меня. Хотят урдцы превратить собственный народ в бессловесную скотину. Пусть будет так! Лишь бы это послужило интересам моей родины. Набрав силу, Адмирал выполнит свои обязательства перед Империей — и вступит в войну.

— А если уже наше правительство решит перенять передовой опыт Урда? И уже наш народ обратится в рабочую скотину. Хочешь, чтобы твои дети были счастливы счастьем идиотов?

— Я — дворянин, Готлинд, пускай и беспоместный, зато наследственный. Моим детям подобное не грозит — уж дворян в скот обращать не будут. А что будет с крестьянами, рабочими и мелкими лавочниками... Мне всё равно, Готлинд. Я за всех не в ответе.

В своём пылком монологе он только раз глянул в мою сторону. А так словно с бутылкой общался. Он не заметил, как в самом начале его, я сжал рукоятку револьвера. Когда же Вадхильд заговорил о том, что ему всё равно, что будет с крестьянами и рабочими, я вскинул оружие — и дважды нажал на курок.

Револьвер плюнул в него пламенем. Комнату затянуло пороховым дымом. На гимнастёрке Вадхильда прямо напротив сердца появилась пара отверстий. Я знаю, что на спине у него кошмарные дыры. По зелёной ткани растеклись тёмные пятна. Вадхильд поглядел на меня. На эти пятна. Уронил стакан — и тот разбился на тысячу стеклянных осколков. Он будто бы не понимал, что с ним происходит.

Вадхильд тронул расплывающиеся по гимнастёрке пятна. На пальцах его осталась кровь. Он рухнул на колени, а после — повалился ничком.

Никто не ломился в дверь, что показалось мне тогда странным. Это потом я понял, что просто стены в доме были очень толстыми. Да и двери — тоже. Всё чтобы сохранить ночную прохладу как можно дольше днём, и дневное тепло — холодной ночью. В комнатах можно из пушек палить — через стену ничего не услышишь.

Я быстро зарядил свой револьвер. Наклонился над трупом Вадхильда. Без стеснения пошарил у него в карманах. Кроме здорового пистолета шпион оказался вооружён ещё и котсуолдским револьвером, тоже основательных размеров. Патронов при себе Вадхильд имел по коробке на каждый ствол.

Уложив покойника на кровать, я совершенно спокойно улёгся на вторую. Я даже одеялом Вадхильда укрыл, чтобы завтра было побольше времени. Мне нужно, чтобы завтра его смерть обнаружили как можно позднее. От этого зависит весь мой план, который иначе как авантюрой назвать было нельзя. Но иначе поступить я теперь просто не мог. Пускай я, скорее всего, расстанусь с жизнью, мне в тот момент было всё равно.

Спать рядом с трупами мне было не впервой. Пусть и давно это было — последний, как мне тогда казалось, раз ещё во время войны. Но присутствие в комнате мёртвого Вадхильда меня ничуть не смущало.

Встав пораньше, я отказался от завтрака и напрямик отправился на лётное поле.

— Понимаете, госпожа Олисава, — объяснил я своё странное поведения хозяйке дома, — мы с другом вылетаем сегодня же. А перед полётом надо есть только шоколад. Это связано с... ну, вы понимаете, определёнными отправлениями... — Как мне удавалось столь удачно играть, демонстрируя пожилой женщине смущение, ума не приложу. А может просто госпожа Олисава была бесхитростной особой и принимала все мои слова за чистую монету. — И мы условились, что Вадхильд поспит подольше, но после первым сядет за штурвал. А я пока отправлюсь на лётное поле и договорюсь с князем Ерофеевым об аэроплане для нас.

Пожилая женщина кивала в ответ на мои слова. Мне было очень неприятно обманывать её, но что мне ещё оставалось. Не бежать же тайком из дома Божирадовых. Это бы поставило под угрозу весь мой план.

Рикшу поймал быстро. Шустрый малый с лёгкой коляской помчал меня к лётному полю. Он отлично знал, где это. Бежал достаточно долго. Как и вчерашний, он ловко лавировал в толпе, правда, ранним утром народу на улицах было поменьше. Рикша выкатил коляску из города. Побежал по дороге в сторону скопления домиков. Они находились где-то в пяти километрах от городских пределов. Рикша проделал путь меньше чем за час.

Выбравшись из коляски, я кинул ему сразу несколько медяшек и уверенно направился к лётному полю. Рикша сунул монетки за щеку и живо побежал обратно в сторону города.

Лётное поле было огорожено рогатками и обнесено колючей проволокой. У проходной скучала пара часовых с винтовками.

— Кто такой? — поинтересовался у меня один из них.

— Военлёт Готлинд к князю Ерофееву.

— По какой надобности?

— Я от Адмирала. Он обещал нам аэроплан в обмен на наш.

— Это вашу монстру что ли притащили вчера? — поинтересовался часовой. — Знатная штука. А она вообще в воздух подняться может?

— Мы-то сюда как-то прилетели, — как можно равнодушной пожал плечами я.

— Сразу на поле проходите, — махнул себе за спину часовой. — Князь там торчит —

аккурат рядом с вашей монстрой. Говорят, за полночь уходить от неё не хотел. Адьютанты едва спать уложили, будто не князь-енерал, а дитя малое.

Оба часовых рассмеялись. Как и всем нижним чинам, им доставляло немалое удовольствие потешаться над командирами, особенно когда те никак не могли узнать.

Меня без проблем пропустили через пост. Я, конечно же, направился не на лётное поле. Моей целью был небольшой домик с длинной антенной над крышей. Проверив оружие, в кобуре и сложенное в небольшую сумку на ремне, я быстрым шагом направился к нему.

Это были шаги к моей смерти. Я отлично понимал это, но ничего поделать с собой не мог. Слишком уж громко звучали в моей голове слова Вадхильда. Значит, это надо остановить. И единственный способ, который я мог придумать прямо сейчас, вёл меня к неминуемой гибели.

Оказавшись на пороге домика, я глубоко вздохнул — и ударом ноги вышиб хлипкую деревянную дверцу.

Странную радиограмму рассматривали всем штабом Дештского гарнизона. Пришла она не откуда-нибудь, а из самого логова баджейской контры. И вещали оттуда не каким-то секретным ключом, но просто открытым текстом. Вот только текст этот уж больно необычный. Станный это был текст. Непонятный. И что теперь делать, тоже было не очень-то понятно.

— Уничтожить Баджей, — снова и снова перечитывал короткий текст радиограммы Бранирад, начальник гарнизона. — Немедленно уничтожить Баджей. Большие запасы пси... — Он запнулся на сложном слове. — Псиho... — Он снова запнулся, выругавшись, как всегда, когда читал это место в радиограмме. — И как только передали такое словечко-то замурёное. — Бранирад решил от греха подальше пропустить его и стал читать дальше. — Веществ. Немедленно уничтожить Баджей. Угроза для всего Народного государства.

Он положил квитанцию радиограммы на стол и припечатал её кулаком.

— И правильно! — выпалил со всем задором, на какой только была способна его горячая душа настоящего народника. — Давно пора раздавить это кубло! Покончить с баджейской контрой! Что же, у нас сабель и ружей не хватит! Целый артполк под боком квартирует. А мы тут сидим, ровно мыши за печкой. Боимся тронуть этого князя-эксплуататора трудового крестьянства Великой степи! Доколе, товарищ Звонило? Доколе, товарищ уполномоченный, мы должны ждать неизвестно чего?

Я тут, товарищ Бранирад, поставлен народной властью для того, чтобы твою горячность контролировать, — ответил ему старший уполномоченный гарнизона Звонило. — Это вы можете себе позволить не видеть ничего дальше собственного, простите уж великодушно, носа. А я, как уполномоченный, должен глядеть гораздо дальше. Не ограничиваться интересами только нашего гарнизона.

Он сделал жест руками, будто обрисовывал земной шар.

— Я гляжу ты, товарищ уполномоченный, всё в мировом масштабе мысли норовишь, — усмехнулся Дорогомысл, командующий стражами Пролетарской революции города Дешт. — На наши мелочи не отвлекаешься. А может стоит спуститься с ваших небес на нашу грешную землю?

— Баджей давно уже костью в горле Народного государства сидит! — снова вмешался громогласный начальник гарнизона. — Сколько раз я запрашивал Ургенч, а оттуда только ждите, да ждите. А вот дождались! — Он снова постучал по квитанции радиограммы кулаком. — Вещества какие-то в этом самом Баджее выдумали, чтобы извести Народное государство.

— Вещества эти давно уже выдумали, товарищ Бранирад, — мрачно заметил Дорогомысл. — На фронте этими вот самыми веществами друг друга травили.

— Так вот оно что за вещества такие в Баджее, — протянул Бранирад. — Тогда тем более, надо покончить с этой сволочью.

— Узко мыслите, товарищи, — напустился на них Звонило. — Нельзя так. Нельзя нам ссориться с князем Махсоджаном. Он безусловный эксплуататор трудового крестьянства степи. Но нападение на его владения станет поводом для всей Великой степи. Махсоджан ведь ещё и религиозное лицо. А религия слишком сильна среди тёмных жителей степи. Другие князья забудут о своих разногласиях и ударят по нам все разом. Тем более что их

подталкивает к войне с нами котсуолдская аристократия. Им ведь мы поперёк горла!

— Сколько вы доводов приводите, — раздался голос от двери в штаб гарнизона, — только бы не воевать с Баджеем. А вы, товарищи, не думали, отчего так?

Все обернулись на голос. Этого человека мало кто видел своими глазами, но знали о нём почти всё. По фотокарточкам, висевшим в кабинете едва ли не каждого начальника стражей Революции. Всесильный руководитель стражи по всей граничащей с Великой степью территории, да ещё и с «особыми полномочиями». Он мог казнить и миловать по своему разумению кого угодно. Военных. Чиновников Народного правительства. Даже членов местных Конвентов. Его боялись все. От одного упоминания его имени дрожали многие, припоминая все грехи и грешки, реальные или надуманные или те поклёпы, что могли возвести на него враги или коллеги-карьеристы. Даже не само имя, а кличку, полученную после перехода на нелегальное положение. Имя же было забыто очень давно.

— Товарищ Гамаюн, — голос Звонило задрожал, — мне не докладывали...

— А я к вам без доклада, — усмехнулся тот, входя в штабную комнату. — Чай не генерал царский.

Он присел на свободный стул, кинул на стол перед собой кожаный картуз. Распахнул флотский китель, под которым шли полосы тельняшки. Он предпочитал одеваться именно так, а не в чёрную кожу. Только картуз с башенной короной отличал стража Революции от младшего командира воздушного флота Народного государства.

— Так ты мне не ответил, товарищ Звонило, — напомнил он старшему уполномоченному. — Что-то ты слишком громко звонишь об опасностях, Звонило. А молодое Народное государство многое пережило. И если кто ему сейчас грозит, то только гады, внутри засевшие.

Звонило, казалось, съёживался под взглядом бывшего матроса.

— А вы, товарищи командиры, — обратился Гамаюн к Бранираду с Дорогомыслом, — не засиделись ли в штабах? Давно в поле были? Как считаете, не пора уже покончить с баджейскими врагами народа?

— Да давно пора! — не удержался и треснул кулаком по столу Бранирад. — Вы это читали, товарищ Гамаюн? — Он протянул стражу Революции квитанцию радиограммы.

Тот принял её, быстро проглядел глазами.

— Читал уже. Такое мимо нас пройти не могло, сами знаете. Не маленькие, чай. Я, собственно, из-за этого к вам и пожаловал. Точнее к товарищу старшему уполномоченному Звониле. А вы, товарищи командиры, ступайте. С Баджеем надо покончить до конца этих суток.

— Есть! — вскинул руку в воинском салюте Бранирад.

Они с Дорогомыслом буквально выскочили из штаба. В комнате остались только Гамаюн и Звонило. И назвать их в этот момент товарищами язык бы ни у кого не повернулся.

— Сколько он платит тебе? — поинтересовался у Звонилы Гамаюн.

— К-кто? — неожиданно даже для себя начал заикаться старший уполномоченный.

— Князь Махсоджан.

В штаб вошёл неизменный спутник Гамаюна. Товарищ Гневомир. Хотя назвать товарищем этого высокого человека с подбритыми усиками на каком-то просто от природы благородном лице язык бы вряд ли у кого повернулся. За одно это лицо, как шутил его приятель и спутник, можно смело к стенке ставить. Такие только у врагов народа бывают.

Одевался он в новую форму, но без знаков различия. Лишь на фуражке красовалась башенная корона, как у всех командиров народной армии Урда. На поясе в кобуре висел крупнокалиберный котсуолдский револьвер. И бил из него Гневомир без промаха — это могли подтвердить те, кто был с ним на стрельбище или же другие, кто уже никому ничего никогда не скажут.

В этот момент старший уполномоченный Звонило понял, что жизнь его закончилась. Попадать в руки стражей Революции он не хотел. Звонило вскочил на ноги. Стул полетел в сторону Гамаюна, отправленный в полёт умелым пинком. А старший уполномоченный уже рвёт из кобуры свой револьвер. Товарищ Гневомир выхватил своё оружие — и какое-то мгновение неясно было, кто же выстрелит первым. Звониле всё-таки удалось опередить стража. Грянул выстрел. Пуля разворотила голову, затылок разлетелся тёмными брызгами. И старший уполномоченный Звонило рухнул к ногам подскочившего Гамаюна.

— Опередил меня, — покачал головой Гневомир. Это было для него едва не личным оскорблением. Значит, надо больше практиковаться с револьвером, сделал он для себя вывод.

— У него револьвер нейстрийский, — подошёл к трупу Звонины Гамаюн. Ударом ноги выбил из сведённых судорогой пальцев оружие. — Ствол у него короче. Вынимать — проще. Да и стрелял в упор, целиться не надо — не промажешь.

Гневомир только плечами пожал и спрятал свой револьвер. Заниматься больше всё равно стоит.

Над Баджеем вставало солнце. Отряд лёгкой кавалерии пограничной охраны конвоировал пилота разбившегося в степи лёгкого аэроплана. Князь Ерофеев докладывал о происшествии на лётном поле. Госпожа Олисава сетовала на второго постояльца, пропавшего, даже не попрощавшись. В банке рассматривали червонцы новой урдской чеканки.

И никто не знал, что для свободного Баджея шли последние часы. На город уже надвигалась Дештская особая дивизия под командованием Бранирада. Её укрепляли конные отряды ЧОНа, их вёл сам товарищ Дорогомьсл. Страж Пролетарской революции решил вспомнить лихое кавалерийское прошлое. Его всадники атаковали город с правого фланга. С левого же двигался автобронетанковый дивизион товарища Бронибора, которого, чтобы не спутать с начальником гарнизона называли просто Броня. Он прикрывал полк конной артиллерии, расквартированный на границе.

Бранирад снял с границы почти все подчиняющиеся ему части. Это было опасно. Соберись сейчас два-три других князя Великой степи, призови своих вассалов, вполне могли бы пройтись по областям Народного государства огнём и железом. Как в былые времена, пока их не успокоил товарищ Будиволна, прозванный местными князьями Красным волком. Он без страха водил свою конную армию в Великую степь, сжигая порой целые города. Науки Будиволны Красного волка, видимо, хватило надолго. Никто из соседей князя Махсоджана и не подумал вступить за Баджей. Хотя ясное дело, разведчики их не могли не видеть такую армию.

Товарищ Прилук — командир полка конной артиллерии — поставил свои орудия на высотах, с которых открывался отличный вид на весь город.

— Хорошая позиция для наших пушек, — усмехнулся он, дёрнув себя за висячий ус. — А ну-ка, ребята, не подведите. — Он погрозил своим людям внушительным кулаком. — Чтобы от их укреплений и памяти не осталось.

— Орудие готово, — доложил командир орудия. И следом будто плотину прорвало, доклады о готовности посыпались один за другим.

— По квадрату... — принялся выкрикивать команды Прилук, глядя на город. — Осколочными. Прицел... Залпом. Огонь!

Орудия полка ударили, как одно. Выплюнули свинцовую погибель на город. Снаряды разносили дома, несмотря на толстые стены. Обстрелу в первую очередь подверглись казармы княжеской гвардии и квартиры полков нового порядка, которые тренировали офицеры и унтера Добрармии.

Следом комполка перенёс прицел на позиции успевших укрепиться полков княжеской армии на северной окраине города. Те находились в полевых лагерях и, как только узнали о нападении на город, выдвинулись на защиту ускоренным маршем. Они опередили надвигающуюся дивизию Бранирада меньше чем на час. У княжеских солдат были хорошие учителя. Они успели окопаться, выставить пулемёты, даже пару орудий поставили. Хотя офицерам-добровольцам было понятно — против такой силищи, что прёт на них, им не устоять. Но они не ушли.

— Достаточно бегали! — выкрикнул капитан Рылей. — Пора остановиться!

— Верно! — поддержал его боевой товарищ, обер-поручик Пирогост. Вместе они сражались во время войны, вместе дрались с народниками после переворота, вместе уходили за границу с Адмиралом. Разбитые, но не смирившиеся с поражением. — Встаем тут и погубнем. Стоять тут все, кому дорога честь офицера!

А следом на их головы обрушились снаряды артполка товарища Прилука. От них не спасали окопы с брустверами, вырытые старательными баджейцами в спёкшейся от солнца и жары земле. Осколки косили солдат в котсуолдской форме. Они валились друг на друга. В разные стороны летели оторванные головы и конечности.

Капитан Рылей сполз по краю разбитого окопа. Он истекал кровью из множества ран, нанесённых осколками. Обер-поручику Пирогосту, можно сказать, повезло. Он попал под снаряд — от него не осталось ничего, кроме памяти и кровавого обрывка гимнастёрки с крестом за боевые заслуги.

Кавалерия и чоновцы под предводительством товарища Дорогомысла ворвались в нищие пригороды Баджея. Среди ветхих лачуг неслись всадники с саблями в руках и карабинами за спиной. Они вылетели на небольшую полосу пыльной земли, отделявшую пригород от, собственно, Баджея. Там их ждала лёгкая кавалерия князя.

Их казармы были в другой части города — той, что не подверглась обстрелу орудий товарища Прилука. И потому они выехали навстречу врагу. Они не носили форму нового образца, отдавая предпочтение родовым халатам и металлическим шлемам, украшенным семейным орнаментом. Их и учить-то офицерам Добрармии было нечему. В седле гвардейцы держались с детства. Рубиться умели отлично. Из карабина на спор сбивали муху со свечи. Зачем им ещё какие-то учителя?

И вот сейчас они столкнулись с конницей народников и чоновцами. Те выехали навстречу гвардейцам из кривых переулков пригорода. Выстроились ровными шеренгами. Чоновцы — слева. Народная кавалерия в неизменных богатырках — справа. Гвардейцы послали коней в галоп. Вскинули карабины. Народные кавалеристы и чоновцы ответили тем же. Но выстрелов было мало. Палили только бойцы первых рядов. Остальные просто не видали врагов за прыгающими спинами товарищей. Немногие оказались выбиты из седла. Ещё меньше лошадей полетели в пыль. Кони денег стоят — их можно после боя продать за

очень неплохие деньги.

Сшиблись двумя волнами, налетевшими друг на друга. Ударили грудью в грудь! И зазвенела сталь сабель. Она жаждала напитаться горячей, разогретой солнцем и схваткой, крови. Кривятся лица. От ярости. От ненависти к врагу. От боли. И непонятно, кто же возьмёт верх.

Волны накатываются друг на друга — и разбегаются обратно, оставляя на земле трупы. Пыль давно уже превратилась в багровую грязь. Её месили копыта коней, порой растаптывая мёртвых, а то и раненых.

Но эти периоды становились всё короче. Ярость кипела в крови гвардейцев. Ярость толкала в новые и новые жестокие сшибки народных кавалеристов и чоновцев. Иззубренные клинки сабель жадными глотками пили кровь. Она лилась на родовые халаты. На рукава кожаных курток и лёгких гимнастёрок. На лошадиные шеи. От неё становились скользкими уздечки и рукоятки сабель.

Чья бы взяла, неизвестно. Но всё решила пулемётная рота товарища Рогдая. Они поставили свои пулемёты на крыши лачуг пригорода. Точнее даже в развалины, глубоко заходящие на территорию, отделяющую пригород от города. Поставив пулемёты на остатки разбитых глиняных стен, они накрыли гвардейцев продольным огнём с фланга.

Пули косили конных гвардейцев. Жалили будто смертоносные осы. Не щадили ни людей, ни коней. Пулемётчикам ведь было всё равно, каких денег они стоят. Всё равно, им скакуны не достанутся точно. Гвардейцы сыпались с сёдел, словно горох. Конные народники и чоновцы откатились от них, чтобы не попасть под огонь своих же товарищей.

Но вот длинные очереди смолкли — и они снова накнулись на расстрелянных гвардейцев. Те попятились. Отбивались саблями. Однако могли только умереть с честью. Честью, достойной княжеских гвардейцев. И они умерли. Все до единого. Никто не сбежал. Никто не бросил оружия. Последний гвардеец дрался сломанной саблей, но на коне. Выбить его из седла никому не удалось. Он успел зарубить двоих народных кавалеристов. Но чоновец налетел на него сбоку. Отбил саблю в сторону — и широко рубанул. Клинок сабли буквально вскрыл гвардейцу грудь. Не спасла даже выручавшая не раз прочная кольчуга тонкой работы, надетая под халат. Она разлетелась серебристыми кольцами. Рукоять сломанной сабли вывернулась из слабеющих пальцев. Гвардеец откинулся на спину, но не вывалился из седла.

А вокруг него гарцевали на разгорячённых конях конные бойцы в богатырках и чоновцы в кожаных картузах. Они устало опускали оружие. С изогнутых клинков сабель и пашек обильно капала кровь.

Но вот прозвучали команды. Короткий отдых закончен. Предстоит ещё очень много тяжёлой и кровавой работы на улицах Баджея.

А в городе уже царил паника. Начинались первые уличные бои. Дрались за каждую улицу. За каждый дом. Против народников и чоновцев вставали не только остатки разгромленной гвардии и каким-то чудом уцелевшие под обстрелом артиллерии солдаты, державшие оборону на подступах к городу. Баджей был просто наводнён оружием — едва ли не у каждого жителя имелся длинный нож, сабля, а то и пистолет или обрез. А уж преступный элемент даже несколько списанных пулемётов прикарманить умудрился, как выяснилось. И всё это теперь пошло в дело против наступающих народных войск.

Слишком уж хорошо помнили «адские колонны командарма Будиволны». Понимали, народники и чоновцы пройдутся беспощадным катком по городу, не щадя ни правых, ни

виноватых. Раз уж пришли — значит, виноватыми считают всех.

Буквально из каждого окна в Баджее палили по наступающим по улицам бойцам. С крыш били редкие пулемёты. Но урон они наносили весьма значительный. Но остановить наступающую на город дивизию уже ничто не могло. В оконные проёмы летели гранаты. Засевших пулемётчиков расстреливали танки товарища Брони. Во все стороны летели куски стен и черепицы. Иногда накрывало и своих, но на это никто не обращал внимания. Бой — тут всякое бывает.

Так, медленно, но верно, дивизия Бранирада, поддержанная с флангов кавалерией и танками, подходила к штаб-квартире Директории и резиденции самого Адмирала. Князя Махсоджана в городе не было уже несколько дней. Он отбыл по каким-то загадочным сакральным делам, связанным с его саном. Да и не был, в общем-то, владетель Баджея целью атаки на его родной город. Всем нужен был только Адмирал — правитель Урда в изгнании.

— Господин Адмирал, — обратился к правителю в изгнании котсуолдский советник мистер Джарнот, — вам надо покинуть резиденцию. Мой аэроплан в вашем полном распоряжении. Он легко вывезет нас отсюда.

— Нет-нет-нет, — замотал головой Адмирал. Зрачки его были сильно расширены. Пальцы не останавливались ни на мгновение. — Я не могу уехать сейчас. Мы ведём сражение с народниками. Это наш шанс. Эти косорылые станут первыми... От них пойдёт всё... Нет. Нельзя. — Он принялся шарить по столу перед собой. Глаза его забегали, как будто он искал нечто очень важное. — Мой несессер, — поднял взгляд на Джарнота Адмирал. — Вы не видели мой несессер?

Наркоман, — сделал для себя вывод мистер Джарнот. — Чёртов наркоман. И для чего он понадобился нашему Кабинету? Конченный же человек, по большому счёту. Не кокаинист, а уже морфий колет себе, не иначе. Раз несессер ищет.

— Возьмите мой, — предложил, несмотря на свои мысли котсуолдский советник, — он в аэроплане лежит. Мы вместе покинем город. Ваша служба пригодится Котсуолду.

— Я служу только Урду! — выпренно заявил Адмирал, неосознанно выпрямляясь, будто выступал на людях.

И тут распахнулись двери. В комнату, где котсуолдский советник препирался с Адмиралом быстрым шагом вошли пять офицеров в грязной и рваной форме. У всех в руках револьверы.

— Как вас понимать, господа? — обернулся к ним Адмирал.

— Вы арестованы, — выпалил, будто в омут головой ринулся, старший по званию из вошедших. — Сдайте оружие.

— Вы что творите, господа офицеры? — вспыхнул Адмирал. — В своём ли вы уме?

— Мы-то в своём, — усмехнулся другой, делая приглашающий жест револьвером. — А вы всё-таки оружие сдайте. И вы, мистер котсуолдский советник, тоже.

— Конечно, — усмехнулся Джарнот. Он медленно достал свой длинноствольный револьвер, а следом каким-то змеиным движением навёл его на офицеров. Один за другим грянули пять выстрелов. Воздух в комнате наполнился пороховым дымом. Стрелял котсуолдский советник с невероятной быстротой. Будто заокеанский погонщик скота. Те славятся больше своим умением обращаться с оружием, нежели со стадами животных.

Офицеры закачались. У каждого напротив сердца зияла дыра. Выходные отверстия в спинах были просто чудовищных размеров. Они повалились друг на друга. Загремели о пол паркета их револьверы.

— Вот видите, — с напором произнёс Джарнот. — Даже ваши люди готовы отказаться от вас. Адмирал, вы слишком ценны. Вы должны покинуть этот город вместе со мной.

Всё ещё пребывающий в какой-то прострации Адмирал только и смог кивнуть ему в ответ. Мистеру Джарноту пришлось его едва ли не за руку выводить из комнаты. Они поднялись по неприметной лестнице на крышу здания. Там их уже ждал трёхместный аэроплан-безразгонник.

Пилот его в кожаном плаще и шлеме заметно нервничал. Ведь уличные бои шли уже в непосредственной близости от резиденции Директории.

— Заводи мотор, — бросил ему Джарнот на котсуолдском. — Мы улетаем!

Он усадил Адмирала в кабину. Забрался туда сам. Хлопнул по плечу летуна, возившегося с рычагами аэроплана.

— Я делаю, что могу, — не оборачиваясь, бросил через плечо тот. — Но птичка новенькая, капризная. Поверьте, мистер Джарнот, я хочу улететь отсюда как можно скорее, не меньше вашего.

Болтая, летун продолжал работать. И вот двигатель аэроплана завёлся. Антиграв поднял машину на десяток дюймов над крышей резиденции. Не прошло и пары минут, как безразгонник по крутой дуге ушёл в небо. По нему с земли палили из винтовок и даже дали пару пулёмётных очередей. Но остановить его, конечно же, не могли. Котсуолдцы увозили Адмирала, спасая ему жизнь. И в этот момент ещё никто, даже мистер Джарнот, не мог сказать — с какой целью.

Не прошло и четверти часа, как в резиденцию Директории ворвались народники и чоновцы. Они обыскали всё здание. Буквально перетряхнули его от подвала до крыши. Но никаких следов Адмирала не нашли. Лишь трупы застреленных офицеров в зале с длинным столом.

— Значит, всё-таки на яроплане утёк, паскудина! — стукнул окровавленным кулаком по столешнице Бранирад. — Как знал ведь, что надо было наши поднимать в воздух!

— Задним умом все мы крепки, — заметил менее эмоциональный Дорогомысл. — Кто же знал, что у них прямо тут аэроплан найдётся? О лётном поле-то броневики позаботились.

Товарищ Броня выделил автороту, укомплектованную колёсными броневиками, чтобы как можно скорее покончить с аэропланами добровольцев. Те могли нанести немалый урон народным войскам. Со своей задачей броневики справились отлично. Лётное поле было захвачено в меньше чем за час. Готовые обороняться от налётов вражеской авиации, летуны оказались совершенно беззащитны против быстрого и сокрушительного удара с земли. Обороняющую лётное поле роту солдат из урдцев буквально смели. А сами летуны, не успевшие добраться до машин, стали лёгкой добычей для народников. Лишь один, самый отважный или отчаянно бесшабашный, бросился к здоровенному бронированному безразгоннику «Носорог», над которым работали до самого происшествия. Эта махина вполне могла если не переломить ситуацию, то хотя бы помочь спастись летунам, что оказались просто заперты в хлипких зданиях служб. Но безумца — или храбреца — срезали одной меткой очередью. Разорванный почти надвое он рухнул в пыль, не добежав до «Носорога».

— Может, стоит наших летунов всё-таки поднять с аэродрома? — спросил у товарища Бранирад. — Вдруг догонят? Или найдут.

— Небо — не степь, — пожал плечами Дорогомысл, — там следов не отыщешь.

Догнать же новенький котсуолдский безразгонник надежд не было никаких. Это, даже

сугубо земной житель Бранирад, понимал отлично.

— Слушай, товарищ Дорогомысл, — вспомнил командир Дештского гарнизона, — а вещества-то искать надо. Те, из-за которых всю эту кашу заварили.

— Мои люди нашли уже, — заявил тот. — Там дом огороженный. Вокруг него охрана сильная. Даже пулемёт в воротах поставили. А дом тот необычный оказался, конечно же. У него под землёй этажей даже больше, чем над ней. Там будто больница какая-то. Вот только явно не лечили в той больнице людей. Совсем не лечили. Доктора, что там были, разбежались, но кое-кого мы поймать сумели. Ну и вещества тоже захватили.

— Их надо уничтожить, — сказал, как отрезал, Бранирад. Даже ребром ладони по столу рубанул, будто шашкой. — И докторов этих. И вещества. А дом — взорвать. Чтобы и развалин не осталось.

— Динамит мы уже со всего города свозим, — ответил ему Дорогомысл. — Мои ребята без приказа начали. И знаешь что, Бранирад? Вот они мне порассказали немного, что увидели в том доме. А сам я этого видеть не хочу. Совсем не хочу. Страшно мне, Бранирад. Никогда, вишь ты, ничего не боялся, а тут — боюсь. Слов мне одних хватило.

— Ну, значит, и не на что там глядеть, — пожал плечами впечатлённый Бранирад. — Подорвём всё к чёртовой бабушке — и дело с концом.

Силён князь Махсоджан. Высок и строен. Крепок телом и духом. Красив князь Махсоджан. И лицом — не одна дева пала пред его красотой. И платьем. Одет князь Махсоджан в расшитый затейливым узором халат. На голове шапка, отороченная дорогим мехом. Подпоясан широким кушаком. На кожаном ремне сабля в ножнах и револьвер в кобуре. И владеет ими Махсоджан отлично. Ведь князь в своём уделе — первый воин.

Не гневлив князь Махсоджан, как и должно служителю культа предков. Но только сейчас ближе всего он к тому, чтобы разгневаться по-настоящему. Сжал обеими руками плётку, едва не сломал.

Город его, вотчина предков, лежит в руинах. Оборванцы в драных халатах бродят среди них. И не понять, кто это — достойные и уважаемые люди или же нищие. Сейчас одни не отличались от других. Все сегодня потеряли всё. И князь исключением не был.

Он вернулся лишь для того, чтобы обнаружить вместо дома руины.

Окружавшие его советники и спутники по духовному путешествию в Города почивших старались держаться от князя подальше. Понимали, сейчас князя лучше не донимать ни словом, ни делом.

Однако были и те, кто решился-таки отвлечь князя Махсоджана от горестных дум. Эти люди присоединились к кортежу князя утром этого дня. Они были родом из далёкой страны Блицкриг, и носили одежду вроде той, в какую были одеты офицеры, обучавшие солдат в армии князя. Только их форма была серой или чёрной. Лишь один одевался не как военный. Он был бледен, глаза лихорадочно горели. Именно он принёс чёрную весть о гибели Баджея.

Князь не поверил человеку с лихорадочным взором. Однако велел гнать коней во весь опор. Но приехал уже на руины. Даже проклятая небом армия народников уже покинула ближние окрестности города. Можно было видеть лишь её следы.

— Ваше святейшество, — подошёл к князю тот самый бледный человек в гражданском костюме, — мне очень неприятно прерывать вашу скорбь...

— Но ты её уже прервал, — отрезал князь, отлично изъяснявшийся на дилеанском, правда, без характерного блицкриговского выговора. С ним говорили гости князя и тот бледный, что подошёл к нему.

Сами гости маячили за спиной гражданского. Это было весьма странно. Особенно если учесть необычайную спесь именно блицкриговских военных.

— Я приношу свои самые глубочайшие извинения вашему святейшеству, — продолжал, как ни в чём не бывало, бледный. Глядел при этом почтительно — на третью пуговицу халата князя Махсоджана. — Но прошу у вас дозволения сказать вам нечто.

— Что же ты хочешь такое сказать мне? — поинтересовался князь, недвусмысленно указывая плёткой на всё ещё дымящийся Баджей. Мол, какие ещё вести ты можешь принести мне?

— Нижайше прошу вас, светлейший князь, — и вправду ещё сильнее согнул спину в поклоне бледный. — В подвале одного здания находится некий материал. Он очень нужен нам, вашим верным союзникам.

— Забирайте, — махнул рукой с плетью Махсоджан. — Но что вы готовы дать взамен этого материала?

— Нашу всемерную поддержку в грядущей войне с Урдом, — ответил бледный, приложив ладони к сердцу.

— У меня не осталось армии для войны с проклятыми народниками из Дешта, — отрезал князь Махсоджан. — Мне нечем воевать с ними.

— Наша армия станет вашей, светлейший князь, — выступил из-за спины бледного старший по званию военный. Настоящий блицкриговский офицер. В идеально подогнанном сером мундире. С внушительной колодкой орденов, среди которых есть и имперские, полученные за прошлую войну. Фуражка — на сгибе локтя. Спина — идеально прямая, будто позвоночник не гнётся совсем. — Фельдмаршал Реборг Онгемунд. — Он намерено не назвал свой титул, потому что тоже был рейхсграфом — графом Империи, тем же князем, как и многие высшие военные чины Блицкрига. Не хотел ставить себя на один уровень с Махсоджаном. — Командир группы армий Степь. С вашего милостивого разрешения я готов привести войска моей группы армий в боевую готовность. Не пройдет и недели, как Дешт падёт. — Моложавый фельдмаршал лихим движением провёл по шикарным усам.

— Урдцы Адмирала обещали мне помощь, — как будто невпопад произнёс князь Махсоджан, — но я получил только горстку командиров, что учили моих солдат. Я желаю сам видеть ту армию, что ты предлагаешь мне, фельдмаршал Реборг Онгемунд.

— Мы можем отправиться в расположение моей группы армий сейчас же, — щёлкнул каблуками блицкриговец. — К вечеру мы будем на месте.

Князь сделал выразительный жест плёткой. Пара конюхов подвела ему великолепного скакуна с золотой уздой и красным седлом. Князь вскочил на него.

— Едем, — бросил блицкриговцу сверху вниз.

Никто, казалось, не заметил ярости фельдмаршала. Побелевшие костяшки пальцев, крепко стиснувших стек, скрыли кожаные перчатки. А дерево тросточки выдержало этот напор.

Вечером того же дня фельдмаршал сидел в своей личной палатке. Она была обставлена в духе провозглашаемой в Блицкриге доктрины минимализма. Никакой ненужной роскоши. На войне она только отвлекает командующего. Кровать, несколько стульев да рабочий стол. Всё недорогое и складное, чтобы удобнее было транспортировать. Это составляло контраст с полным роскоши шатром князя. Тот возводили десяток человек. А на площади, занимаемой им, можно разместить роту солдат. Вышедший оттуда не далее как четверть часа назад, фельдмаршал был поражён необычайной роскошью, царившей внутри. Ковры на полу.

Отнюдь не складная мебель. Переносной трон. Груды подушек по углам. Сундуки — закрытые и открытые. Украшенное драгоценностями оружие на стенах. Князь явно не привык себя ни в чём ограничивать. А ведь он владеет всего одним жалким городишком, теперь уже разрушенным народниками. Во владениях рейхсграфа Онгемунда могли разместиться десяток баджеев, но он никогда не позволял себе ничего подобного. И потому презирал князя Махсоджана за всю его тягу к небывалой роскоши.

Однако сейчас Онгемунд думал совсем не о князе Махсоджане. Мысли его занимал собеседник с невероятно бледным лицом. Он примчался в расположение группы армий Степь, расквартированной на южной границе с Народным государством Урд, и тут же потребовал встречи с самим фельдмаршалом. И его пропустили. У него оказались просто железобетонные документы. Подписанные самим генерал-кайзером Блицкрига.

— Значит, — вздохнул Онгемунд, — мы всё-таки ввязываемся в войну с Урдом. Но вы можете сказать мне, фельдмаршалу, которому завтра вести солдат в бой, для чего? Зачем нам вступать в войну с Народным государством? Войну на два фронта.

— Вы ведь помните, фельдмаршал, — усмехнулся бледный человек в гражданском костюме, — о некоем материале, который нужен нам. Война с Урдом затевается именно ради него. Он нужен нам для изготовления нового вида оружия. Оно в краткие сроки поможет нам выиграть войну.

— Но Урд-то тут при чём? — продолжал задавать неудобные вопросы Онгемунд.

— А на ком нам его испытывать, — развёл руками бледный, — как ни на урдцах. Их ведь за полноценных людей мало кто считает на западе. Так что никто не станет возражать против испытаний. Даже среди союзников Урда. Кого волнуют потери народников? И вот когда мы доведём это оружие до совершенства на урдском фронте, мы обрушим всю его мощь на Дилеанскую империю. И сокрушим её одним ударом.

Он даже прихлопнул кулаком по раскрытой ладони.

— Вы всё ещё предпочитаете называться плебейским именем? — поинтересовался рейхсграф у своего племянника, предпочетшего карьеру разведчика неизменной в их роду карьере офицера пехоты.

— Я уже привык к имени Вадхильд, — пожал плечами шпион. — Столько лет с ним прожил.

— Ты только не забывай, — строго наставительно произнёс рейхсграф Онгемунд, — что ты отпрыск старинного рода рейхсграфов Онгемунд. И станешь наследником всех наших владений.

А вот это шпиона интересовало меньше всего. Как и родовое имя, которое он на самом деле уже начал подзабывать. Сейчас его длительная, многоходовая операция вступала в решающую фазу. И от этого будто ток по коже бежал. Он сделал всё, что мог, теперь слишком многое зависело от других. Это Вадхильд очень не любил. Но до поры ему в операции, им же и разработанной, отводилась роль пассивного наблюдателя. Действовать предстояло другим.

И начнётся всё с вроде бы бессмысленной войны с Народным государством Урд. Войны на два фронта.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Атака мертвецов

Камера. Размером два на четыре метра. Посередине стул. Он крепко привинчен к полу, так чтобы допрашиваемый не превратил его в оружие. Связывать меня не стали. Просто усадили на него и ушли. Два неразговорчивых конвоира. Те, кому меня буквально с рук на руки передали нашедшие меня недалеко от разбитого аэроплана урдские пограничники.

— Вот это ты вооружен, нарушитель, — усмехнулся тогда командир разъезда лёгкой кавалерии. — Всех нас перестрелять мог бы.

Я ничего не стал ему отвечать. У меня забрали мой револьвер, с которым я не расставался ещё с войны. А потом и здоровенный пистолет с котсуолдским револьвером, что я взял у мёртвого Вадхильда. Я расставался с оружием легко. Ведь если уже распрощался с жизнью, то, как говорится, по волосам плакать поздно.

Меня доставили на ближайшую заставу, а оттуда в кузове грузовика под охраной твоих бойцов переправили в Дешт. Там определили почему-то на гарнизонную гауптвахту, а не в обычную тюрьму. Интересно, кем меня считали здешние народники. Может, баджейцем, успевшим сбежать до атаки.

Впрочем, судя по тому, что меня водворили в допросную камеру, ждать осталось недолго.

Представившийся стражем Пролетарской революции и следователем по некоему «моему делу» человек больше напоминал матроса. В кителе, под которым неизменная полосатая тельняшка. На голове — бескозырка с шитой золотом надписью «Орёл». На поясе висит деревянная кобура, кажется, такие были у здоровенных пистолетов, какие предпочитал Вадхильд.

— Гамаюн, — представился он, снимая бескозырку. Но понял, что положить её в камере некуда — не на пол же кидать — и, помяв, водрузил обратно на голову. — А вас как величать?

— Можно Готлиндом, — пожал плечами я, поднимаясь. Как-то неудобно было разговаривать сидя со стоящим человеком. Тем более, что этот самый Гамаюн был выше меня на полголовы. — Так мама с папой звали.

— Вот и славно, — кивнул Гамаюн. — Да ты садись, Готлинд, садись. Разговор у нас долгий будет.

Я воздержался от вопроса — о чём будет этот долгий разговор. Можно было нарваться на казённую фразу: «Вопросы тут задаю я»; хотя мне почему-то казалось, что вряд ли я услышал бы её от Гамаюна. Не такой он человек. Вообще, странно, как он оказался в стражах. Ещё бы в ЧОНе — это было бы понятно, но в стражах...

— Поговорить мы будем вот о чём, — сказал Гамаюн. — Кто ты такой будешь, а, гражданин Готлинд? Совсем с тобой всё непонятно. Откуда ты взялся? Куда летел на своём аэроплане? Кто его прострелил тебе?

Сколько вопросов. И как на них ответить. Конечно же, сложнее всего будет отвечать на самый первый. Остальные намного проще. Хотя вся моя авантюра словно сошла со страниц дешёвого приключенческого романа. А ведь мне, как и героям подобных романчиков, удалось выжить каким-то чудом. Или невероятным стечением обстоятельств.

Оказавшись на пороге домика, я глубоко вздохнул — и ударом ноги вышиб хлипкую деревянную дверцу. Радист, сидевший внутри него, удивлённо обернулся ко мне. Увидев на

пороге человека с парой револьверов в руках, радист, к его чести отреагировал быстро. Но недостаточно. Он ещё только тянулся к кобуре, а я уже сделал шаг к нему — и приставил ствол револьвера к шее. Ногой захлопнул дверь, чтобы не болталась.

— Медленно вынимай оружие, — тихим, но достаточно убедительным тоном произнёс я, — и кидай его в угол.

Радист явно героем становиться не стремился. Собственно, я его отлично понимал. Как-то пересматриваешь свои взгляды на жизнь, когда в шею тебе уткнулся ствол револьвера. Он выбросил свой револьвер. Тот стукнулся о деревянный пол и отлетел в угол небольшого помещения.

— А теперь передавай то, что я тебе говорю. Хочешь жить, передавай.

— Куда передавать? — поинтересовался тот.

— Народникам, — ответил я. — На ближайшую их радиостанцию.

Радист вскинулся было, но я сильнее упёр ствол револьвера ему в шею. Он отвернулся. Но мне показалось, что я слышу, как он скрипит зубами. Он недолго искал нужную частоту. Покрутив ручки, быстро кивнул мне.

— Уничтожить Баджей, — принялся диктовать я радисту. Тот передавал. — Немедленно уничтожить Баджей. Большие запасы психотропных веществ. Немедленно уничтожить Баджей. Угроза для всего Народного государства. Повтори трижды. Понял меня? Трижды. — Радист послушно повторил. — И моли бога, чтобы народники пришли.

— Это ещё почему? — не оборачиваясь, злобно спросил у меня радист.

— Дай-то бог, — что-то часто я стал вспоминать о боге, — тебе об этом никогда не узнать.

И ударил радиста рукояткой револьвера по голове. Тот дёрнулся и свалился со своего стула. Ещё двумя ударами я разбил радиостанцию. Надеюсь, что испортил её надёжно.

А вот теперь для меня встала во весь рост проблема. Что же делать дальше? Я ведь не думал об этом. Совсем не думал.

Сдаваться офицерам Добрармии у меня желания не было. Значит, остаётся только одно — продолжать эту безумную авантюру. А из окна на меня так призывно глядели аэропланы. Всё-таки небо — моя стихия. Если уж гибнуть, то как положено летуну, в небе!

— Значит, ты ту радиограмму нам передал, — потёр внушительный подбородок Гамаюн. — А ведь не врёшь, наверное. Текст слово в слово повторил. И вещества эти, будь они неладны. И что три раза передано. И кто же такой выходишь, гражданин Готлинд? Спаситель Народного государства. А может, шпион очень хитрый? Может, кончил ты настоящего спасителя и сейчас под его видом к нам прокрасться желаешь?

— Может и так, — пожал плечами я. — Ведь, всё равно, я не смогу одними словами доказать вам, гражданин Гамаюн.

— А ты здесь не для того, чтобы мне что-то доказывать, гражданин Готлинд. Я тебе не царёва охранка, чтобы допрашивать. Пойми, я — представитель новой, народной, власти. И караем мы только врагов нашего государства и народа.

— Так для чего же я тут? Если не доказывать свою невиновность перед народной властью.

— А для того, гражданин Готлинд, — Гамаюн хлопнул кулаком по раскрытой ладони, — чтобы выяснить, что же такое произошло в Баджее? Для чего тебе надо уничтожать его? Понять мы должны, в толк возьми, что не могу я тебя просто так взять — и к стенке поставить. Разобраться я должен, что ты за птица. И если враг, то — к стенке

поставить. А если нет, то — гуляй на все четыре стороны.

Что я мог на это сказать. Пожелать удачи в его разбирательстве разве что.

— Вот ты мне скажи, гражданин Готлинд, — вновь насел на меня Гамаюн, — как же тебе удрать с лётного поля удалось? Там ведь солдат полно. И вашего брата летуна — тоже.

— Немало, — кивнул я. — Но наглость, гражданин Гамаюн, иногда помогает намного лучше любой конспирации.

Я шагал по лётному полю, будто по родному огороду. Отвечал на приветствия попадавшихся летунов, которые не знали меня. Механики тоже приняли меня за своего. Хотя никто в лицо меня не знал.

— Готов аэроплан? — спросил я, нетерпеливо похлопывая ладонью по бедру и указывая на первую попавшуюся машину.

— Так точно! — вытянулся передо мной старший механик. — Полностью заправлена. Только без патронов.

— Они мне и не нужны, — отмахнулся я, направляясь к весьма удачно выбранной машине.

— А, прощения просим, ваше разрешение на взлёт? — поинтересовался механик. — И полётную карту можно?

Видимо, не так прост он был, как хотел показаться.

— Сейчас, конечно, — кивнул я, засовывая руку в сумку, где лежало оружие. — Жара всё проклятая. — Левой рукой я потёр вспотевший лоб. — Тут имя своё забудешь, не то что бумажки эти.

— Понимаем, — покивал в ответ старший механик с самым внимательным видом. Однако по его едва заметному жесту некоторые механики начали обступать меня. Двое весьма грамотно отрезали путь к аэроплану.

Выходит, эти ребята тут ещё и охраной машин заведовали. Умно. Ведь охранников от настоящих механиков с первого взгляда не отличить. А при оружии на лётном поле принято ходить всем.

Я выхватил из сумки котсуолдский револьвер. Первая пуля досталась старшему механику. Того отбросило на несколько шагов. Я развернулся — и всадил почти весь барабан в отрезающих меня от аэроплана механиков. Те успели достать свои револьверы, но я всё-таки опередил их. И бросился со всех ног к машине.

Мне в спину несколько раз выстрелили, но ни одна пуля не попала. Стрелять в ответ я не стал. Сразу запрыгнул в кабину, пожалев о том, что он не заправлен патронами. Мне не хотелось расстреливать людей на земле, как в том комплексе на Урдском севере. Однако вслед за мной вполне могли взлететь другие аэропланы — и тогда мне предстоял воздушный бой. В котором я оказался безоружным.

Однако сбили меня с земли. И даже не зенитчик, стоявший на вышке с пулемётом. Побежавшие вслед за моим аэропланом солдаты принялись палить из винтовок. Пули застучали по дереву корпуса. Ни одна из них не задела меня самого, а вот двигателю аэроплана всё же досталось. Он заискрился. Брызнул смазкой, обжигая мне лицо и руки. Я пожалел, что не надел маску и очки. Всё-таки стоило это сделать.

Я потянул штурвал на себя — до упора. Аэроплан задрал нос, пошёл вверх. Дал полный газ. Двигатель аэроплана заработал на всех оборотах. Горячая смазка струёй ударила мне в глаза. Выругавшись сквозь зубы, я стирал её с лица. Смагивал с ресниц. Пальцами тёр глаза. Их отчаянно жгло. Хотелось зажмуриться. Тем более, что в лицо мне светило солнце. От

бликов его было больно смотреть.

И всё-таки я тянул аэроплан вверх и вперёд. Внизу простучали несколько длинных очередей. Пули врезались в корпус. Жалили аэроплан, будто злобные осы. Он покачнулся. Вряд ли мне удастся долго держаться на крыле. Теперь надо не дать ему скапотировать. Посадка будет жёсткой, но во время войны бывало и хуже. Степь подо мной ровная, будто стол. Значит, сажать машину будет проще, чем на крошечный аэродром, затерянный в глухих лесах на границе между Империей и Нейстрией.

— Значит, вот оно как было, — снова снял бескозырку Гамаюн. Помял мощными пальцами. Водрузил обратно на стриженую голову. — Да уж... Вот чего я в толк не могу взять. Никакой шпион ничего подобного придумать не станет. Слишком уж оно как-то, — он сделал неопределённый жест, — неправдоподобно.

— Другой истории у меня нет, — пожал плечами я. — Хотите, верьте — хотите, нет. Но дело было именно так.

— Ох и задал ты задачку, гражданин Готлинд!

Мне показалось, что сейчас Гамаюн театрально заломит руки и схватится за голову. Но нет. Страж Революции только сделал широкий шаг. Едва не ткнулся лбом в стену. Стукнул-таки по ней кулаком.

— Хватит бушевать, товарищ Гамаюн, — в камеру вошёл, как-то незаметно для меня, второй страж. Этот скорее напоминал баджейского офицера. В отлично сидящей форме, правда, без фуражки. В кожаной кобуре на поясе котсуолдский револьвер. В правой руке тонкая папка с несколькими листками сероватой бумаги. — Я тут на нашего арестанта собрал сведения. И они весьма любопытны.

В этот момент я понял, что никакого чудесного спасения не получилось. Та самая стенка, о которой столько толковали в Урде, стала очень близка ко мне.

Хотя всё, конечно, зависит от того, что именно за информация содержится в папке, которую держит в руках второй страж Революции. Но настроение у меня, всё равно, было весьма мрачное. Чудеса закончились. Начались тяжёлые и неприятные будни. И закончатся они, видимо, скоро. Пулей в лоб у пресловутой стенки.

— Значит так, гражданин Готлинд, — не представившийся страж Революции открыл свою папку. — Личность ваша установлена. Вы именно инспектор Готлинд. Родом из Дилеанской империи. В начале этого года получили урдское гражданство. Для чего?

— Чтобы не попасть под призыв в армию Дилеанской империи, — честно ответил я, — и не отправиться снова на войну.

— Не хотели защищать родину? — быстро спросил страж.

— Так ведь и правильно, — не дал мне ответить Гамаюн. — Это война грабительская. И всякий сознательный человек не должен в ней участвовать.

Я решил, что отвечать мне теперь не обязательно. Несколько раздосадованный вмешательством товарища страж снова заглянул в папку.

— Работали хорошо. Отмечены руководством. Командованием усть-илимского гарнизона. Даже нашим управлением. Представлены к ордену Военных заслуг за действия при обороне маслозавода.

— Вот какой положительный человек выходит! — снова воскликнул Гамаюн.

— Возможно, возможно, — перевернул пару листков страж. — Но вот потом начинаются странности. Вот рапорт товарища Вышемира — нашего коллеги на Севере. Он пишет, что привлекает бывшего инспектора Готлинда к некой операции на засекреченном

объекте. Мне, кстати, так и не удалось добиться никаких сведений об этом объекте, — заметил, оторвавшись от папки, страж, выжидательно поглядел на меня. Я только плечами пожал. — И после этого никаких сведений нет. Вообще. Как будто пропал бывший инспектор Готлинд в небе над Севером. Вместе с товарищем Вышемиром и его особым отрядом. А теперь тот же самый бывший инспектор Готлинд появляется здесь, на границе с Великой степью.

Пока он говорил, я пытался выстроить логичную и более-менее правдоподобную версию событий. Возможно, она уберёжет меня от стенки. Я ведь, как ни крути, пусть и по принуждению, но совершил преступление против Народного государства, давшего мне приют и своё гражданство. При вторжении в совершенно секретный комплекс я расстрелял несколько десятков бойцов народной армии. Но все мои «логичные и правдоподобные» были полны дыр, в которые можно было протащить даже пресловутый суперлинкор «Вергельтунг».

И тут я вспомнил слова Гамаюна. Насчёт того, что никакой шпион не стал бы придумывать нечто столь невероятное, как то, о чём я рассказал.

Да в общем-то, что я теряю, в конце-то концов. И меня как будто прорвало. Я говорил правду. Про Вышерада, комплекс, имперского шпиона Вадхильда, наш налёт и побег. Про Вепра и его правую руку чудовищного Избыгнева. Полёт через весь Урд на «Носороге» до самого Баджея. Про чудовищные эксперименты над людьми при помощи психотропных веществ и планы Адмирала насчёт всего урдского народа. Не умолчал даже о ссоре с Вадхильдом и том, как я застрелил его.

— Ну ты и накрутил, бывший инспектор Готлинд, — покачал головой Гамаюн. — И понятней не стало, что же с тобой теперь делать...

— Пока в камеру его надо вернуть, — заявил так и не представившийся страж. — Нам с тобой, товарищ Гамаюн, надо подумать.

— Много думать, — согласился с ним Гамаюн. — Очень много.

Меня вернули в камеру. На ночь выдали шинель — одеял тут не полагалось. Народармейцы, так называли рядовых бойцов народной армии, оказывающиеся здесь, имели при себе как раз шинель для этих целей. Спать на жёстких нарах было не слишком удобно. Тем более, что успел уже привыкнуть хоть к кое-какой, а постели, пусть и жёсткой. Но всё же не деревянные нары.

Подняли, правда, достаточно рано. Конвоир проводил меня в камеру для допроса. Там уже ждали оба стража Революции.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да ты не садись, — махнул мне Гамаюн. — Всё равно, отсюда поедем сейчас.

— Быть может, — осторожно произнёс я, — вы скажете, что мне предстоит?

— Служба, — ответил второй страж Революции. — Будете отрабатывать свои преступления перед Народным государством. Вы ведь неплохо знакомы с неким Брондом Брондом, не так ли?

— Верно, — кивнул я. Хотя, честно говоря, никогда не знал, что командор Китобоев оказывается из дворян. Но говорить об этом стражам я не стал.

— Он сейчас получил приют на урдско-имперской границе. В районе крепости Соловец. В горах его Китобои строят себе новое пристанище. Собственно, именно поэтому было решено отправить вас именно туда. Для связи, так сказать, с Брондом.

Мне это напомнило историю с моим наймом на то самое дело, итогом которого стал

повод для новой войны. Только в этот раз выбора у меня не было. И монетку я не кидал. Хотя и в прошлый раз всё, в общем-то, решили за меня.

— Бронд ведь доверяет вам, не так ли? — поинтересовался так и не соизволивший представиться страж Революции.

— В той мере, — пожал плечами я, — в какой воздушный пират может доверять кому бы то ни было.

— Так ведь он же идейный! — встрепенулся Гамаюн. — Грабит только большие суда. Богатеев разных! А вот теперь за блицкриговских военных принялся.

Мы со стражем, имени которого я не знал, неожиданно друг для друга переглянулись. Обменялись понимающими взглядами. Всё-таки в некоторых вопросах товарищ Гамаюн был удивительно наивен. Но не спорить же с ним.

— За вами, гражданин Готлинд, — продолжал незнакомый страж Революции, — будет снова установлен гласный надзор. Вы будете обязаны являться в отдел Стражи Пролетарской революции крепости Соловец. Докладывать устно и письменно обо всех своих действиях. Особенно подробно, обо всём, что происходит в строящемся прибежище Китобоев.

Это мне было очень хорошо знакомо. На Севере всё начиналось точно так же. А чем закончится в этот раз — мне даже думать не хотелось.

— Да ты не беспокойся, гражданин Готлинд, — в обычной своей грубоватой манере успокоил меня Гамаюн. — Это только по спервоначалу. Потом вернёшь доверие Народного государства — и всё по-прежнему будет. Ты, главное, больше со шпионами, пусть бы и из самой империи, где ты раньше жил, они будут, дел не води. Помни, ты — гражданин нового Урда. А обо всей прежней своей жизни, в которой ты нам вредил — забудь.

— Постараюсь, — как я надеялся, скрыв иронию в голосе, ответил я.

— А ты не старайся, — отрезал Гамаюн, явно не удовлетворившийся моей нейтральной репликой. — Ты вот нам с товарищем Гневомиром, а через нас всему трудовому народу Урда, клятву дай, что не станешь больше вредить нашей народной власти.

— Клянусь, — ответил я, стараясь быть как можно серьезней.

— Вот и отлично!

Товарищ Гамаюн от души хлопнул меня по спине, едва не уронив на стул.

— Пока ты, прости уж, ещё гражданин для нас, — добавил он, — но, чует моё сердце, скоро станешь снова нашим товарищем.

Страж, которого, как выяснилось, звали Гневомир, только улыбнулся. Похоже, они с Гамаюном были настоящими друзьями, несмотря на огромную разницу в характерах. А скорее всего, и социальном положении. Что-то мне подсказывало, что не так давно у товарища Гневомира была фамилия.

Крепость Соловец была невелика. Хотя и из новых. Практически полностью перестроена во время предыдущей войны. Она оказывала сильное сопротивление нашим войскам — и взять её смогли только измором. Нас не отправляли прикрывать фрегаты и корветы, бомбившие Соловец, но знакомые летуны рассказывали, что в небе над ним творился настоящий кошмар. Аэропланы горели и падали на землю целыми эскадрильями. А воздушным судам наносился такой урон, что они были вынуждены выходить из боя. Отбивал Соловец и наземные штурмы. Стены его успешно противостояли залпам осадной артиллерии.

В чём же был секрет Соловца, никто из летунов ответить мне не смог. Увидев крепость своими глазами, я всё понял. Соловец был компактным, напоминал шахматную ладью. Между зубцами на её крыше стволы зенитных орудий и пулемётов торчали, словно частокол. Надо всеми ими возвышалась громадная пушка для поражения воздушных судов. Установленная на поворотной платформе, калибром с главное орудие линкора, она легко пробивала броню тяжёлых кораблей. А фрегаты с корветами и даже лёгкие крейсера могла уничтожить одним залпом. Не раз мне приходилось видеть, как они разваливаются надвое после одного попадания громадного снаряда в борт.

Да уж, взять подобную крепость, наверное, можно только длительной осадой. В прошлый раз гарнизону позволили выйти под своим знаменем и при оружии. Солдаты Урда сдали её, когда у них закончились боеприпасы и еда. Как говорят, провиант у них весь вышел двумя неделями раньше, чем патроны со снарядами. И держались они на одной только воде, которой, правда, в крепости было в избытке. Фактически, весь Соловец выстроен вокруг большого колодца.

Привезли меня в Соловец на поезде. Точнее, поездом мы ехали до ближайшей станции, где меня все покинули вагоны и отправились искать транспорт к самой крепости. Почти все пассажиры, оставшиеся в поезде до последнего, были военными. А остальные — родственниками военных, приехавшими их навестить.

На коротком деревянном перроне теснились несколько десятков человек. В глазах рябило от светлой военной формы и башенных корон. Командиры народной армии носили их на фуражках и рукавах гимнастёрок. У старших командиров их было две, а то и три штуки.

Я соскочил на землю. Пыль тут же покрыла мои сапоги до самого верха голенищ. Из хоть и потёртых, но чёрных, они мгновенно стали серыми. А у станции уже стояла длинная вереница грузовиков и телег. Местные жители явно неплохо зарабатывали на этом извозе. Особенно важных пассажиров ждали открытые авто, в которых часто, кроме водителя сидел и младший командир. Они выбирались из машин, разыскивали своих подопечных.

Как оказалось, автомобиль предназначался и мне. Конечно, не одному — много чести — вместе со мной на заднем сидении просторного авто расположился командир истребительной эскадрильи со своей молодой супругой. Из-за количества их вещей нашему сопровождающему пришлось ехать на крестьянской телеге. Я же сел на его место рядом с водителем. Это, правда, избавило меня от болтовни со спутниками. Они и так доставали меня расспросами, несмотря на то, что я сидел к ним спиной.

— Вы ведь инспец, верно? — спрашивал у меня комэск. — Это сразу видно. Но по

какой части?

— Я гражданин Урда, — отвечал я, — был инспектом в лётных частях на Севере. Там мне дали гражданство.

— На Севере, — присвистнул комэск. — Неплохо. Летать на Севере трудно, верно? Говорят, там до сих пор беспокойно.

— Незадолго до отъезда сюда, мы летали отбивать налёт бандитов на маслозавод.

— К награде представлен? — тут же заинтересовался летун.

— Мне не говорили, — пожал плечами я, сидеть вполоборота было не очень удобно, но не разговаривать же комэску с моим затылком. Неизвестно, сколько мне тут служить, а прослыть грубияном на новом месте совсем не хотелось. Я и так разговаривал предельно короткими фразами, что было не слишком вежливо.

— Может, тут на новом месте и получите приятную новость, — вмешалась в разговор супруга комэска.

Мы познакомились, когда вместе садились в авто, помогая грузить многочисленные узлы и здоровенный деревянный чемодан. Но имён их я не запомнил.

— От награды я не откажусь, — не слишком удачно пошутил я.

— А у вас, вообще, награды есть? — продолжал светскую беседу комэск.

— За предыдущую войну. Нас, летунов, наградами никогда не обходят. Но не все я решусь надеть тут.

— Почему же? — удивился супруга военного.

— Ох, Весейка, — почти беззаботно рассмеялся комэск. — Ничего-то ты не понимаешь в нашем деле. У вас ведь, Товарищ бывший инспект, награды эти за действия на урдском фронте, верно? Может, вам тут воевать доводилось? Потому и перевели сюда, верно?

— Только тсссс, — приложил я палец к губам и хитро подмигнул сразу обоим. — Это военная тайна.

— О нет, — картинно схватился за лоб комэск. — Прощай моя жизнь молодая! Что меня ждёт теперь! Вызов в отдел стражи — и стенка. А ведь как хорошо всё начиналось.

— В вас, товарищ комэск, пропадает весьма недурной актёр, — усмехнулся я.

— Летаю я всё-таки лучше, — гордо ответил мне комэск. — И небо люблю больше сцены.

Беседа, несмотря на не очень удобное положение, развлекала нас всех, пока мы ехали. Мы скоротали два с лишним часа пути до Соловца.

Я выпрыгнул из авто, с удовольствием потянувшись. Наконец, можно было выпрямить ноги и размять спину. Сопровождавший нас младший командир слез с телеги и вместе с водителем авто принялся разгружать машину. Когда дошло до деревянного чудовища — чемодана — помогать пришлось даже нам с комэском.

— Ты только посмотри, Готлинд, — за время пути комэск стал считать меня хорошим приятелем, и общался теперь запросто, — и лётное поле, и на верхотуре полосы. На случай осады.

— Для отражения атак с воздуха, — добавил я. — Они очень сильно уязвимы для ударов с земли. Сам видел не раз, как их разносят залпами осадной артиллерии.

— Да уж, — поёжился летун. — Не хочется думать, что при этом было с аэропланами.

— Я тогда успел удрать в последний момент.

— А как вы думаете, товарищ Готлинд, — буквально заглянула мне в глаза жена комэска, — будет ли снова война?

— Ой, да брось ты, Весейка, и Конвент, и Народный комитет сколько раз разъясняли всем, что не будет никакой войны. Что война эта грабительская и наше государство не будет принимать в ней участия.

Однако супруга комэска продолжала внимательно глядеть мне в лицо. Ответа она ждала именно от меня. Я для неё инспек, пускай и бывший. Образ этот окутан каким-то таинственным ореолом. Всегда кажется, что человек из-за границы всегда лучше осведомлен в мировых делах.

— Я не хочу врать вам, — ответил я. — Урд вполне могут втянуть в войну, идущую на континенте. Многим за границей этого очень хочется.

— Но ведь и у нас в Конвенте не дураки сидят! — воскликнул комэск. — Понимают, что ничего нам от аристократов заграничных не надо. Пусть себе копья ломают. А народ их опомнится, и власть возьмёт, как у нас.

Интересно, задор летуна был таким же искренним, как у моего знакомца — стража Пролетарской революции товарища Гамаюна. Или же показывает этот задор перед инспекцем. Несмотря на гражданство, меня за урдца мало кто считал, хотя бы акцент сильно мешает.

— На войнах, — мрачно произнёс я, рискуя либо попасть под подозрение, либо быть зачисленным в провокаторы, — гибнет больше простолюдинов, чем дворян. И хватит уже этих мрачных разговоров. Нам сегодня ещё надо командованию представиться. Не хотелось бы начинать службу с его вопросов об опоздании, верно?

— Так точно, — вздохнул комэск.

Народармейцы, присланные специально с этой целью, помогли нам с вещами. Для того чтобы дотащить все узлы и чудовищный чемодан комэска, трудиться пришлось едва ли не целому отделению. Я же со своим невеликим скарбом, помещавшемся в одном саквояже и большой сумке, легко управился сам. В саквояже, который мне на прощание вручил Гамаюн, лежали оба моих револьвера и пистолет. Да ещё и несколько пачек патронов к ним.

Поселили меня в небольшой комнате, больше похоже на келью. Она располагалась почти под самой крышей — рядом со взлётной площадкой. Для воздушного курьера — в самый раз.

С комэском и его женой мы разошлись почти сразу, как миновали ворота. Я пожал руку молодому человеку, церемонно поклонился, чмокнув пальчики его супруги, и отправился вслед за сопровождавшим меня бойцом в богатырке.

— Я не знал, что командирские семьи прямо в крепости живут? — спросил я у шагающего рядом народармейца.

— В мирное время — да, — кивнул тот. — А как война начинается, их положено эвакуировать. Для этого заготовлен даже особый поезд в Василькове.

Васильковым назывался ближайший к крепости город, где из всех достопримечательностей имелся большой железнодорожный узел.

— Мы ведь не так близко к границе, — продолжал разговорчивый народармеец. — От воздушных рейдов Васильков прикрываем. Так что, ежели война грянет, время вывезти всех жёнок с детьми будет. Это у самого кордона семьи командиров по домам отправили. Куда угодно лишь бы подальше от границы. Там ведь уже которую неделю канонаду слышать.

— Кто с кем воюет? — уточнил я.

— Блицкриг дилеанцев к самому кордону прижал. Выдавливают из тех областей. Видать, будет всё-таки война с Блицкригом этим самым. Иначе, чего бы они так к нашей

границе жались-то.

Мы поднимались по винтовой лестнице. Что бойца ничуть не смущало. Он продолжал рассуждать.

— Беженцев у нас принимают. Солдат отступающих, поговаривают, тоже. Тех, кто из блицкриговского окружения прорывается, да по лесам блукает. Вроде бы, чуть не полк дилеанский к нашей границе выбрел, так их приняли и в гарнизоне Берестья оставили. Но правда ли это...

Народармеец только руками развёл.

— Вот ваша комната, товарищ инспектор. — Он распахнул передо мной деревянную дверь. — Обживайтесь. Товарищ начальник гарнизона сказал, чтобы вы зашли к нему через три часа.

— Спасибо, — поблагодарил я, кидая саквояж на койку.

Очередная комната. Ничего примечательного. Иногда, глядя на такую же, что на Урдском севере, что в Баджее, что еще в Империи, я думал — а будет ли когда-нибудь у меня свой дом? Или так до конца жизни буду мыкаться по таким вот комнаткам.

Поставив сумку рядом с саквояжем с оружием, я сел на койку, откинулся спиной на стену. Одна мысль была в голове. Надо бы узнать, где тут душ и как часто его могут принимать инспекты.

Из-за того, что центром крепости был колодец, с водой тут проблем не было. В непосредственной близости от него были оборудованы душевые кабинки. Как мне рассказали потом летуны из старожилов Соловца, это были облагороженные пещерки, вырезанные прямо в толще горы. К ним были подведены трубы с водой. Да ещё был оборудован бойлер, где эта вода грелась. Поэтому вставать в Соловце командиры предпочитали пораньше, чтобы застать ещё горячую воду. Котёл-то был не безразмерный.

Собственно, всё это я узнал несколько позже. А пока и холодный душ был мне в радость. После пяти суток в поезде и тряске в авто по пыльной дороге. Конечно, пришлось отстоять небольшую очередь из вновьприбывших командиров, да ещё и треть душевых кабинок были предоставлены женщинам. Однако это была небольшая плата за радость смыть с себя дорожную грязь и пыль.

Я обменялся улыбками с комэском, стоявшим в очереди за мной. И отправился наверх к себе. На шее висит ещё мокрое полотенце. С волос капает. Но я тогда был, наверное, самым счастливым человеком в Соловце. В своей комнате я кинул полотенце на стул и прямо в одежде плюхнулся на койку, закинув руки за голову. Можно было отдохнуть несколько часов, просто пялясь в потолок. Потолок был серым от старой побелки и по углам затянут паутиной.

Кажется, я всё-таки задремал, пока валялся на койке. Потому что когда глянул на часы, то понял — пора бежать к коменданту крепости. На то, чтобы предстать перед ним, у меня было меньше десяти минут. Я соскочил с койки и быстрым шагом направился к нему. Конечно, я такой был не один. Все командиры, приехавшие вместе со мной на поезде, выстроились на первом этаже крепости.

Собрали нас прямо в просторном кабинете коменданта. Там бы легко поместился ещё взвод бойцов, если не больше. Мы расселись вдоль длинного стола, по традиции обитого зелёным сукном. Интересно, разве другого цвета для обивки нет? Или просто командиры, офицеры и генералы всех мастей и государств иного не признают.

Я предавался этим рассуждениям, пока мы ждали самого коменданта. Тот оказался

полным человеком с выбритой головой и усиками щёткой. В общем, внешности совсем не героической. Зато сразу видно — человек деловой. Без приветствий он сразу перешёл к делу.

— Товарищи командиры, — сказал он, — что бы ни говорили нам, но враг уже на пороге.

— Это как же так?! — воскликнул мой знакомый комэск, вскакивая на ноги.

— Да вот именно так, товарищ комэск, — ответил комендант, одним взглядом усаживая его обратно на стул. — До нас доведены секретные приказы военного комитета. Всё имперское пограничье приводится в боевую готовность. Те, кто семейные, товарищи командиры, у вас одна ночь на прощание. Завтра жён отправите обратно на станцию. Поезд за ними приедет в одиннадцать ноль-ноль.

— И когда она будет? — из всех я, наверное, единственный, кто решился спросить коменданта об этом. — Как скоро начнётся война с Блицкригом?

— Скоро, товарищ инспец, — произнёс комендант. — Всё зависит от ваших бывших соотечественников. Сколько они ещё будут держать линию фронта. Вот как выбьют их из Прияворья, так Блицкриг по нам и ударит.

— А разрешите поинтересоваться, товарищ комендант, — поднялся со своего места заместитель командира пехотного полка, защищающего крепость, — откуда у вас такая информация?

— Это совершенно секретная информация. Я, конечно, подписывался и обещал соблюдать. Но до вас, товарищи командиры, всё-таки должен довести. По дипломатическим каналам, а может по данным разведки, тут уж точно сказать не могу. В общем, Конвенту стало известно о том, что посланнику Блицкрига уже передана нота об объявлении войны Народному государству. Пока ему не переданы инструкции, когда именно он должен передать её Конвенту. Но это уже и не важно.

— Значит, всё-таки война будет, — вздохнул рассудительный заместитель командира полка, садясь на место. — А все слухи о том, что в Берестье собирают дилеанских солдат, выходящих из окружения.

— И вооружают их, — кивнул ему комендант, — и даже форму по дилеанскому образцу шьют. Эти ребята сильно злы на Блицкриг, будут драться с ними до последнего. Местному ополчению веры нет. Здесь ещё ничего, а вот ближе к границе. Там нас не особенно любят.

— Это ещё почему? — вскинулся мой знакомый комэск, который был, всё-таки наивен. Фальши в этом человеке не было ни грамма.

— Слишком хорошо помнят вольное время, — усмехнулся уже сам командир полка, — и как мы тут народную власть устанавливали. Не за что им нас любить, если уж говорить по чести. Я тут со своим полком в составе дивизии товарища Тумаша порядок наводил. Из каждого дома тогда по нам палили. Вот и сейчас осторожничаем с набором ополчения.

— Ожидаете, что в спину стрелять будут, — понимающе заметил я.

Мы это проходили в самом начале прошлой войны. В землях, недавно отвоёванных у Умбрии, разделённой между Империей и Нейстрией за два года до этого, солдатам тоже часто стреляли в спину. Из-за каждого угла практически.

— Дожили, — протянул заместитель командир полка, — дилеанцам доверяем больше, чем своим гражданам.

Я решил пропустить эту реплику мимо ушей. В конце концов, замкомполка вряд ли знал, что я уроженец Дилеанской империи.

— Все свободны, товарищи командиры, — произнёс комендант крепости.

Все поднялись, однако он остановил нас жестом.

— Товарищи летуны, — сказал он, — пожалуйста, останьтесь. С вами у нас будет отдельный разговор.

Остальные командиры, включая комполка и его рассудительного заместителя, вышли из кабинета. За столом остались только десяток военлётов, ну и я, конечно.

— Садитесь поближе, — кивнул нам комендант. — Разговор у меня к вам будет.

Он обвёл нас взглядом. Будто каждого проверить хотел. Взвесить. Оценить. Понять, что мы из себя представляем.

— Дело нам придётся иметь с бандой, известной, как Китобои, — сказал он. — Эти ребята уже не первый год ведут войну с Блицкригом. Кроме того, они строят себе новую базу в Яворах. У них всегда можно разжиться лучшими запчастями к аэропланам. Ходят слухи, что даже безразгонник купить получится. Если, конечно, сторговаться.

— Но стоить он будет столько, — усмехнулся один из летунов, — что жалования всех нас за год не хватит и на половину такого аэроплана.

— Это если новый покупать, — хитро прищурил глаз комендант, — а у них все явно не новые, да и получены не слишком законным путём. Так что если кому-то удастся купить такой, то я готов оплатить его из гарнизонной казны.

— А какими аэропланами укомплектована крепость? — поинтересовался мой знакомый комэск.

— Не самыми передовыми, — честно ответил комендант. — Безразгонников у нас нет, только обычные аэропланы. Но и не самые древние, конечно.

— Значит, надо налаживать связи с этими самыми Китобоями, — кивнул летун. — Да и запчасти нам, думаю, понадобятся в очень большом количестве.

— Собственно говоря, товарищи командиры, — поглядел на меня комендант, — для связи с Китобоями у нас есть инспец Готлинд. Вы ведь знакомы с командором этих небесных разбойников?

— Лично, — кивнул я, и уточнил: — И я уже не инспец, товарищ комендант. Я почти полгода как получил урдское гражданство.

— Здесь вы на правах специалиста, а не кадрового военного, — пожал плечами комендант. — Ну, а акцент ваш сильно сбивает с толку, — усмехнулся он. — Раз вы, товарищ спец, знаете лично коменданта этих самых Китобоев, то вам завтра к нему и отправляться. Договоритесь о запчастях. И не забудьте упомянуть о покупке безразгонников.

— Так точно, — кивнул я. — Договорюсь о запчастях. И про безразгонники не забуду.

— А теперь о войне, — вздохнул комендант. — Враг ударит по нам. Мимо нас, как мимо Берестья, им не пройти. А значит, нам предстоят осада и штурм. По плану Соловец должен выдержать сорок восемь часов осады. К истечению вторых суток осады, мы будем мертвы.

— Ну это по плану, — усмехнулся мой знакомый комэск, — а в них всего не учтёшь.

— Но всё-таки мрачновато выходит, — вздохнул более рассудительный летун. — Двое суток с начала войны. Крепость и правда наша невелика. Если Берестье падёт, и к нам подведут осадную артиллерию, то мы можем и двух суток не протянуть.

— В прошлую войну царские войска больше месяца против имперских продержались, — заметил мой знакомый комэск, — и вышли из Соловца под своими знамёнами и с оружием.

— Нам этого сделать не дадут, товарищ комэск, времена нынче не те, — покачал

головой комендант. — Блицкриговцы врага уничтожают. Крепости сравнивают с землёй. А гарнизоны вырезают до последнего человека.

— Тем больше у нас стимулов держаться до конца, — пыл моего шапочного знакомца не ослабевал. И тут я был готов с ним согласиться.

— Возможно, — не стал спорить комендант. — Вы свободны, товарищи военлётцы. Отдыхайте. Расписание патрульных вылетов получите завтра у начальника лётной части товарища Лешека.

Мы снова поднялись — и покинули-таки кабинет.

Крепость Китобоев оказалась полной противоположностью Соловцу. Она поражала не только размерами, собственно, не сильно в этом превосходя Соловец, и количеством оборонительных орудий и компактных взлётных полос. И это только те, что я смог разглядеть, заходя на посадку. Но ведь точно имелись и другие, которых я не видел. А ещё замаскированные, если, конечно, их успели возвести. Но тут я не сомневался. Уж этим-то Бронд озаботился в первую очередь.

Я отправился в гости к командору Китобоев на следующее утро. Получив у Лешека — начальника лётной части крепости — разрешение на полёт и карту маршрута, я сел в кабину «Молнии» и завёл мотор. Аэроплан был неновый, наверное, ещё прошлую войну помнил, но вполне исправный и достаточно надёжный. Я не слишком любил летать на нейстрийских машинах — слишком уж они были лёгкие, да и без вооружения я всегда чувствовал себя голым. Но за мной был закреплён именно этот аэроплан, значит, летать придётся на нём. А может, это происки коменданта. Например, он хочет так заставить меня поскорее достать безразгонник, чтобы я пересел с нейстрийской птички на него.

Делая очередной вираж, я достал ракетницу — и пустил в воздух зелёный огонёк. Почти сразу мне ответили. Два продолговатых фонаря замигали на одной из взлётных площадок. Я направил свой аэроплан туда.

Отвык я всё-таки от полётов на таких лёгких машинах, вроде «Молнии». Она пробежала почти всю длинную полосу, остановившись у самого барьера. К кабине почти тут же подскочил механик в кожаной куртке и плотных штанах. Ребята тут явно мёрзли после смены климата с более мягкого, что царит в Империи. Это, конечно, не Урдский север, но всё же далеко не среднеимперская погода. Да и вулканов в Яворах не имеется. Потому и приходилось китобоям основательно утепляться. А ведь это весна, — какие же погоды будут стоять в горах зимой?

Я выскочил из кабины. Механик залихватски усмехнулся и выпалил на ломаном урдском:

— Здравствуйте, товарищ. С чем прибыли к нам?

— Можешь на дилеанский переходить, — ответил я, тоже непроизвольно улыбаясь. — Я его ещё не забыл. — Проклятье, а ведь это было не так давно, а как будто вечность прошла с тех пор.

— Готлинд?! — наконец, узнал меня механик. Собственно, это был Клаус, оставшийся с Китобоями после того, как я уехал в Урд.

— А кого ещё могли прислать вам в качестве связного, — рассмеялся я. — Вытащили меня с уютного Севера. Закинули на границу. Говорят, тут скоро война будет.

— Иначе нас бы тут ни за что не приютили, — кивнул Клаус. — Идём, Готлинд, я провожу тебя к Бронду. Он велел вести связного прямо к нему.

— Как вы тут? — спросил я, пока мы шагали по строящейся крепости Китобоев.

— На вулкане жилось спокойней, — пожал плечами Клаус. Интересно, понял ли он двусмысленность сказанной им фразы? — Хотя я там недолго жил. Сначала мы строили крепость в Известняковых горах, но и оттуда нас быстро попросили. Линия фронта пролегла слишком близко к ней. И крепость, даже недостроенная, понадобилась военным. Тогда-то с нами и связались урдцы. Теперь вот все гадают — турнут нас и отсюда или же нам придётся

за эту крепость драться.

— Не турнут, — почти уверенно заявил я. — Воздушный флот Урда базируется далеко отсюда. А аэропланы из Соловца можно будет тут разместить все — и вряд ли вам придётся сильно тесниться.

— Да уж, — Клаус пребывал в наилучшем расположении духа, — места тут хватает.

Мы шагали уже по вырубленным в толще горы коридорам. Это были, скорее, такие же расширенные пещеры, как на нижних этажах Соловца. Местами они соединялись между собой явно искусственного происхождения переходами. Гору будто бы пронизала целая паутина. Хотя сейчас это уместней было сравнить с муравейником.

— Урдцы прислали нам горных инженеров, — говорил Клаус. — Они помогали нам обустроиваться в этих пещерах. Расширять их. Перемычки делать. Так чтобы всё это не рухнуло нам на головы. Они всё ещё живут с нами — пока база не будет полностью закончена.

— Как в старину, — кивнул я, и увидев, что молодой человек не понял моей шутки, добавил: — Когда архитектора ставили в центр здания, которое он спроектировал. Чтобы если крыша обвалится, то уж точно ему на голову. Весьма неплохой стимул для хорошей работы.

Клаус протянул глубокомысленное «аааааа». На этом наш разговор вынуждено прервался. Мы дошли-таки до комнат, занимаемых Брондом.

Командор Китобоев, казалось, ничуть не изменился. Всё такой здоровенный, громогласный медведь. Он подскочил со своего стула, едва не перевернув стол с едой, и ринулся ко мне. Супруга Бронда, возившаяся на кухне, выглянула из приоткрытой двери, посмотреть, что за шум. Улыбнувшись мне, она подмигнула и вернулась обратно к своим кастрюлям. Бронд ел всегда много и удовольствием, а жена просто обожала готовить. Несмотря на все обвинения в обжорстве, она любила кормить своего медведеобразного супруга.

Бронд тем временем, едва не сбив с ног Клауса, подскочил ко мне. Сдавил в объятиях, так что у меня рёбра затрещали.

— Готлинд! — прокричал он мне прямо в ухо. — Я уж и не чаял увидеть тебя!

— Да осторожней ты, — выдавил я. — Подарок раздавишь.

— Что ещё за подарок? — удивился Бронд, разжимая объятия.

Я вытащил из внутреннего кармана куртки одну за другой две бутылки казёнки. На них пришлось хорошо потратиться — достать в крепости настоящую казёнку можно было только у старшего интенданта. А драл он безбожно. Хотя, может быть, как и многие, считал, будто мне из-за того, что я инспек и на особом положении, платят больше, чем обычному летуну. Не объяснять же всем, что это далеко от истины. Всё равно ведь никто не поверит.

— Вот подарок так подарок, — рассмеялся Бронд. — А ты, Клаус, не гляди на них так. Тебе ещё рано, и работы у тебя полно. Ступай давай! На инженерной палубе тебя заждались уже!

Молодой человек, наверное, обиделся на командора, но не выполнить его прямой приказ не мог. Он кивнул мне — и вышел, закрыв за собой дверь.

— Ты зачем моего механика обижаешь? — шутливо подколот я Бронда. — Смотри, будешь его шпынять, заберу парня в Соловец. Его у меня с руками оторвут.

— Нечего ему делать в крепости, — неожиданно резко ответил мне Бронд. И тут я понял, как всё-таки постарел за это время командор Китобоев. Поседели волосы. Осунулось

лицо, его словно траншеи избороздили глубокие морщины. А главное, из взгляда стала уходить прежняя бесшабашность. — Знаю я, сколько она должна продержаться в случае осады. А механики всегда остаются в крепости до последнего. И гибнут вместе с солдатами.

Удивительное дело. Прошлая война, длившаяся больше десяти лет, не смогла изменить его так сильно, как шедшая чуть больше шести месяцев, нынешняя. Что же это за война такая, если она так быстро перемалывает людей. И каких людей! Лично я Бронда всегда считал не просто железным — железобетонным, как самые прочные бункеры и блиндажи. Такие, что и главный калибр самых больших линкоров не берёт.

— А сколько продержится твоя крепость? — спросил я.

— Не знаю, — честно пожал плечами Бронд. — Я-то, в общем, был только рад уступить вторую базу военным. Мы, конечно, ловили для них блицкриговские линкоры и крейсера. Но как только оказались бы в прифронтной полосе, за нас взяли бы всерьёз. А новая база — это не Чёртово жерло, где можно было сидеть годами. Да и тут не сильно лучше.

— Мы с тобой оба бежали от войны, — усмехнулся, правда, не очень весело, я, — и обоим она нагнала.

— Хватит уже болтать, — вышла из кухни мадам Бронд с тарелкой и прибором для меня. В левой руке она держала большое блюдо с едой. — Вижу уже, с каким гостинцем ты к нам пожаловал. Так что закусывайте плотнее.

Как, наверное, все жёны, мадам Бронд отрицательно относилась к крепкому спиртному, однако не «пилила» по этому поводу супруга. Она боролась с питием другим способом. А в туго набитый желудок много не нальёшь.

Мы выпили по первой рюмке казёнки. И тут же, под молчаливым взглядом мадам Бронд принялись молча есть. Когда же наша надсмотрщица вернулась на кухню, осторожно налили по второй.

— Я уж думал, что война тебе не грозит, — сказал Бронд. — Ходили слухи, что до самого Урдского севера добрался. Туда она вряд ли докатится. Да и летунов оттуда призывают на фронт очень неохотно. Там свои очень нужны.

Я только плечами пожал. Я не мог ничего рассказывать из своей истории об атаке на комплекс народников и Баджее. Да и ни к чему это знать Бронду. Вот уж воистину лишние знания.

— В Соловце комендант прознал уже как-то о том, что мы с тобой хорошо знакомы, — не слишком изящно сменил тему я. — Интересуется безразгонниками. Хочет узнать, можно ли купить у тебя несколько. По сходной цене, так сказать.

— Он уже подъезжал ко мне хромой козе, — усмехнулся Бронд. — Были тут несколько летунов из Соловца.

— И что ты им ответил?

— То же, что и тебе скажу, — сказал Бронд. — Аэропланы и мне нужны. Очень сильно нужны. Да и аэропланов-то как таковых у меня нет. Зачем они мне? У нас корабли да летающие мотоциклы.

— Врёшь ведь, Бронд, — хитро поглядел на него я, наливая новую рюмку. Сегодня я точно обратно в Соловец не полечу. Ночевать придётся на базе Китобоев. — Ты ведь запасливый, как сурок.

— Может и так, — отрезал тот, — но сколько я их могу продать? Десяток — не больше. У меня и столько-то вряд ли наберётся. Это спасёт Соловец?

— Там всего полтора десятка аэропланов, — сказал я. — Ещё столько же

безразгонников можно будет разместить. Вряд ли больше. Крепость-то невелика. И эти аэропланы, действительно, могут спасти нас. Так что, называй свою цену, Бронд.

Он озвучил сумму.

— Это за сколько аэропланов? И каких?

Бронд принялся перечислять модели безразгонников. Называл и состояние каждой машины.

— Ещё можно будет собрать пару из имеющихся запчастей. Но вряд ли они вам понадобятся.

— Их тоже считай, — махнул рукой я. — Запчасти тоже понадобятся.

— А не разорится твой комендант? — усмехнулся Бронд, разливая остатки казёнки из первой бутылки.

— У него деньги казённые, — усмехнулся я. — Не жалко. Он может оказаться прижимистым, конечно, но, думаю, тут скупиться не станет. Перед войной денег не жалеют.

— Да, — кивнул Бронд. — Во время войны они часто теряют всякий смысл.

Мы принялись за вторую бутылку. И разговаривать на серьёзные темы уже не хотелось.

Жаться комендант не стал. Он, конечно, присвистнул, услышав озвученную мной цену за двенадцать готовых безразгонников и два разобранных. Однако тут же выписал мне денежное предписание к кастеляну Соловца. И даже отправился к нему со мной лично. Наверное, слишком хорошо знал породу подобных людей. Они относились к вверенным им денежным средствам, как к личным капиталам, и с каждой медяшкой расставались так, будто от сердца отрывали.

Вот и сейчас, увидев сумму, проставленную в денежном предписании, он округлил глаза. Поглядел на нас с комендантом, будто на двух сумасшедших. Приди я один, наверное, выгнал бы меня взащей, не смотря ни в какие бумаги. Но при коменданте ему пришлось сдерживать чувства.

— На какие цели вы намерены потратить эти деньги? — поинтересовался он.

— Вас, товарищ кастелян, — насмешливо-ласковым голосом произнёс комендант, — так сумма поразила, что вы дальше читать не стали, наверное. — Он даже не спрашивал. Он это просто утверждал. — Вы прочтите, уж будьте любезны.

— Закупка аэропланов в воздушный парк крепости, — послушно прочитал кастелян.

— Теперь вам всё понятно?

— Так точно, товарищ комендант, — выпалил кастелян.

— А теперь выдайте, пожалуйста, товарищу спецу деньги на закупку аэропланов, — улыбнулся ещё слаще комендант.

Кастелян, конечно, с большой неохотой, но всё-таки выдал мне указанную в предписании громадную сумму. Она помещалась в трёх больших мешках. Мы с комендантом взвалили их на плечи — и отправились к взлётной полосе, где стоял закреплённый за мной аэроплан.

— Теперь я в твоих руках, товарищ спец, — усмехнулся комендант, закидывая мешок в аэроплан. — Если улетишь с этими деньгами, я пойду под трибунал.

— Ворованное счастья не приносит, — пожал плечами я, сгружая следом свой мешок.

Аэроплан взлетел тяжело. Вес его порядком увеличился благодаря мешкам с деньгами. Сильно изменилось поведение в воздухе. Теперь «Молния» больше напоминала мою прежнюю «Ласточку». Приземляться в крепости Китобоев стало существенно легче. Пробежав только половину полосы, аэроплан встал намертво.

Клаус, конечно же, был тут как тут. Они помогли мне дотащить денежные мешки до комнат, принадлежащих Бронду. Лихим жестом я швырнул мешок к ногам командора Китобоев. Тот даже расстегнулся — красные и коричневые купюры посыпались на ковёр. Вышло весьма эффектно. Хотя намерено я расстёгивать запор мешка не стал бы.

— Пересчитывать будешь? — поинтересовался я у Бронда.

— Обязательно, — кивнул он. — Собери деньги. Сдадим нашему кастеляну. А то механики не понимают, с чего это стали готовить к отправке все наши безразгонники. И даже разобранные пакуем в ящики.

— Послушай, Бронд, — сказал я, собирая деньги вместе с Клаусом, у которого округлились глаза, когда он увидел, что же мы с ним несли, — эти деньги ведь капля в море. Их, конечно, много для одного человека. Но даже каждому китобоев не хватит выпивку поставить.

— Не хватит, — кивнул Бронд, с криком закидывая на плечи сразу пару мешков. — Но я их и не на выпивку потрачу. Запчасти нужны и нам, и с Соловцом ими торговать надо будет. Сейчас урдские червонцы и сотенные хорошо идут. Курс у здешней валюты идёт вверх. Но это пока они не ввязались в войну. После этого с цене останутся только котсуолдские гроуты.

— Собираешься урдские червонцы менять на котсуолдские гроуты? — не понял я.

— Нет, — покачал головой Бронд. — Я на них здесь же, в Василькове, куплю самые нужные детали. А во время войны стану продавать их в Соловец. И уже не за бумагу, а за золото. А оно всегда к цене.

— Хитрая афера, — кивнул я.

— В долю хочешь? — глянул на меня Бронд.

— Нет. Мне в Соловце воевать. И твои детали ставить на свой аэроплан. Мне как-то неприятно будет понимать, что я участвую в этой афере, наживаясь на своих же товарищах.

— Как хочешь, — пожал плечами Бронд. — Но после войны, деньги всем очень понадобятся.

— До этого «после войны» ещё надо дожить, — мрачно заметил я.

Сдав деньги кастеляну, который пересчитывал их почти полтора часа, мы отправились на ангарную палубу. Там уже грузили безразгонники в трюм переделанного корвета. Отдельно стояли ящики с разобранными аэропланами.

— Идём знакомиться с покупкой, — махнул рукой Бронд.

Я внимательно осмотрел все двенадцать безразгонников. Это были в основном имперские модели, но затесалась и пара нейстрийских, и даже один новенький блицкриговский «Шмель».

— Гордость наша, — хлопнул по борту безразгонника Бронд. — Мы загарпунили «Зауттраугер». Взяли его целёхоньким. За него нам кайзер весьма неплохо заплатил. Хватило и гору эту купить у Народного государства, и базу обустроить. Вот распродаём потихоньку безразгонники с него. Последний для тебе берегли.

— А летал кто на блицкриговских аэропланах? — поинтересовался я.

— У нас некому, — покачал головой командор Китобоев. — Мы же всё больше по мотоциклам.

Я решил, что надо будет у коменданта выбить себе именно блицкриговский аэроплан. Очень интересно узнать, на чём же летает наш враг. Думаю, после того, как я добыл безразгонники для крепости, он мне не откажет.

В общем, к вечеру того же дня авиационный парк Соловца пополнился дюжиной безразгонников. Не скажу, что меня встречали как героя, однако смотреть стали с определённым уважением. Словно на настоящего спеца.

Война словно подкрадывалась к нам. Гремела канонада где-то за горизонтом. Она то приближалась, то отдалялась. Мои бывшие соотечественники не желали сдаваться без боя. Совсем решённое вроде бы дело в непосредственной близости от границы Народного государства внезапно пошло совсем не так, как рассчитывали блицкриговские военные. Их несокрушимой машине Дилеанская империя противопоставила свою. Две эти медлительные, но от этого только ещё более смертоносные машины сейчас упёрлись друг в друга. Остановились, рассыпая вокруг тысячи снарядов и оставляя вокруг груды трупов. Но ни одна двинуться вперёд не могла.

— Вот сейчас самое время по ним вдарить! — плотоядно усмеялся комэск со звучным именем Всполох. Надо сказать, имя это молодому летуну очень шло. — Во фланг этим аристократишкам. Только пух и перья бы от них полетели!

— Может и так, — соглашался я, — но не нам с тобой это решать. Да и к лицу ли народной армии бить, пускай и аристократического врага, но исподтишка. Будто ворам.

— Прошло то время, — покачал головой куда более рассудительный комполка Колыван, — когда на войну шли с открытым забралом. Теперь у всех принято сначала бить, а потом уже объявлять войну. Все ведь слышали товарища коменданта. Нота об объявлении войны Блицкригом уже лежит в посольстве. И вручат её явно после того, как войска Блицкрига перейдут нашу границу, а их корабли и аэропланы станут бомбить наши города.

— Ну и что?! — воскликнул Всполох. — А нам, народной армии, это не к лицу. Лучше упустить шанс нанести врагу решающий удар, но не уронить достоинства, чем атаковать столь бесчестно.

— Понятие честь — аристократическое, — усмеялся известный на всю крепость шутник комбат Чудимир, — и не к лицу командиру народной армии. Да ещё и в столь передовом роде войск, как военно-воздушные.

Комендант Соловца втихомолку, без письменных приказов и внесения маршрута в карту полётов. Официально мы летали в регулярные патрули. При этом строго соблюдали запрет на приближение к зоне боевых действий.

Больше всего вылетов приходилось на мою долю. И дело было не только в том, что я летал в обычные патрули на блицкриговском безразгоннике. Тот оказался очень хорош. Давно я так хорошо не чувствовал машину, на которой летаю. Всё-таки, что ни говори, а аэропланы делать в Блицкриге умеют. Возможно, даже лучше, чем в Империи. Недаром ведь в отколовшихся курфюршествах была сосредоточена едва ли не половина всей дилеанской промышленности. Конечно, на разведку к линии фронта я летал совсем не на «Шмеле», а на старом, но вполне надёжном «Альбатросе». На таком я воевал в нейстрийском небе. «Альбатрос» мой не нёс на борту никаких знаков, что отличали бы его от других имперских истребителей. К тому же, я свободно и без малейшего акцента говорил на дилеанском, что вполне понятно. И если меня собьют, никак нельзя будет связать меня с Народным государством. Вряд ли кто-то в прифронтовой полосе будет копать так глубоко, что дороеется до моего урдского гражданства. Там разговор обычно короткий — и остаётся только надеяться на корпоративную солидарность летунов.

Вот и я рисковал вовсю. И, скажу честно, мне это нравилось. Наверное, всё-таки все мы, летуны, немного сумасшедшие. А если уж быть совсем честным, хотя бы с самим собой, то

совсем не немного.

Знакомая, совершенно безрадостная картина войны открывалась мне каждый раз, когда я подлетал к линии фронта. Обгоревшие, чёрные остовы деревьев. Лишённые не только листьев, но и веток. Земля, изрытая сетью траншей, частично покинутых. С разбитыми орудиями и заваленными трупами брустверами. Торчащими брёвнами уничтоженных блиндажей и остовами танков. Сгоревшими аэропланами, застрявшими в проволочных заграждениях. И ни единого живого человека. Одни только мёртвые тела. Лежащие вповалку друг на друге. Смерть уравнила всех. Одеты в почти одинаковую форму. Вооружённые длинными винтовками, как правило, с примкнутыми штыками. В серых металлических касках и изорванных шинелях. Временами не различить, кто где кого атаковал. И отбились ли обороняющиеся или же наступающим удалось-таки, ценою, без сомнения, множества жизней прорваться на этом участке обороны.

Несколько раз я видел мародёров, обирающих трупы. Они поднимали головы, некоторые даже решались стрелять по моему аэроплану, но пули летели мимо. Вряд ли мародёры, хотя, скорее всего, иные среди них были из дезертиров, умело обращались с оружием. Всякий раз пули свистели где-то далеко от моего «Альбатроса». Мне хотелось зайти на боевой разворот — и врезать по ним из пулемётов. Благо, на всякий случай, они были заряжены полностью. Всё-таки, мне удавалось побороть это желание. Не стоит тратить патроны на этих медленно обращающихся в животных людей.

Не меньше моего летал к линии фронта комэск Всполох. Он-то и принёс в крепость новости о скорой войне. Он вернулся в Соловец на изрешечённом пулями аэроплане. Не летай Всполох на необычайно живучем «Урагане», наверно, и не вернулся бы из этой разведки. Его аэроплан отчаянно дымил и качал крыльями, будто бы посылая каждую минуту нам сигнал о начале войны.

Был такой условный знак у нас, летунов, летавших к линии фронта. Пролетая над Берестьем, качать крыльями, если по ту сторону границы есть признаки войны. Но пока всякий раз мы летели ровно. А вот теперь нейстрийский «Ураган» Всполоха болтало из стороны в сторону. Он сумел посадить свой аэроплан на верхнюю полосу крепости. До нижней, располагавшейся за пределами Соловца, на лётном поле, он бы, скорее всего, не дотянул.

Побросав все дела, летуны крепости бросились к верхней полосе. Мы пробежали Соловец с рекордной скоростью. Перепрыгивали через несколько ступенек на лестницах. Однако первыми к аэроплану успели механики, дежурившие наверху. Они-то и расспрашивали Всполоха. Молодой комэск явно уже не в первый раз повторял свою историю.

— Меня обстреляли, — говорил он. — Как только я приблизился к границе. В нейтральном небе. Налетел сразу целый рой «Шмелей» и «Шершней». Две эскадрильи никак не меньше. И сразу ну палить! — Всполох перевёл дух, явно не в первый раз утерев пот со лба. — Я тут же на вираж — и домой. А они ко мне на хвост сели. И палить не прекращают. Хвост в хлам изрубили, едва посадить «Ураган» сумел. Почти до самого Берестья меня провожали.

К толпе, собравшейся вокруг Всполоха и его расстрелянного аэроплана, подошёл комендант Соловца.

— Товарищи, — сказал он своим неповторимым тоном, от которого замолкали все вокруг, мгновенно обращая внимание на коменданта, — расходитесь. У всех нас достаточно

дел. Комэск Всполох, за мной. Расскажите мне свою историю подробно. Товарищ начальник лётной части и товарищ Готлинд, идёте тоже. Мне бы хотелось услышать ваше мнение относительно сложившейся ситуации.

— Вы не забыли обо мне? — напомнил о себе уполномоченный Соловца Долгомил.

Комендант не особенно любил Долгомила. Собственно, мало какому командиру понравится наличие не подчиняющегося ему человека. Да ещё и человека, который имеет полное право сместить командира, и даже приговорить к смерти, приняв на себя командование. Это наследие гражданской войны, сотрясавшей Урд, когда тот из царства превращался в Народное государство. Тогда у молодой власти не было доверия к командирам, даже принявшим её. Многие из них, попав на фронт, предавали и перебегали на сторону аристократов Адмирала. Они уносили с собой ценные сведения, а то и уводили целые воинские части. Солдаты часто были преданы своим командирам намного сильнее, чем столичным властям. И готовы идти за ними куда угодно.

— Не забыл, — ответил комендант. — Ваше присутствие само собой разумеется. Не думал, что вам, товарищ уполномоченный, требуется отдельное приглашение.

Долгомил глянул на него своим знаменитым на весь Соловец взглядом исподлобья. Однако ничего говорить не стал.

Всей нашей небольшой процессией мы направились к коменданту. Рассевшись за его большим столом, мы выслушали более полную версию рассказа комэска Всполоха. В общем-то, от краткой она отличалась не сильно. Он припомнил количество истребителей Блицкрига. Когда именно они взлетели и докуда сопровождали аэроплан Всполоха. Отвечал ли комэск им огнём и не сбил ли кого.

— Пару «Шмелей» я расстрелял, — честно ответил тот. — Но первым огонь открыли они. Я думал, что просто покружим. Ну, изобразим атаку. Ведь бывало же такое. — Он повернулся ко мне.

Я кивнул. Да, встречаясь с аэропланами, что имперскими, что блицкриговскими, мы бывало изображали заход на атаку. Но огня никто не открывал. Наши страны всё-таки не воевали. И никому, несмотря на все наши воздушные дурачества, не хотелось давать им повод.

— А тут, — продолжал тем временем Всполох, — только увидели меня — и тут же давай палить! Я сначала обалдел от такого. Но быстро собрался, конечно же, и открыл ответный огонь. У меня ведь стоит в дополнение к паре пулемётов ещё и пушка, вот и вдарил по ним изо всех стволов.

«Ураган» представлял собой новый тип аэропланов. Не истребитель, но и не бомбардировщик. Их называли штурмовиками, потому что чаще аэропланы этой модели применяли для атаки на наземные укрепления противника. Так называемой воздушной штурмовки. Кроме пары пулемётов, «Ураган» оснащали ещё и мощной пушкой, способной пробить танковую броню. Однако и в воздухе штурмовики представляли собой грозную силу. Пушка его была точнее пулемётов, хотя и несколько медленней стреляла. А от пары попаданий лёгкие аэропланы, вроде «Стрижа» или «Ласточки», буквально разлетались на куски.

Лишь несколько раз, в самом конце войны, нам пришлось столкнуться с «Ураганами». Драка в небе была страшной. Мы сумели перебить всех нейстрийцев, но это стоило нашей эскадрилье очень дорого.

— Блицкриговцы, конечно, ребята не промах, — говорил Всполох, — но, верно, не

рассчитывали, что я так быстро опомнюсь. Я из пушки развалил ведущего. Только куски фюзеляжа в разные стороны полетели. Ведомый уйти хотел, но от меня не уйдёшь! Докрутил я вираж — и врезал ему в борт. «Шмель» машина вёрткая, да больно маленькая. Одной очередью из пулемётов я его чуть не надвое развалил. Добавил потом из пушки — для верности. Смотрю, летун выпрыгнул с парашютом.

— А пока ты дрался с этими двумя, — заметил уполномоченный Долгомил, — на тебя другие напали.

— Так и есть, товарищ уполномоченный. Подняли в воздухе целых две эскадрильи. «Шмелей» и «Шершней». Мне пришлось удирать во все лопасти. А они меня чихвостили из всех стволов. Думал я, что уже конец мне пришёл. Если бы не была моя птичка такой живучей, не дотянул бы до Берестья.

О живучести «Ураганов» ходили легенды ещё на фронте. Вот и тут аэроплан Всполоха оправдал их полностью.

— Значит, товарищи, война не за горами, — резюмировал комендант. — С завтрашнего дня крепость на военном положении. Никаких больше полётов к линии фронта. И свяжитесь с Берестьем. Там, возможно, всё видели и поняли, однако стоит всё же подстраховаться.

— Не забывайте, товарищ комендант, — решительно произнёс уполномоченный, — что это может быть провокация со стороны блицкриговской военщины. Они так и ищут повод для нападения на нас.

— Мы им его уже дали, товарищ уполномоченный, — мрачно бросил комендант. — Вполне достаточный для объявления войны. Вы ведь отлично знаете о заготовленной ноте с открытой датой. Война с нами для Блицкрига дело давно решённое. И нам остаётся лишь одно — достойно встретить этого врага.

— Первый удар Блицкриг нанесёт по Берестью, — задумчиво произнёс Долгомил. — Мы же по плану должны прикрывать его с воздуха в течение двух суток. И ещё в течение двух суток мы должны обороняться сами.

— Нам известны эти сроки, товарищ уполномоченный, — кивнул комендант. — Спасибо, что столь любезно напомнили нам о них. Но мы всё же постараемся эти сроки несколько скорректировать. В сторону увеличения.

— Вы считаете, что нам удастся сделать это? — усомнился уполномоченный.

— Мы все, — комендант тоном выделит это слово, — должны приложить к этому все, — снова выделяет тоном слово «все», — усилия. Не так ли, товарищи?

— Именно так, — закивали мы.

Не знаю, как другие, а я в этот момент почувствовал себя фарфоровым болванчиком. Сидишь себе и киваешь, как только тебя в затылок подтолкнут. Говорить ничего не обязательно. Непонятно даже, для чего меня позвали.

— Товарищ начальник лётной части, — обернулся к нему комендант, — с завтрашнего дня все полёты будут производиться только на безразгонниках, купленных у Китобоев. Аэропланы старого образца оставить в резерве. Пускай летуны привыкают к машинам, на которых им придётся в скоро времени воевать.

Затем комендант повернулся в мою сторону.

— Ни радио, ни телеграфной связи с крепостью Китобоев у нас нет, — сказал он. — Потому предупредить их о скорой войне придётся вам, товарищ Готлинд.

— Так точно, — снова кивнул я, чувствуя себя болванчиком. — Отправляюсь в полёт сразу по окончании этого совещания.

— Товарищ Лешек, — снова повернулся к начальнику лётной части комендант, — как вы считаете, стоит ли все аэропланы перевести с лётного поля за стены крепости?

— Пока рано, — покачал головой тот. — Пока не пало Берестье, наземные войска врага не смогут добраться до нас. Взлетать и садиться лучше всё же на нормальном поле, а не с единственной полосы.

— Понятно, — кивнул комендант. — Вопросы будут? Ко мне? К вашим товарищам? — Он оглядел всех собравшихся. Никто ничего говорить не стал — вроде как нечего. — Тогда все свободны.

Мы покинули его — и отправились каждый по своим делам. А их в преддверии войны у каждого вдруг обнаружилось много. Бойцы и командиры взялись писать письма домой — родным, жёнам, невестам. Каждому хотелось сказать что-то, на что не хватало времени в мирной жизни. После этого проверяли оружие. Пушки на башнях и стенах крепости. Отдельно — главное орудие Соловца.

Эта мощнейшая мортира калибром в 450 миллиметров швыряла снаряды на чудовищное расстояние. Оно предназначалось для поражения воздушных судов, атакующих не только Соловец, но и Берестье. Для этого на башне был установлен дальномер, как на линкорах. Говорили, что за снарядом образовывалась такая зона турбуленции, что вполне может затащить аэроплан. Не хотелось бы мне на своём примере узнать — правдивы ли эти слухи.

Я сел за штурвал «Шмеля» и отправился в короткий полёт к крепости Китобоев.

Бронд встретил известие о скорой войне в свойственной ему манере.

— Значит, нам предстоит славная охота! — усмехнулся он, грозя кулаком блицкриговцам — Время нам наточить поострей гарпуны!

И вот война добралась до Народного государства. Спустя неделю после того, как обстреляли Всполоха, блицкриговские войска перешли границу. Без формального объявления войны. Как, впрочем, было и с Империей несколькими годами раньше. Сняв в первые дни погранзаставы, армия Блицкрига всеми силами обрушилась на Берестье. Но тут они пообломали себе зубы. Слишком крепким орешком оказалась крепость. Да и помощь Соловца играла не последнюю роль.

Главный калибр, как на флотский манер называли огромную пушку в крепости, стреляла примерно раз в десять минут. Начинаясь обстрел, как только из Берестья по радиотелеграфу сообщали об очередном штурме. Хотя иногда обходились и без этого. Если боец, приставленный к дальномеру, видел в его мощные линзы воздушные суда Блицкрига. Тогда по ним незамедлительно открывали огонь.

Мы вылетали каждый день. И не по одному разу. Конечно, сражаться приходилось ещё довольно далеко от Соловца. На полёт уходило не меньше получаса, а вот дрались около десяти минут. Но как дрались!

Блицкриговцы прикрывали свои войска, идущие на приступ стен Берестья, с таким упорством, какого я не видал даже у нейстрийцев, сражающихся за своё небо. Здесь дела были намного жарче. Мы возвращались из каждого вылета на издырявленных аэропланах. И, как правило, без единого патрона в пулемётах. Но и не было ни единого вылета без потерь. К земле устремлялись горящие аэропланы Соловецкого гарнизона. В эту войну уже не считалось чем-то дурным использовать зажигательные боеприпасы.

Военная рутина быстро затягивала нас. Уже не был столь весел комэск Всполох. Взгляд его заметно потемнел. И с каждым днём испарялся неистребимый, казалось, оптимизм молодого человека. Да и остальные летуны — тоже мрачнели с каждым часом. Среди них ведь не было ни одного человека с опытом войны. Кроме меня, конечно, но я, в общем-то, не счёт. Я ведь был почти чужим человеком в крепости. Пусть ко мне и привыкли, но даже после истории с покупкой безразгонников у Бронда, своим для них я не стал.

Берестье должно было продержаться двое суток. Крепость оборонялась больше двух недель. И сдалась только после того, как к ней прибыл целый флот блицкриговцев. Во главе с отлично знакомым крейсером «Дерфлингер».

Он принялся обстреливать Берестье из всех стволов. При этом он предусмотрительно держался вне радиуса поражения главного калибра Соловца. Лишь раз его комендорам — артиллеристов, обслуживающих главный калибр называли на флотский манер — улыбнулась удача. Один эсминец оказался весьма неосторожен. И тут же поплатился за это!

Мы дрались в небе недалеко от того места, где это произошло. Атаковали аэропланы, сопровождающие блицкриговскую эскадру. И все мы стали свидетелями гибели неосторожного эсминца. Громадный снаряд, который, казалось, можно было разглядеть в полёте, врезался в борт воздушного корабля. Он проделал в его броне изрядную дыру. Из неё вырвалось пламя, что могло бы сжечь аэроплан, а то и пару. Следом такой столп пламени ударил с другого борта эсминца. Нос воздушного корабля отвалился в считанные мгновения. Меч превратился в жалкий обломок. Вскоре и само небесное судно устремилось к земле вслед за собственным носом.

Из-за этого битва в небе прервалась на несколько секунд. Мы забывали жать на гашетку,

чтобы уничтожить врага, находящегося в перекрестье прицела. Уходили от врага, отвлекшегося на созерцание гибели их воздушного судна. Едва не сваливались в слишком глубокие пике, а то и штопор. Какой-то блицкриговец на «Шершне» едва не врезался в зубцы одной из верхних башен Берестья. Он едва успел вытянуть аэроплан, но тут же стал жертвой пулемётчиков, обороняющих крепость. Те ловко зажали его в клещи длинными очередями. Зажигательные патроны крупного калибра буквально изрешетили его. Он завертелся волчком — и, исходя дымом, стремительно полетел к земле. Кажется, даже успел догнать падающий эсминец.

Присутствие «Дерфлингера» решило судьбу Берестья. Крепость пала под залпами мощных орудий линейного крейсера. Её стены и форты были разбиты — буквально рассыпались после попаданий его снарядов. Ни камень, ни кирпич не могли устоять против них.

В проломы устремились солдаты армии Блицкрига. Их было в несколько раз больше, чем уставших от длительной осады урдцев и бойцов Имперского легиона. Так называли теперь соединение, собранное из дилеанских подданных, нашедших приют в Берестье. Бой внутри крепостных стен был жарким и жестоким. О нём нам рассказывали немногие выжившие. Поняв, что Берестье уже не удержать, они вышли из ворот, вынося на носилках раненных, и самого коменданта крепости. И отступали до самого Соловца, что называется, спиной вперёд.

Всё это время в небе над ними шла жесточайшая схватка. Её после назовут Соловецкой мясорубкой. Блицкриговские аэропланы постоянно устраивали налёты на отступающих солдат. С каким-то остервенением обстреливали они колонны шагающих по дорогам бойцов, оставляя трупы с тлеющими от попаданий зажигательных пуль ранами. Мы же бросались на помощь товарищам, стараясь спасти как можно больше, хоть это и было очень тяжело. Почти невозможно.

Мы спали считанные часы, да и то, пока ремонтировали и заправляли патронами наши безразгонники. Ну, и меняли в них батареи, конечно. Ели урывками, питаюсь по большей части шоколадом, запивая водой, подкрашенной вином. Так она имела хоть какой-то вкус. И всё же, мы, казалось, не чувствовали усталости. Военлёты рвались в бой. Даже раненые сбегали подчас из госпиталя, чтобы как можно быстрее сесть за штурвал аэроплана. Им никто не мешал, потому что слишком уж мало было летунов в Соловце. Каждый человек был на счету. Хотя не раз на лётное поле прибегали сёстры милосердия, а то и врачи с дюжими фельдшерами. Они стремились вернуть строптивых пациентов обратно на госпитальные койки. И сделать это удавалось далеко не всегда.

— Товарищ военврач, — сказал как-то начальник лётной части доктору в пенсне, примчавшемуся забрать в лазарет комэска Всполоха, — вы лучше возвращайтесь к себе. Не пройдёт и двух дней, как у вас будет достаточно работы. Вы ведь не забыли, что к Соловцу идут люди из Берестья. А среди них очень много раненых. Стоит ли отвлекаться на царапины Всполоха.

— Да вы понимаете, что раны Всполоха весьма опасны! — воскликнул врач, сдёргивая с носа пенсне и принимаясь энергичным движением протирать их. — Ему нужно полноценное лечение и постельный режим.

— Товарищ военврач, — рассмеялся Лешек, провожая взглядом взлетающий безразгонник Всполоха, — мне кажется, что вы больше усилий приложите, чтобы загнать комэска Всполоха в лазарет и удержать его там. Потратьте их с большим толком, мой вам

совет.

Возмущённый врач водрузил пенсне обратно на нос и с самым решительным видом отправился обратно в сторону крепости. Флегматичные фельдшеры последовали за ним.

— Вас всех, товарищи военлёты, — обернулся врач, окунув всех нас взглядом поверх пенсне, — скоро придётся лечить от истощения. И нервного в том числе.

И, почувствовав себя, наверное, победителем, удалился.

— А ведь это лучший хирург, — сказал Лешек. — Его из самой столицы сюда направили. За два поезда до вас приехал. В Медико-хирургической академии преподавал. Теперь вот его к нам направили. На усиление, так сказать.

— В Берестье старший военврач тоже из Академии, — сказал стоявший тут же летун Баташ, отличающийся тем, что знает всё и обо всех. — Профессор и доктор медицинских наук. Светило, в общем, какое-то.

— Надеюсь, он идёт к нам, вместе с остальными отступающими из Берестья, — вздохнул Лешек. — Врачи нам скоро понадобятся. Очень скоро.

Лешек летал с нами. Он совершенно забросил остальные дела. Лётная часть существовала практически сама по себе. Все полагались на своих непосредственных командиров. Ведомые на ведущих. Те — на командиров эскадрилий. Механики — в основном друг на друга.

Среди них, вообще, царил натуральный обмен. А дважды в день они собирались и отправлялись, как стали вскоре шутить, в налёты на крепостной склад. Тогда работники хозобеспечения Соловца занимали круговую оборону, и у них начиналась своя война. За каждые винт, болт или гайку. Однако запасы крепости стремительно таяли.

— Скоро нам летать будет не на чем, — сказал как-то Лешек. — Это мне комендант так говорит. И уже не первый день.

— А Китобой? — спросил тогда у него я.

— Раз в два дня от них приходит корабль, загруженный запчастями, — ответил начальник лётной части. — Об оплате Бронд пока молчит. Комендант уже смеется, что ему останется только пулю в лоб пустить, когда командор Китобоев предъявит за всё счёт.

Я не стал тогда говорить, что пулю любой из нас может куда быстрее получить от блицкриговцев.

А их с каждым днём только прибывало. Нас же становилось всё меньше.

Теперь мы могли атаковать врага только, когда уже заходил на колонны отступающей пехоты. Сваливались с большой высоты. Именно поэтому особенно любили облачность. Одна две коротких очереди — десяток зажигательных патронов из обоих пулемётов, и блицкриговские аэропланы валятся на землю, объятые пламенем и исходящие дымом. И вскоре нас стали поджидать группы истребителей прикрытия. Они дрались с нами, пока их большие тяжёлые машины, вроде «Шершней» и «Трутней», расстреливали и забрасывали бомбами отступающих из Берестья. Рискуя жизнью, мы прорывались к ним и тогда уж обрушивали на них весь наш гнев. Однако очень скоро эта тактика стала для нас слишком расточительна. Из каждого боя не возвращались аэропланы — один, а то и два, и три. А новые аэропланы и летунов нам брать было просто неоткуда.

— Значит так, — сказал нам на ночном собрании Лешек, — надо что-то придумывать. И чем скорее мы придумаем, что делать, тем дольше проспим.

Погода стояла просто жуткая. Низкая облачность, то и дело сыпавшая мелким дождём. Тут и днём-то не особенно налетаешь, а уж ночью — так и подавно. Если и взлетишь,

сделаешь круг, то обратно на лётное поле дорогу можно уже и не найти. Значит, получится поспать немного дольше, чем ремонтируют и заправляют аэроплан. Однако в этот раз у начальника было к нам серьёзное дело. Пора было уже что-то решать со сложившейся в воздухе ситуацией. Мы теряли людей и аэропланы, а ведь до осады ещё дело не дошло. От обсуждения были освобождены лишь те, кто только вернулся из вылета.

— Прошу высказываться, товарищи военлёты, — подбодрил нас Лешек. — Не спать, товарищ Баташ! Пните его кто-нибудь. А то он никак не проснётся. Полтора часа спать по нынешним временам и без того непозволительная роскошь.

Баташ встрепенулся от хорошего пинка в голень. Закрутил головой со всклокоченными волосами.

— Говори давай, — рывкнул ему прямо в ухо Всполох. — Все тебя ждут!

Все, несмотря на общее не самое весёлое настроение, принялись прятать улыбки. Очень уж смешно выглядел всезнайка Баташ с широко распахнутыми со сна глазами и вихрами, торчащими в разные стороны.

— А надо и нам также! — неожиданно для всех выпалил он. — Заходить двумя группами. Одна идёт на прорыв к «Шмелям» и «Трутням». А вторая — прикрывает её.

Улыбающиеся военлёты, и я в том числе, уставились на него. Мы, конечно, не считали его дураком, но вот так, сходу решить проблему, над которой собирались биться едва ли не до самого утра. Да ещё и спросонок. Это надо быть гением, по меньшей мере.

— Спасибо вам, товарищ Баташ, — произнёс Лешек. — Вы дали нам время выспаться. — Все уже хотели подниматься, чтобы отправиться на боковую до хорошей погоды, но ни тут то было. — Погодите, товарищи, — остановил нас начальник лётной части. — А разрабатывать тактику воздушного боя с учётом предложения товарища Баташа?

Мы начали рассаживаться обратно. Быть может, спать нам придётся не так долго, как казалось только что.

В очередной патруль над отступающими колоннами, мы полетели уже новым порядком. Тяжёлые аэропланы и штурмовики летели в нескольких десятках метров ниже нас. Мы же, на оставшихся безразгонниках, буквально нависали над ними. Старались прятаться в облаках. В этот раз нам сопутствовала удача. Облачность была довольно низкая и очень плотная. Если так продлится подольше, мы сможем на сей раз сильно потрепать врага. Но в первую очередь для этого нам всем нужна железная выдержка.

Блицкриговские аэропланы вынырнули из облаков и тут же обрушились на шагающих по дорогам бойцов и телеги с раненым. Длинные очереди косили людей. Пушки штурмовиков разносили грузовики и подводы. Только горящие остовы стояли в дорожной пыли. А вокруг них валялись трупы. Многие с тлеющими белыми повязками поверх формы. В этой войне раненых не щадили.

Приходилось, стиснув зубы, следить за этим избиением. Воздушное охранение врага должно увериться, что в этот раз атаки с нашей стороны не будет. Быть может, и его аэропланы присоединятся к атаке на отступающих. Но нет, блицкриговцы оказались более дисциплинированными, чем мы думали. Значит, пришла пора атаки штурмовиков и тяжёлых истребителей.

Летуны первой волны аэропланов бросили свои машины вниз. Обрушились на заходящих в очередную атаку врагов. Те тут же начали выводить аэропланы из пике. И одновременно из облаков на наших товарищей ринулось охранение. Ну а мы в свою очередь атаковали их.

Я бросил своего «Шмеля» в бой с, казалось, уже прочно забытым со времён прошлой войны остервенением. Вновь передо мной был враг. Враг, которого надо ненавидеть. И уничтожать без сожаления. Поймав в прицел вражеский аэроплан, я, не задумываясь, нажал на гашетку. Два пулемёта выдали короткие очереди. Расстояние было великовато — стрелял я больше для острастки и чтобы привлечь внимание к себе. Но мне повезло. Вражеский «Шмель» задымил, закачался в воздухе и устремился к земле. Бывают такие счастливые случаи. Ну, или несчастные, это уж кому как повезёт.

Охранение на лёгких, маневренных аэропланах быстро развернулось, чтобы противостоять нам. Их было больше, но на нашей стороне фактор внезапности. Значит, надо как можно скорее уравнивать численность. Мы били длинными очередями, не жалея патронов. Вспышки зажигательных пуль чертили облака. Несколько вражеских аэропланов рухнули вниз, объятые пламенем. Не критично, но всё же лучше чем ничего.

Я проскочил через охранение и тут же развернул своего «Шмеля» на новый заход. В лобовую атаку на меня ринулась вражеская «Оса». Лёгкий истребитель, скорее даже разведчик, всего с одним пулемётом. Но летун за его штурвалом сидел невероятной отваги. Или просто сумасшедший. Он открыл стрельбу, поливая меня длинными очередями зажигательных пуль. Я бросил «Шмеля» в сторону, уходя с линии огня. Мой аэроплан дёрнулся от пары попаданий, но калибр пулемёта «Осы» маловат, чтобы пробить даже лёгкое бронирование моей машины. Теперь уже я поймал врага в перекрестье — и не задумываясь ни мгновения, врезал по нему из обоих стволов. Зажигательные пули пробиты двигатель. Разнесли на осколки ветровое стекло. Превратили лицо вражеского летуна в кровавую маску.

Я пронёсся мимо падающей «Осы» — выбрал себе новую цель. Чёрный корпус с жёлтым носом — блицкриговский «Шмель». Это будет схватка посерьёзней!

Мы проскочили друг мимо друга на полной скорости. Враг тоже выбрал меня для схватки. Тем лучше. Люблю честные схватки. Резко сбросив скорость, я развернул аэроплан для атаки сверху. Противник тоже не протянул ни единой лишней секунды. Он вывел машину из пике — и ринулся мне навстречу. Мне показалось, что мы одновременно нажали на гашетку. Четыре пулемёта застучали. Четыре трассы рванулись навстречу. И оба мы вовремя отвернули. Ни одного попадания.

Теперь главное — не дать блицкриговцу сесть мне на хвост. Парень он хваткий — вряд ли получится его сбросить. А тогда уж пиши пропало.

В зеркальце, закреплённое на ветровом стекле, я увидеть его не смог. Но был уверен, что сейчас он повторяет мой манёвр. Тот, что выполнил считанными секундами раньше. И говорить об обрушении на меня всей мощью своих спаренных пулемётов. Атаковать навстречу снизу — слишком банально. Надо искать более сильный ход. Я не стал выводить аэроплан из пике. Кожей на спине ощутил нацеленные в неё пулемёты. Блицкриговец сейчас, наверное, празднует победу. Уходя от очередей, я закрутил крутой штопор. То слева, то справа замелькали трассы зажигательных пуль. На очередном витке нырнул в весьма кстати попавшееся облако, оставив врага с носом.

Заложив крутой вираж, я дал полную тягу двигателю. Рассекая облака, мой аэроплан нёсся вслепую. Всё зависит от действий моего противника. Ну, и везения тоже. Не без этого. Не знаю уж, повезло ли мне, блицкриговец ли оказался столь предсказуем, но я вынырнул из облаков прямо перед бортом его чёрно-жёлтого «Шмеля». Я нажал на гашетку, не задумываясь. Тело работало само по себе. Пулемёты выплюнули длинную очередь.

Зажигательные патроны буквально разрубили блицкриговца напополам. Страшно — вдоль корпуса. Вражеский аэроплан сразу же начал разваливаться на части. Посыпались куски брони, какие-то детали двигателя, тело пилота. Одним врагом меньше.

Но пока я с увлечением гонялся за блицкриговским «Шмелём», три вражеских аэроплана сели на хвост комэску Всполоху. Это живо напомнило мне бой с теми же блицкриговцами. Тот самый, что стал поводом к новой войне. И в этот раз я собирался спасти товарища, чего бы это мне ни стоило. Несмотря даже на то, что ведомого у меня не было.

Я бросил аэроплан в атаку, садясь на хвост врагам. Открыл огонь длинными очередями, не жалея последних патронов в обоих пулемётах. Я кидал машину из стороны в сторону, стараясь зацепить первым блицкриговца, который был ближе других к Всполоху. Но эти манёвры привели лишь к тому, что я почти без толку растратил патроны. Трассы зажигательных пуль мелькали в воздухе, но попасть я толком ни в кого не попал.

Всполох крутился в безумном крутом штопоре. Бросал аэроплан из стороны в сторону. Но его неумолимо зажимали, словно в клещи. Дёрнется влево — там уже сверкают длинные очереди. Вправо — та же картина. Остаётся только сумасшедший штопор на разных углах наклона.

Я дал полную тягу, но нагнать тройцу, висящую на хвосте у Всполоха, уже не успевал. Да и патронов оставалось очень мало. Едва ли хватит, чтобы вывести из строя хотя бы один из них. Я тщательно прицелился в хвост ближайшему врагу — и нажал на гашетку. Пулемёты выплюнули короткие очереди. Зажигательные пули рубанули по вражеской машине. Та задымила — и ушла с линии огня.

Но оставшиеся, казалось, удвоили усилия, стараясь сбить аэроплан Всполоха. Патронов же у меня оставалось всего-ничего. Да и враги уже не подставлялись так, как их незадачливый товарищ. На долгое и аккуратное прицеливание времени уже не было. Пришлось бить наобум. И на этот раз мне повезло. Пули прошли выше, чем нужно, и попали в голову блицкриговского пилота. Я увидел, как она взорвалась, будто перезрелый плод. Его аэроплан скапотировал и, сорвавшись в неуправляемый штопор, устремился к земле.

Я всё ещё висел на хвосте у последнего врага, атакующего Всполоха. Вот только стрелять мне было уже нечем. Не раз жал я на гашетку, когда блицкриговец попадал в перекрестье прицела, но пулемёты отвечали мне только щелчками. Мне оставалось только нервировать врага.

Аэроплан промелькнул в воздухе с такой скоростью, что я даже не понял, чей он. Машина врезалась в блицкриговского «Шмеля», буквально сметя его. Обе они полетели к земле, разваливаясь на куски.

Я дёрнул штурвал на себя, уводя машину влево, чтобы не врезаться в облако обломков. Всполох ловко вывел свой аэроплан из штопора. Поравнялся со мной. Показал мне большой палец. Я отсалютовал ему. Пора было возвращаться, чтобы заправить своего «Шмеля» патронами для пулемётов и сменить аккумуляторы. Драка тут, по всей видимости, ни на один час. Успею вернуться далеко не к шапочному разбору.

Ставшая впоследствии известной атака лёгкой кавалерии произошла именно под стенами Соловца. И я принимал в её отражении самое прямое участие.

Отступающие из Берестья колонны, наконец, добрались до Соловца. Даже сверху всё это скопление грузовиков и подвод, заваленных ранеными, выглядело жутковато. Но когда они движутся мимо тебя. Ты видишь их на расстоянии вытянутой руки, можешь коснуться

рукой невообразимого цвета перевязки. Мимо тебя катятся подводы и грузовики, через борта которых часто свешиваются руки-ноги раненых. И не понять, есть ли кто живой там, в кузове, или уже все покойники.

Рядом с подводами и грузовиками шагали усталые бойцы. В пыльных гимнастёрках, покрытых тёмными пятнами пота. В богатырках со скрещёнными косой и молотом. Вместе с ними, не обособляясь, шли солдаты имперского легиона, в дилеанской форме. Все несли на плечах винтовки и ручные пулемёты. Впряжённые вместо тягловых лошадей, волокли полевые орудия. Однако, видя нас, летунов, они салютовали нам, несмотря на чудовищную усталость отступающих.

Я первым подошёл к шагающей колонне бойцов народной армии. Снял с пояса фляжку и протянул первому попавшемуся. Боец в простреленной богатырке, с перевязанной головой, взял её, сделал пару коротких глотков. Передал товарищу. В единый миг фляжка опустела. Её быстро вернули мне.

Следующим подошёл комэск Всполох. За ним ещё кто-то из летунов. А после подтянулись и механики. Несли воду и не только. Часто протягивали целые вёдра. И бойцы, уставшие от пыли и долгого марша выпивали их не намного медленней, чем фляжки. Воду подносили обессиленным раненым. Кроме тех, кто получил пулю или осколок в живот. Этим можно было только смочить губы. Но нам этого не доверяли сёстры милосердия и санитары. Они забирали у техников воду и ходили среди медленно катящихся повозок и грузовиков.

Из-за этого продвижение колонны раненых практически остановилось. Люди заполнили окрестности лётного поля. Казалось, они не спешат войти под стены крепости.

Патрульный аэроплан заметили не сразу. А когда увидели, то над лётным полем тут же пронёсся сигнал тревоги. То ли кто-то включил по ошибке. То ли этот кто-то был научен горьким опытом войны. Ведь аэроплан — не безразгонник — заходил на посадку кое-как. Двигатель его отчаянно дымил. Вслед за машиной в воздухе тянулся чёрный след.

Однако посадить его летун сумел, несмотря ни на что. Пилот это был опытный, успевший, как и я, повоевать ещё в прошлую войну. Он был старше меня, и куда консервативней. Предпочитал старые модели купленным у Бронда безразгонникам. Собственно, поэтому его и отправляли в основном в патрули. В бою с новыми машинами Блицкрига у него было немного шансов. Но в своём деле летун показал себя отлично.

— Авангард противника, — сказал он, не выбираясь из кабины. Только стянул с головы пилотский шлем. Мокрые волосы его слиплись от пота. — Конница и броневто. Едут во весь опор к нам.

— А в воздухе? — спросил у него Лешек. — Кто в воздухе?

— Только истребители, — откинувшись на спинку, произнёс летун. — Не больше эскадрильи. Отогнали меня — и всё.

Вот тогда и пронеслось над лётным полем, вместе с сигналом тревоги, вошедшее в историю «Все, способные держать оружие...». И смертельно уставшие, отступавшие несколько суток почти без передышек бойцы народной армии остановились. Они не ушли в крепость. Развернув орудия, они установили их на краю лётного поля. Вместе с механиками принялись окапывать их, сооружая примитивные земляные заграждения. Другие спешно рыли окопы, устанавливая на них пулемёты. Залегали в них, так что через четверть часа лётное поле оцетинилось настоящей стеной штыков. Пусть и довольно редкой, но это больше того, чем мы располагали получасом раньше.

Мы залегли вместе с бойцами. Поднимать в воздух аэропланы времени уже не было. Даже безразгонник не подготовить к вылету так быстро. Ведь жизнь на лётном поле практически остановилась, когда мимо него шла колонна отступающих.

Я плюхнулся к неглубокий окопчик рядом с бойцами дилеанского легиона. Они носили имперскую форму, мало изменившуюся со времён прошлой войны. Вооружены мои соотечественники были кто урдскими, а кто и имперскими ещё винтовками. Благо, калибр один у всех. Я со своим здоровенным пистолетом, что забрал с трупа Вадхильда, выглядел как-то комично.

— Ты его спрячь пока, — кивнул на моё оружие легионер с нашивками сержанта. — Тут более серьёзное оружие нужно.

Говорил он на урдском с чудовищным акцентом. Я едва разбирал слова. Однако перебивать не стал. Говорить на плохо знакомом языке сержанту было и без того сложно. Легионер протянул мне длинную винтовку имперского образца.

— Умеешь пользоваться?

— Умею, — ответил я на имперском, пряча пистолет в кобуру и принимая у сержанта винтовку. — Хотя мне ближе пулемёт, конечно.

— Так это ты тот самый Готлинд, — хлопнул меня по плечу сержант. — Наслышаны мы о тебе.

— Я о вас — тоже, — ответил я.

Приложившись к прицелу винтовки, я поглядел на будущее поле боя. Врага ещё видно не было, но наши полевые орудия уже заговорили. Они стреляли раз за разом, посылая снаряды один за другим. К небу взлетали столбы земли.

— Скоро они будут здесь, — произнёс офицер со звёздочками лейтенанта. — Вот, поглядите, товарищ Готлинд.

Он протянул мне бинокль. Отложив винтовку, я приник к его линзам. И тогда мелькающие где-то почти на горизонте фигурки превратились кавалеристов и бронемашин. Всадники гнали коней во весь опор. Бронеавтомобили выжимали все силы из двигателей.

— Хотят взять нас прежде, — предположил я, — чем успеем загнать аэропланы в крепость.

Механики и те из раненых, кому уже не хватило места в окопах и у орудий, сейчас занимались тем, что как раз затаскивали аэропланы в Соловец. Они цепляли их к артиллерийским тягачам и даже накидывали на машины подобие упряжи, впрягая в неё лошадей, а то вставляли под ярмо сами. Лишь бы поскорее втащить их за стены крепости.

— Значит, — произнёс лейтенант, забирая у меня бинокль, — продержимся достаточно, чтобы спасти ваши аэропланы.

— Не ваши, — не удержался я напоследок от шпильки, — а — наши.

— Теперь, — как-то угрюмо-философски произнёс сержант, который дал мне винтовку, — всё, что тут, наше. А всё, что их, — он махнул рукой в сторону приближающихся блицкриговцев, — вражье.

Выстрелы орудий стали чаще. Враг приближался — целиться по нему уже не надо было столь точно. Взрывы переворачивали бронеавтомобили. Осколочные снаряды косили скачущих во весь опор кавалеристов. Мне отчаянно хотелось сейчас взлететь над этим полем боя. Пройтись на бреющем полете, поливая врага длинными очередями из обоих пулемётов. А совсем не лежать в окопе с винтовкой и ждать врага на земле.

Когда рядом без команды принялись палить легионеры, я понял, что пора и мне. Выбрав цель, я нажал на курок. Приклад с силой ударил мне в плечо. Не попал. Всадник, как скакал, так и продолжал скакать. Оказывается, я успел прочно позабыть, как передёргивать затвор винтовки. Я провозился с ним не меньше полуминуты, прежде чем сумел-таки загнать патрон в патронник. После этого я снова прицелился — и выстрелил. В этот раз попал. Всадник свалился с седла, раскинув руки каким-то почти театральным жестом.

Но всё-таки я быстро попал в ритм стрельбы. Вот только попадал редко. Непривычен я к неавтоматическому оружию. Мне бы очередь не меньше пяти патронов, тогда результат был бы куда лучше.

— Надо было тебе, Готлинд, — усмехнулся сержант, — снайперский прицел на винтовку ставить. Без него ты уж очень плохо попадаешь.

Он протянул мне несколько пачек патронов. Я рассовал их по карманам куртки. Одну обойму сразу же загнал в магазин винтовки.

— Мне пулемёт привычней, — ответил ему я. — А ещё лучше аэроплан с парой пулемётов.

— Ну уж чего нет, — пожал плечами сержант, — того, извините, нет. Зато патронов полно.

Я прицелился в очередного кавалериста. Выстрелил. И даже сам удивился тому, что снял его с седла. У второго прикончил коня. Они повалились вместе. Ни один не встал. А вот остальные выстрелы оказались не столь удачны. Трижды выстрелив и ни в кого не попав, я быстро загнал в магазин новую обойму. Снова прицелился. Из этой обоймы был только один сколько-нибудь удачный выстрел. Да и то мне не удалось прикончить кавалериста. Он дёрнулся от попадания пули, но удержался в седле.

Теперь уже и по нам вели огонь. На полном ходу броневомобили врага поливали окопы длинными очередями. Всадники же то ли дело вскидывали к плечу карабины. Вряд ли кто-то из них всерьёз рассчитывал попасть, но это заставляло нас держать головы пониже. Как-то не особенно хочется надолго высовываться из окопа, когда над головой свистят пули.

— Скоро дело дойдёт и до твоего пистолета, — усмехнулся сержант, перезаряжая свою винтовку.

Он стрелял заметно быстрее меня. И, наверное, бил куда точнее.

А кавалеристы и броневомобили всё приближались. Полевые орудия и пулемёты стреляли уже, казалось, без остановки. Взрывы снарядов переворачивали броневики. Длинные очереди и осколки косили всадников вместе с лошадьми. Теперь уже и нам целиться не надо было почти. Не по пехотной цепи, конечно, стрелять. Где солдаты шагают практически плечом к плечу. Но всадник с конём представляет собой отличную мишень. Его даже с воздуха снять можно — прикончить одной очередью. Конечно, если это не приснопамятный Избыгнев.

— Дойдёт до рукопашной, — снова перезаряжая винтовку, наставлял меня сержант, — сразу бросаем окопы — и бегом на поле. Между построек обороняться сподручней будет.

— Почему не в окопе? — зачем-то спросил я.

— Неглубокий он, — потратил время на ответ сержант. — Тут нас быстро саблями порубят и пиками переколют.

Но до рукопашной не дошло. Нам удалось остановить врага. Снаряды пробивали стенки броневиков, превращая их в исходящие дымом остовы. Пули буквально косили всадников. Тут старались и пулемётчики, и мы.

Немногие оставшиеся спешенные кавалеристы, побросав пики, укрывались за броневиками. Теперь они отступали, отстреливаясь из карабинов. Броневики же катили задним ходом, поливая наши окопы длинными очередями.

Это отступление могло бы превратиться в настоящее избиение, будь у нас своя кавалерия. Конечно, блицкриговцам и так приходилось туго под обстрелом пушек и пулемётов. Но всё же многим удалось уйти. Хотя отступить врагу пришлось в прямом смысле по телам своих же товарищей. Шагать среди трупов людей и лошадей и часто всё ещё горящих остовов броневиков.

— А и славно мы им всыпали! — хлопнул меня по плечу сержант, когда блицкриговцы отошли достаточно далеко.

— Уходите в крепость, товарищ Готлинд, — сказал мне лейтенант.

— А вы? — не понял я.

— Нам ещё пушки надо в Соловец доставить, — ответил офицер. — Хоть и полевые орудия, но они в крепости пригодятся.

— Вы их на себе тащить собираетесь?!

— Нет, конечно, — усмехнулся лейтенант. — Просто ещё немного подержим тут линию фронта. На случай если враг попытается предпринять новую атаку. Подождём, пока все пушки не будут в крепости. И войдём следом за ними.

Увидев мои колебания, офицер кивнул мне.

— Ступайте, товарищ Готлинд, — сказал он. — Вряд ли блицкриговцы снова решатся на столь опрометчивые действия. А если пойдут на нормальный приступ, то нам придётся бежать в крепость — и очень быстро. Тогда уже не до орудий будет — свои шкуры спасать придётся. Вы же нужнее при аэропланах, в крепости. Ступайте уже, товарищ Готлинд.

Скрепя сердце, я выбрался из окопа, оставив винтовку. Мне-то она не нужна. До Соловца добрался быстро, хотя и постоянно оглядывался, как будто мог заметить наступающего врага. Вместе со мной шли и другие летуны. И оглядывались, подобно мне, наверное, все.

Но никаких атак не было. После того безумного безрассудства, вошедшего в военную историю, как Атака лёгкой кавалерии, блицкриговцы ничего не предпринимали.

Отступившие из Берестья бойцы народной армии и имперского легиона спокойно вошли в Соловец. Втащили и все орудия. Ворота за ними закрылись.

Крепость готовилась к осаде.

Канонада грохотала день за днём. Блицкриговцы подтащили осадную артиллерию и обстреливали Соловец. Мощные снаряды, казалось, должны были разнести наши форты по камешку, но ни тут-то было. Крепость, как и в прошлую войну, оказалась не по зубам даже самым мощным пушкам. Подтащить же чудовищные железнодорожные орудия враг не мог. Именно из-за этого ближайшая железнодорожная ветка прикрывалась крепостью и находилась от неё на весьма приличном расстоянии.

Мы вылетали всё реже. Блицкриговцы буквально заполонили воздушное пространство над Соловцом. Пушки и пулемёты, защищавшие наши взлётную полосу, не замолкали, казалось, ни на секунду. Когда мы шли к нашим аэропланам, тысячи гильз звенели под ногами. Они рассыпались в разные стороны. Летели вниз с высоты взлётной полосы. А стрелки, сидящие за зенитными пулемётами, полосовали небо длинными очередями, отгоняя вертящихся блицкриговцев. И это тоже сильно усложняло нам жизнь. Трудновато взлететь, когда рискуешь получить пулю не только от врага, но и от своего же зенитчика.

— И зачем они только рискуют так? — спрашивали мы друг друга. Ведь никакой разведки производить над крепостью особой надобности не было. Но никто не станет рисковать зря, значит, цель у этих весьма опасных полётов имелась. И все задавались вопросом — что это за цель.

Не прошло и трёх дней осады, как мы узнали этот ответ. Он стал очевиден. На горизонте повисла громада линейного крейсера «Дерфлингер». Главный калибр его открыл огонь. Орудие крепости сосредоточилось на ответной стрельбе. Основное достоинство его было и его основным недостатком. Из-за неподвижности наш главный калибр бил намного точнее любого флотского, однако был очень уязвим для вражеских снарядов.

Никто не сомневался, что именно с целью разбить наше главное орудие сюда и прибыл «Дерфлингер» со своей эскадрой прикрытия. Теперь нам надо было что-то с ним делать.

Из-за постоянных обстрелов врага и крутящихся в небе блицкриговских истребителей, практически прижавших нас к земле, мы могли больше времени проводить в совещаниях. Все они были посвящены одному вопросу — как нам остановить «Дерфлингер», покуда он не вывел из строя наш главный калибр и не расправился с Соловцом так же, как с Берестьем.

Собственно, никаких особых идей на этих длинных совещаниях не было. Мы сидели часами в опустевшем каземате и проговаривали одни и те же вещи. На третий раз уже не у меня одного возникло стойкое чувство дежавю. С другой стороны, за толстыми стенами каземата, где раньше хранились снаряды к многочисленным орудиям крепости, почти не было слышно грохота канонады.

— У нас надежда только на Китобоев, — решительно говорил Всполох. — Надо прорываться к ним. Договориться, чтобы они помогли нам справиться с «Дерфлингером».

— Вы слишком полагаетесь на эту шайку воздушных пиратов, — отмахивался Лешек. Командующий летной части всегда был не в восторге от союза с Китобоями, о чём открыто заявлял коменданту крепости. — Что они могут противопоставить эскадре передовых кораблей Блицкрига?

— Я лучше всех вас знаю китобоев и их командора, Бронда, — настаивал я на правах главного спеца по нашим союзникам. — Они охотятся на крейсера, словно на настоящих китов.

— А что они будут делать с остальными судами Блицкрига? — ехидно заметил Лешек. — Или они готовы всю эскадру загарпунить?

— Я готов прорваться к крепости Китобоев, и выяснить всё у Бронда. Возможно, он сможет помочь нам не с одним «Дерфлингером». Или хотя бы выработать стратегию воздушного боя.

— Товарищ Лешек, — вскинулся Всполох, — нам без Китобоев точно каюк! Я понимаю, что вы не слишком доверяете им, но сейчас вы просто должны понять — у нас нет другого выхода. Просто нет!

— Ты это ещё нашему уполномоченному скажи, — рывкнул на него Лешек. — Знаете ли вы, товарищи, что наш уполномоченный уже не одну и не две кляузы в столицу отстучал по радиотелеграфу! Коменданту-то легко с ним препираться. У него и происхождение из народа, и заслуги перед комитетом и конвентом. Герой войны опять же! А я кто? Из мелких, но аристократов. Учился в Нейстрии, воевал там же. Дрался с нынешними союзниками опять же. В начале Гражданской оказался не на той стороне. А про то, как я перебил авиаотряд аристократов и прилетел в расположение народной армии товарища Бессараба. Нет, об этом и не вспомнят. Поставят к стенке без разговоров. Из Качи вон вытурили. Загнали в эту глушь. А дальше только стенка.

— Конечно, будет лучше, — удивительно спокойно сказал ему на это Всполох, — если нас всех прикончат блицкриговцы.

— Да делайте, что хотите, — махнул на нас рукой Лешек. Он поднялся на ноги — и вышел из каземата.

Мы проводили его взглядами. Все отлично понимали положение начальника авиационной части. Все мы в последние недели были на взводе. Но на Лешке висела ещё и ответственность. Он регулярно получал нагоняи от коменданта и особенно уполномоченного Соловца. Последний, как говорили, буквально отрывался на начальнике авиачасти за пренебрежительное отношение коменданта. Когда же мы оказались практически прижаты к земле вражеской авиацией, Долгомил срывался на Лешека едва ли не каждый день. А бывало и дважды за день.

— Ночью я попытаюсь прорваться к крепости Китобоев, — сказал я, чтобы развеять повисшую после ухода начальника авиачасти гнетущую тишину. — Постараюсь вернуться как можно быстрее.

— А ты уверен, товарищ Готлинд, — поинтересовался Всполох, — что Китобои смогут нам помочь?

— Нет, — честно ответил я. — Но ты ведь сам сказал, товарищ Всполох, что другой надежды у нас просто нет.

— У нас в подвале, — зачем-то произнёс Баташ, — начснаб припрятал пару ящичков казёнки. Ты скажи Бронду, что если он поможет нам справиться с этим проклятым «Дерфлингером», то может на них рассчитывать.

Все уставились на всеведущего Баташа. Конечно, мы знали о его невероятной осведомлённости, но и у неё должны быть какие-то пределы. Но, видимо, они весьма широки.

Я как-то даже не решился спросить у Баташа, откуда тот знает о пристрастии Бронда к урдской казёнке.

Ночной полёт. Давно я уже не испытывал на себе его прелестей. Тем более что лететь придётся едва ли не над головами у блицкриговцев.

Первой проблемой стал взлёт. Вражеские истребители не оставляли нас в покое даже ночью. Чёрное небо полосовали длинные трасы зажигательных пуль. Взлететь незамеченным, казалось бы, не представляется возможным. Если только не учитывать особенности безразгонников. Они ведь не используются ещё и наполовину.

— Это безумие, — прямо заявил мне комэск Всполох. Меня особенно порадовали эти его слова. Если уж безрассудный комэск считает мою затею безумием, значит, я ещё чего-то стою, как летун.

Я вспомнил свой первый полёт на мотоцикле в старой крепости Китобоев. Что мне мешает повторить тот же трюк и здесь. Стены Соловца достаточно высоки, чтобы провернуть подобную авантюру.

— Ты хорошо подумал над этим? — в очередной раз поинтересовался у меня Всполох.

— Мы можем организовать для вас огненную завесу, — предложил командир зенитчиков. — Попробуете прорваться под нашим прикрытием.

— И получить очередь в хвост? — усмехнулся я. — Нет уж, спасибо. Если уж рисковать, то лучше при этом полагаться только на себя.

Зенитчик только пожал плечами. У него не было времени препираться со мной — слишком уж много у него дел.

Я же тем временем забрался в кабину своего «Шмеля» — и махнул товарищам. Механики с кряканьем навалились на аэроплан. Покатили по взлётной полосе к краю. Благо толкать его пришлось недолго.

Безразгонник скапотировал. Устремился к такой близкой, как оказалось, земле. В эти мгновения я полностью осознал всё безумие моей затеи. И с чего это я взял, что трюк, получившийся на лёгком мотоцикле, сработает и на бронированном «Шмеле», который весит намного больше. Да ещё и летящим носом вниз.

Я потянул штурвал на себя до упора. Запустил антиграв. Скорость падения аэроплана замедлилась. А вскоре я вывел «Шмеля» из пике. В этот момент мне показалось, что я днищем зацеплю каски блицкриговцев. Те суетились внизу, но ни один не поднял головы — и не заметил мой аэроплан. А ведь я вёл его на мизерной высоте. Всего в каких-то жалких двадцати-двадцати пяти метрах над землёй. Любой пулемётчик снимет меня одной хорошей очередью. Но подниматься выше я, всё равно, не рискнул бы. Именно из-за того, что подобной наглости от меня никто не ждал. Только на неё у меня и был расчёт.

Лететь пришлось на самых маленьких оборотах двигателя. Пусть и медленно, что добавляло опасности, зато так аэроплан практически бесшумен. Значит, у меня больше шансов проскользнуть буквально над головами блицкриговцев.

А ночь между тем была совсем не тихой и не тёмной. Тянулись по дорогам цепочки огоньков от фар грузовых машин. Десятками тянулись они в сторону Соловца. Шагали колонны солдат, делающих ночные марш-броски. Враг торопился как можно сильнее углубиться в территорию Народного государства. Где-то вдалеке можно было разглядеть громаду «Дерфлингера». Тот и после захода солнца продолжал обстрел крепости. Главное орудие Соловца отвечало ему. Вспышки от залпов пушек колоссального калибра то и дело озаряли ночное небо. Тогда отчётливо становились видны вражеские аэропланы над крепостью, до того бывшие только тёмными силуэтами.

Я медленно вёл аэроплан в направлении крепости Китобоев. То и дело внизу мелькали скопления блицкриговских военных и боевых машин. У меня закралось подозрение, что и Китобои могут оказаться в осаде. Тогда у Соловца уж точно нет никакой надежды на

спасение.

И всё же нам повезло. Блицкриг ещё не добрался до горной крепости Бронда. Я сделал круг на ней. Стрелять в меня никто не стал. Тогда я сбросил вниз шар с фосфоресцирующей жидкостью. Использовать ракету я не решился — она вполне могла обнаружить крепость Китобоев. Жидкость растеклась сразу по нескольким взлётным полосам. И тут же внизу замаячила пара факелов-семафоров. Мне указали место для посадки. Конечно же, на одной из фосфоресцирующих полос.

— Командор спит уже, — сказал мне сигнальщик, всё ещё державший в руках горящие семафоры. — Мы охотимся не один день, но добычи мало. Блицкриг хорошо охраняет свои корабли. А уж когда притащился этот проклятый «Дерфлингер»! У нас с ним старые счёты. Но его охраняет не меньше авиаполка. Никак не подобраться!

— Именно по поводу «Дерфлингера» я прилетел к вам. — Я хлопнул сигнальщика по плечу. — Надеюсь, старине Бронду понравится наша затея.

— Ну, он готов на любое безумство, лишь бы посчитаться с чёртовым «Дерфлингером».

— Вот как раз безумство я и хочу ему предложить.

Бронд был, конечно, вовсе не рад подъёму посреди ночи. Он зевал и то и дело почёсывал свою буйную шевелюру. Однако как только я изложил ему суть нашего безумного плана по захвату «Дерфлингера», всю сонливость его как рукой сняло.

— Значит, вы прикрываете моих ребят от блицкриговских аэропланов? — уточнил он. — А мы в это время гарпуним «Дерфлингер». — Он попытался пригладить спутанные со сна волосы. — Весьма заманчиво. Вот только потери могут оказаться слишком велики.

— Ты стареешь, Бронд! — сказал я. — Когда это было, чтобы ты риск мерить брался?

— Война идёт, Готлинд, — ответил мне Бронд. — Нам уже трижды приходилось уходить от неё. Мы — пираты. Стараемся не лезть во все эти политические и военные дела. Нечего нам там делать. И всё равно, вляпываемся в войну раз за разом! Несём потери. Между прочим, среди самых молодых.

— А ты подумай тогда о том, — в том ему произнёс я, — что будет, когда «Дерфлингер» разберётся с Соловцом. За кого его эскадра примется после этого? Не рассчитываешь же ты, Бронд, на то, что останешься незамеченным, когда Блицкриг займёт Прияворье.

Командор китобоев громко недовольно засопел. Но приведённые мной доводы оказались слишком убедительны.

Я остался в крепости Китобоев до утра. Это должно было послужить знаком того, что Бронд согласился на наш безрассудный план. Я был рад встрече с Якобом и дочерью Бронда — Силке. Однако долго болтать нам не пришлось. Время поджимало. Мы успели обменяться только парой фраз перед отлётом. Потому что с первыми лучами солнца вся эскадра Китобоев принялась экстренно готовиться к вылету.

И вот горы ожили. Все корабли эскадры Китобоев поднялись в воздух. Вокруг них роились десятки воздушных мотоциклов. Среди них летел и я на своём «Шмеле». А в авангарде, конечно же, безумно отважная Силке. Девчонку совсем не смущало то, что мы летим прямо в самое пекло воздушного сражения между крепостью и эскадрой воздушных судов. Один снаряд, даже не главного калибра, легко превратит в мешанину из костей, металла и сгоревшей плоти. Но никого из юных китобоев, управлявших мотоциклами, это не смущало. Реакции людей старше двадцати пяти лет уже не хватало для того, чтобы летать на подобных аппаратах. Именно поэтому среди авангарда Китобоев не было никого старше

этого возраста.

Главное орудие Соловца молчало. Не знай я о том, что это сделано намерено, я бы точно ужаснулся. Однако всё равно в голову закралась мысль о том, что врагу удалось всё же вывести его из строя — и теперь вся наша совместная с Китобоями затея отправляется пряником псу под хвост. Мы же летим навстречу верной гибели.

Медленно и осторожно, будто не веря в удачу, «Дерфлингер» приближался вместе с эскадрой сопровождения к Соловцу. Его орудия расстреливали форты, откуда заблаговременно вывели всех бойцов и вынесли все припасы. Теперь уже и крейсера сопровождения стреляли по крепости. Хотя их калибра не хватало на то, чтобы с одного удачного попадания разносить целые форты. Но и они вносили свою лепту в разрушение крепости. Эсминцы и корабли поменьше старались пока не подлетать к Соловцу. Снаряды их пушек ничего не смогут сделать стенам и фортам, а вот попадание почти из любого орудия крепости могло нанести им весьма серьёзный урон.

А вот для нашей затеи корабли сопровождения представляли наибольшую опасность. Они легко могли расправиться с авангардом Китобоев, оставив всех нас с носом. Но именно из-за этого и подпускали вражеские корабли как можно ближе к Соловцу, жертвуя даже фортами и стенами.

Выстрел главного орудия крепости прозвучал громом небесным. Хотя вроде бы пушка того же «Дерфлингера» стреляла не намного тише. Громадный снаряд пролетел мимо линейного крейсера, которому на таком расстоянии ещё не мог нанести критических повреждений, и взорвался среди кораблей сопровождения. Как раз с того фланга, откуда заходила эскадра Китобоев. Эсминцы и корветы буквально расшвыряло в разные стороны. Один эсминец и пара корветов устремились к земле, объятые пламенем.

Второй залп оказался не менее разрушителен. Громадный снаряд насквозь пробил блицкриговский корвет, попытавшийся совершить поворот. Взорвался снаряд уже с другой стороны. Когда корвет медленно разваливался надвое, летевший рядом с ним эсминец получил снаряд в свой мечевидный нос. Тот взорвался, превратившись в подобие цветка, только вместо лепестков листы брони и куски арматуры. Оба корабля полетели к земле одновременно.

Над взлётной полосой зенитчики организовали-таки огненную завесу. Тысячи зажигательных пуль и сотни снарядов буквально изрешетили небо. И блицкриговские аэропланы. В образовавшиеся прорехи в воздушной блокаде ринулись машины Соловца. В воздух поднялись все, кто мог. На купленных у Бронда безразгонниках и обычных аэропланах. Стреляли довольно мало, больше полагаясь на зенитчиков. Ведь скоро каждый патрон будет на счету. Били только когда могли быть точно уверены в том, что сбьют врага.

Прорвавшиеся через блокаду аэропланы рванули на всех оборотах к левому флангу блицкриговцев. Туда же мчалась и эскадра Китобоев. Некоторые корабли их открыли огонь по оставшимся корветам и эсминцам сопровождения. Но флагман Бронда «Пилигрим» направился прямым ходом к «Дерфлингеру». Надо сказать, на фоне громады линейного крейсера «Пилигрим» смотрелся как-то несерьёзно. Наверное, «Дерфлингер» смог бы смести его одним залпом. Именно поэтому действовать Китобоям надо было очень быстро.

Обгоняя флагман, к «Дерфлингеру» устремились лёгкие мотоциклы. Наперерез им рванули сопровождающие линейный крейсер аэропланы. Вот тут-то и нужны были мы. Завязался безумный воздушный бой на скоростях. И первым сцепиться с врагом пришлось мне.

Встречный бой на скоростях. Самое страшное, что только может ждать летуна на войне. Сколько нас погробилось даже не из-за шальных пуль, но потому что столкнулись с противником, а то и с товарищем, уходящим от вражеских очередей.

Первым моим врагом была быстрая «Оса». Ей хватило и одной очереди из обоих пулемётов. Вспыхнул двигатель — и объятая пламенем машина отправилась к земле. А вот со следующим мне так не повезло. Летун палил направо. Оба пулемёта его «Шмеля» буквально раскалились. Пилот как будто старался попасть не только по мне, но и зацепить ещё и пару мотоциклов, летящих в непосредственной близости от моего аэроплана. Я бросил свою машину влево, уходя от трасс зажигательных пуль. Но одна шальная всё же попала прямо в двигатель моего «Шмеля». К счастью, тот не загорелся, а только брызнул раскалённым маслом. Смазка фонтаном ударила из его нутра. Раскалённые брызги полетели в лицо и на руки. Ещё одна зажигательная пуля — и я покойник.

Но выходить из боя я не собирался. Пока мой «Шмель» на ходу, и в пулемётах есть патроны, я буду драться.

Пролетев через строй вражеских истребителей, я оказался в опасной близости от зенитных орудий «Дерфлингера». Пришлось срочно уводить аэроплан влево, уступая дорогу продолжающим лететь на сумасшедшей скорости мотоциклам.

Проклятуший фонтанчик смазки продолжал бить, брызжа во все стороны. Я удерживал штурвал одной рукой. Второй же то и дело стирал с лица обжигающие чёрные брызги. Это совсем не облегчало мне задачу. Но я постарался не обращать внимания на все трудности.

Вражеская «Оса» весьма удачно попала мне в прицел. Короткая очередь — и лёгкий истребитель вспыхивает, будто спичка. «Шмель» повисает на хвосте у целой группы мотоциклов — я бросаюсь ему наперерез. Палю длинными очередями — тут уже не до экономии патронов. Надо спасти молодых людей на мотоциклах. Ведь среди них вполне могла оказаться и Силке. Да и слишком уж много зависело от мотоциклистов и их гарпунов.

Пули прошили фюзеляж блицкриговского аэроплана. Летун дёрнулся — и уронил голову. Машина же продолжала по инерции лететь дальше прямо, медленно теряя высоту.

Я несколько раз в ярости ударил по двигателю рукой. Видимо, куски кожи перчатки, попавшие в него, забили мелкую пробоину. А может, это было просто совпадение. Но, так или иначе, фонтанчик раскалённой смазки иссяк. Я стёр последние брызги с лица, скорее размазав их.

Новая схватка закончилась быстро. Мы обменялись с вражеским «Шмелём» короткими очередями — и разошлись. Мне надо прикрывать мотоциклистов, а не гоняться за врагами в бесконечных дуэлях и поединках один на один.

И вот мотоциклисты взялись за дело. На это стоило посмотреть, хотя никто из нас не забывал о врагах.

Сотни совсем уж крошечных на фоне громады «Дерфлингера» мотоциклов метнулись в разные стороны. Они казались мошкаррой вокруг слона или бегемота. Вот только эта мошкара в считанные секунды опутала линейный крейсер паутиной прочных тросов. Мотоциклисты выстреливали гарпуны, пробивающие с небольшого расстояния даже прочнейшую броню линкоров и дредноутов. Это сильно замедлило «Дерфлингер», сделало уязвимым для абордажа.

Но сначала китобоям надо было вывести из строя главный двигатель линейного крейсера. А это совсем непросто, как легко догадаться. И тут снова играет роль маленький размер воздушных мотоциклов. Практически связанный многочисленными тросами,

пойманный в эту своеобразную сеть, «Дерфлингер» всё ещё был чрезвычайно опасен. Отлично защищённый от возможного абордажа, он мог одним залпом уничтожить приближающийся к нему фрегат, вроде «Пилигрима». Потому за диверсию в двигательном отсеке врага отвечали всё те же мотоциклисты.

Они прицепили десяток тросов к борту «Пилигрима». Тот дал полный ход в противоположную от врага сторону. Так удалось оторвать бронелист целиком. Внутри вражеского крейсера тут же устремились те самые мотоциклисты, что цепляли тросы к флагману Китобоев. Я отчего-то совсем не сомневался, что Силке была среди них. Спустя десяток секунд они вылетели оттуда. А следом раздался взрыв. Из пробоины вырвались языки пламени.

«Дерфлингер» перестал дёргаться в своей паутине. Замер окончательно. Вот тогда-то он и стал идеальной мишенью для маневренных судов Китобоев. Многочисленные фрегаты и корветы их открыли ураганный огонь из всех орудий. Снаряды наделали пробоин в броне линейного крейсера. За ними устремились мотоциклисты и абордажные команды. Лёгкие суда Китобоев подлетали вплотную к «Дерфлингеру». Отчаянные ребята, вооружённые пистолетами и тесаками, прыгали через бездонную пропасть, совершенно не обращая внимания на чудовищную высоту.

Наблюдать и дальше за этой схваткой у меня не было возможности. Блицкриговцы теперь отступили к кораблям сопровождения. Крейсера, эсминцы и корветы поднялись на высоту, превышающую максимальный угол возвышения главного орудия крепости. Однако продолжали атаки на Китобоев, пытаясь спасти свой флагман. Особенно старались не успевшие к первому этапу схватки «Шершни».

Это были новенькие штурмовики с серым корпусом и жёлтым носом. Они на самом деле формой фюзеляжа напоминали опасных насекомых. Летели ровными рядами, словно на парад. И огонь открыли едва ли не залпом. Очереди пушек и пулемётов буквально смели несколько неосторожных мотоциклистов. Они полетели к земле, разваливаясь на части.

Мы бросились на перехват.

Я поймал в прицел первого «Шершня» — нажал на гашетку. Пули только бессильно простучали по бронированному фюзеляжу врага. Проклятье! Серьёзная машина.

Проскочив мимо вражеского строя, я на несколько мгновений оказался над штурмовиками. Теперь в прицел попала кабина одного из «Шершней». Я быстро нажал на гашетку, пока блицкриговский летун не опомнился. Очередь прошла пилота. Он откинулся на кресло. Кровь залила всю кабину.

Строй штурмовиков распался. Началась обычная собачья свалка. «Шершни» в первую очередь охотились за мотоциклами. Мы старались не подпускать их к молодым людям. От этого слишком сильно зависел успех всей нашей авантюры. Если «Дерфлингера» утащат не Китобои, а блицкриговцы, он быстро снова вернётся в строй. И тогда нам уже нечего будет противопоставить врагу.

Вот только машины эти оказались нам просто не по зубам. Один за другим истребители Соловца либо возвращались в крепость, либо падали устремлялись к земле. Вскоре и мне пришлось вернуться. Пулемёты, когда я в очередной раз нажал на гашетку, вместо того, чтобы открыть огонь, только щёлкнули затворами. А ведь мне удалось вывести из строя всего два вражеских штурмовика. Мой же «Шмель» оказался буквально изрешечен вражескими пулями. Всё-таки блицкриговцы делают удивительно живучие машины.

Новые «Шершни» оказались вооружены не только парой пулемётов, но ещё и пушкой.

Та стреляла хоть и медленней, зато разносила лёгкие аэропланы всего несколькими попаданиями. Мне удалось уводить своего «Шмеля» от их очередей — иначе я бы присоединился к товарищам, чьи аэропланы сейчас догорали среди вражеских траншей.

Но уже с лётного поля, стоя рядом со своим аэропланом, я увидел, как «Пилигрим» и ещё несколько судов Китобоев тащат «Дерфлингер» в сторону крепости. Под прикрытие наших орудий.

Громадный флаг Блицкрига, свешивавшийся под его днищем, рухнул вниз. Место его заняло белое полотнище не меньшего размера. Значит, линейный крейсер пленён. Вражеская эскадра попыталась отбить его, но воздушные корабли Блицкрига были слишком близко к крепости. Все наши орудия обрушились на них. Главному калибру достаточно оказалось дать всего пару залпов, чтобы заставить блицкриговские корабли отступить. Без «Дерфлингера» крейсерам и кораблям сопровождения нечего было и думать прорваться через огненную завесу пушек Соловца.

Поднявшись выше максимальных углов возвышения крепостных орудий, корабли Блицкрига отступили.

Китобои же потащили «Дерфлингер» в сторону своей горной крепости, надёжно прикрытой Соловцом.

— Не знаю как, — сказал мне стоявший рядом Лешек, — но два ящика казёнки мы Бронду точно должны.

Как и все мы, начальник лётной части провожал взглядом удивительное зрелище. Линейный крейсер на самом деле напоминал загарпуненного кита, которого тащат сразу несколько промысловых судов.

Фельдмаршал Брунике отлично понимал, что долгая осада какой маленькой крепости на самой границе Урда уже начинает грозить его карьере. Что бы там не говорил генерал-кайзер о равенстве между военными чинами и титулами, а старая аристократия продолжала доминировать в новом государстве. И положение выбившегося из простых солдат Брунике было весьма шатким. Недаром при нём в разное время заместителями были разного рода бароны, а то и наследники рейхсграфов. А уж нынешний — потомок знаменитого ещё в Империи рода Альфивальд — в свои неполные сорок лет носил звание генералоберста — и надо сказать заслужено. Ордис Альфивальд был весьма деятельным командиром, не раз появлялся на передовой — и, по мнению Брунике, просто из штанов выпрыгивал, чтобы занять его место. Сам Брунике не особенно стремился в траншеи, считая, что высшему командованию там делать нечего. Это наводит лишнюю панику среди офицеров и нижних чинов, что не улучшает обстановки на фронте.

— Теперь эти разбойники основательно обезопасили себя, — сказал Альфивальд. — Гроссадмирал Тонгаст рвёт и мечет.

К командиру воздушным флотом, что прикрывал армию Брунике в небе, гроссадмиралу Брондору Тонгасту, фельдмаршал обычно отправлял как раз Альфивальда. Слишком уж высокомерен был гроссадмирал. Глядел на сына фабричного рабочего и простой крестьянки через свой неизменный монокль, будто на пустое место. Это просто бесило фельдмаршала, которому всего в жизни приходилось добиваться своими силами и ничего не досталось просто по праву рождения. Каждый раз Брунике к третьей реплике гроссадмирала хотелось съездить тому по морде. Вколотить монокль в золочёной оправе прямо в его рыбий глаз.

— А как вышло, что сам гроссадмирал отсутствовал на своём флагмане? — поинтересовался Брунике.

Он занимал целое крыло богатого крестьянского дома, где раньше располагалось что-то вроде местного самоуправления. Лозунги и портреты, конечно, со стен поубирали, заменив их одной единственной картиной, изображающей генерал-кайзера в серой шинели с красным подкладом и двумя высшими орденами Блицкрига на груди.

Остальной дом занимал штаб армии. В комнатах его располагались различные его отделы. То и дело стучали телеграфные аппараты. Носились адъютанты с кипами бумаг. В отдельной комнате, с обитой стальным листом дверью, сидели шифровальщики. Во время смены они общались с миром через крохотное оконце, закрытое к тому же шторкой. Больше всего их работа походила на одиночное заключение злейших преступников. Именно поэтому дежурили шифровальщики всего по пять часов.

— Я не рискнул задать гроссадмиралу этот вопрос. — По лицу Альфивальда никогда нельзя было понять — шутит ли он. Это особенно сильно бесило Брунике. — Однако и без него в руках воздушных разбойников оказались барон Готгрим — наследник рода надровийских ландграфов. Он был капитаном «Дерфлингера». А кроме него бароны Аргери и Йорвит, тоже не из последних родов. Десяток аристократов похудороднее, — в устах Альфивальда это означало, что они были ниже его в дворянской лестнице, — занимавших различные командные должности на линейном крейсере.

— Теперь у этих Китобоев имеется достаточно заложников, — согласился с ним

Брунике, — чтобы мы оставили их логово в покое. Они сами выдадут их, когда мы прочно закрепимся в Прияворье.

— Что же вынудит их сделать это?

— Очень просто, — пожал плечами Брунике. — Им ведь надо будет менять место дислокации. В обмен на то, чтобы спокойно покинуть контролируемую нашими войсками территорию, они с радостью отдадут всех баронов и прочих аристократов похудороднее.

Фельдмаршал всё же не удержался от шпильки, хотя и понимал, что это мелко.

— Тогда встаёт вопрос, когда же мы будем контролировать Прияворье, — как ни в чём не бывало, заявил Альфивальд. — Этот Соловец будто кость в горле нашей армии. Из дивизиона сверхтяжёлых орудий уже не один раз приходили телеграммы о том, что мы срываем им все сроки развёртывания.

— Командование этого чёртова дивизиона могло бы и протянуть ветку сюда! И обстрелять для начала Соловец. А не ныть по поводу сроков развёртывания. Толку от их сверхтяжёлых пушек, если они лежат разобранные в вагонах за линией фронта. Могли бы для приличия по дилеанцам пострелять.

— Выстрелы этих орудий слишком дорого обходятся нашей экономике, чтобы обстреливать не столь уж хорошо укреплённые траншеи имперцев.

Брунике почувствовал себя учеником, которому проговаривали очевидные истины на уроке.

— Тогда толку от этих сверхтяжёлых орудий и вовсе нет, — зло отрезал фельдмаршал. — На эти деньги стоило бы сделать два десятка обычных пушек и гаубиц.

— Которые никак не могут справиться с фортами и стенами Соловца. Крепость обороняет всего один полк и несколько десятков аэропланов. А наша армия топчется под её стенами больше месяца.

— В прошлую войну Соловец удалось взять только измором, — пожал плечами Брунике. — Но в этот раз нам осталось только дожидаться благоприятной погоды.

— Благоприятной погоды для чего? — поинтересовался Альфивальд.

— Вы, господин генералоберст, давно примеряли ваш противогаз? — проигнорировав его вопрос, спросил у заместителя Брунике.

Тот ничего не сказал в ответ. Он отлично понял всё. Глаза-то у Альфивальда были. И он видел грузовики с особой маркировкой, прибывшие несколько дней назад. Заметил он и людей в белых халатах поверх военной формы. И караул, выставленный вокруг этих грузовиков, тоже не остался незамеченным.

[Описанное ниже событие имело место в нашем мире и случилось в годы Первой Мировой войны, более подробно можно прочитать, к примеру, в данном источнике https://ru.wikipedia.org/wiki/Атака_мертвецов].

Тот день начался с неожиданной тишины. Не стреляли орудия противника. Они замолчали в единый миг по всему фронту. Это не сулило нам ничего хорошего. Если враг придумывает что-то новое, значит, жди беды. Не собирается же, в самом деле, Блицкриг закончить войну с Урдом — и покинуть пределы Народного государства.

— Чего же нам ждать от них? — протянул Лешек. — Какую каверзу задумали блицкриговцы нам на погибель?

Почти весь лётный состав стоял на взлётной полосе. У всех нас имелись бинокли. Мы шарили их окулярами по вражеским позициям. Там наблюдалась какая-то активность, но понять, что именно делают блицкриговцы, было совершенно невозможно.

— Не нравится мне это, — покачал головой Всполох. — Совсем не нравится.

После сражения с воздушным флотом Блицкрига и пленения «Дерфлингера» война в небе почти прекратилась. Враг больше не пытался прижать нас к земле постоянными налётами аэропланов. Потому и мы не спешили подниматься в воздух лишней раз. Только производили разведку. Схватки между аэропланами стали редки. Мы старались избегать их. Слишком уж мало осталось в крепости машин. Безразгонников и вовсе только две штуки — мой «Шмель» и нейстрийский «Гром», переделанный из обычного аэроплана.

Полёты теперь совершались только ранним утром. Строго по расписанию. В остальное время большинство летунов торчали на взлётной полосе с биноклями в руках. бездельничать во время войны ни кому не хотелось.

— Пошла ракета! — воскликнул Всполох. — На одиннадцать!

Мы, все как один, повернулись в ту сторону. В окулярах биноклей отчётливо была видна красная ракета, медленно опускающаяся к земле на парашютике.

— По машинам! — скомандовал Лешек.

Но мы и без команды уже бежали к своим аэропланам.

Вот только в небо поднялись мы куда позже.

Через несколько минут после запуска ракеты на крепость обрушились первые мины, начинённые отравляющим газом. Они взрывались, распространяя удушливую смесь знакомого мне тошнотворно-зелёного цвета. Тяжёлое отравляющее вещество оседало вниз, затекая в самые глубокие казематы Соловца. Но это же её свойство и спасло нас, летунов. До нас оно не добралось.

Некоторые из летунов бросились вниз, но тут же пулей вылетели обратно, только глотнув кошмарного газа.

И тут резко зазвонил телефонный аппарат, связывающий взлётную полосу с комендантом крепости.

— Нам приказано покинуть крепость, — произнёс Лешек, выслушавший коменданта. — Немедленно. Улетать к Китобоям.

— И мы должны выполнить этот приказ?! — вскинулся Всполох.

Но я положил ему руку на плечо.

— Соловец обречён. Газ убьёт всех внутри. Через два, самое большее два с половиной часа, блицкриговцы войдут в крепость. Здесь мы можем принять бой и погибнуть без толку. Тогда им достанется не только крепость, но и наши аэропланы.

— А у Китобоев мы можем наносить удары исподтишка, — добавил Баташ. — Хотя как-то повредим Блицкригу.

Было видно, что Всполоху явно не по душе приказ коменданта, несмотря на все наши уговоры. Однако он смирился. Летун уронил голову, помотал ей и безропотно отправился к своей машине.

— Но перед уходом, — сказал больше для Всполоха, чем для кого бы то ни было ещё, Лешек, — мы ещё покажем блицкриговцам, чего стоят урдские летуны!

Блицкриговцы посылали через стены Соловца одну партию отравляющих снарядов за одной. Как будто опасались, что те не смогут убить урдцев в крепости. Газ тошнотворным туманом растекался по плацу. Медленно, но верно заползал во все помещения.

А мы в это время поднялись над крепостью. И пошли на боевой разворот в сторону позиций врага. Блицкриговцы подняли головы. Многие их солдаты вскинули винтовки. Задрали к небу стволы зенитные пулемёты. Но было поздно!

Мы звеном прошли над позициями блицкриговцев. Патронов не жалели. Поливали траншеи и артиллерийские позиции длинными очередями. Зажигательные пули прошивали блицкриговцев, оставляя чудовищные, исходящие дымом раны. Враги валились друг на друга, будто сбитые кегли. Кровь лилась рекой.

Никогда ещё за всю свою военную жизнь я не чувствовал такой ненависти. Я не убивал людей очередями из своих пулемётов. Я уничтожал врагов. А те не были людьми. По крайней мере, для меня.

Дважды прошли мы над траншеями блицкриговцев, оставляя за собой только окровавленные тела.

Отдельно атаковали грузовики со странными отметками. Они стояли рядом с миномётными позициями. И оттуда выносили ящики с той же меткой. Это могли быть только снаряды, начинённые отравляющим веществом. Зажигательные пули срезали миномётную службу. Пробили баки нескольких грузовиков. Спустя считанные секунды те взлетели на воздух. Расстреляли ящики со снарядами. Над позициями врага повисло зеленоватое облако смертоносного газа.

Вот теперь можно и к Китобоям улетать.

Тем более, что я уверен, блицкриговцы срочно уже подняли в воздух свои аэропланы. И те летят к нам. Принимать бой почти без патронов было форменным самоубийством.

Мы развернули наши аэропланы — и на всех оборотах устремились к крепости Китобоев.

Погони за нами не было.

Появление на фронте генералоберста это всегда чрезвычайное происшествие. А уж когда в траншеях едва-едва управились с последствиями налёта урдской авиации и разлитием отравляющих веществ, так и подавно. Офицеры, отвечавшие за газовую атаку, уже готовились к переводу рядовыми в строевые роты. Унтера и простые солдаты понимали, что на них попытаются свалить вину за всё. Гадали — поставят ли кого к стенке, или всё же обойдётся. Поговаривали, что раз приехал сам заместитель Брунике, значит, без показательных казней не обойдётся. Тут уж господа офицеры кинутся спасать свои погоны за счёт нижних чинов.

Однако генералоберст Альфивальд лишь вскользь поинтересовался налётом и жертвами разлития отравляющих веществ.

— Всё уже убрано, генералоберст, — стараясь держаться бодро, отрапортовал артиллерийский генерал Орверд, отвечавший за бомбардировку Соловца отравляющими снарядами. — Отравленных забрали люди из медицинской службы, приставленные к газам.

— Понятно, — кивнул Альфивальд. — А где были наши аэропланы? Почему они не прикрыли вас?

— Гроссадмирал распорядился отвести авианосцы на полсотни километров от линии фронта, — радуясь тому, что может переложить ответственность на плечи главного воздухоплователя, отрапортовал Орверд. — Опасается новых налётов воздушных разбойников. По тревоге были подняты только новые штурмовики «Шершень». Но пока они добрались до наших позиций, враг успел, наверное, проделать половину пути до крепости бандитов. Или куда они там полетели.

— Перепугался наш гроссадмирал, — усмехнулся в пшеничные усы Альфивальд. — Какие-то бандиты напугали его. А считал, что он — покрепче должен быть. Из старой аристократии ведь. Как и все во флоте. Неужели мы вырождаемся, а? — изволил пошутить

генералоберст.

— Не думаю, что это касается всех родов, — быстро нашёлся с ответом Орверд, аристократических корней, как и фельдмаршал Брунике, не имевший.

Альфивальд рассмеялся. Если бы он похлопал Орверда по плечу, тот, наверное, не удержался — и вызвал генералоберста на дуэль.

— Значит, вы утверждаете, что в Соловце уже не осталось никого живого? — отсмеявшись, спросил у него Альфивальд.

— Так доложили мне специалисты из химической службы.

— Тогда командуйте атаку, — кивнул генералоберст.

Орверд кивнул взгляд на сумку с противогазом, висящую на поясе заместителя Брунике. Но ничего говорить не стал. Хочет тот отличиться, первым войдя в побеждённую крепость, так тому и быть.

Спустя полчаса три полка поднялись из траншей и спокойным шагом направились к воротам крепости. Впереди сапёры, готовые подорвать створки. Шли уверенно, не ожидая сопротивления от потравленных газом урдцев. Соловец, не сдавшийся Дилеанской империи в прошлую войну, пал перед мощью Блицкрига.

И это снова доказывает, что перед войсками генерал-кайзера ничто не устоит!

Никто не знает, что чувствовали они, уверенные в себе и несокрушимости их военной машины, когда ворота Соловца отворились им навстречу.

Блицкриговцы продолжали наступать скорее по инерции. Тела их продолжали работать в привычном ритме, в то время как мозг был сведён судорогой ужаса. Потому что навстречу им, через открывшиеся ворота Соловца, вышли настоящие живые мертвецы. Иначе не скажешь.

В окровавленных гимнастёрках. С замотанными почерневшими тряпками лицами. Кашляющие и плюющиеся кровью. Урдцы шагали медленно, разворачиваясь в стрелковую цепь. Новобранцы, вчерашние рекруты, сделали бы это увереннее. Но чего ждать от полумёртвых бойцов, выплёвывающих на пожухшую траву свои лёгкие. Вот только цепь была ровной. Шагали бойцы, словно на параде. Комендант крепости на правом фланге. Уполномоченный — на левом. Их можно узнать только по мундиру и чёрной кожаной куртке. Лица, как и у остальных, замотаны пропитанными кровью тряпками. И ни у одного из чудом переживших газовую атаку урдцев не дрогнула рука.

Нестройный залп уложил всего нескольких блицкриговцев. Но он стал словно сигналом для других. Сигналом к отступлению. Хуже того, позорному бегству!

Все бросились бежать, объятые ужасом перед этой чудовищной атакой мертвецов. Бежал и «зелёный» новобранец, два месяца назад взявший в руки винтовку. И бородатый вояка с имперскими медалями за прошлую войну. Рядовые, унтера и офицеры. Все обратила в бегство атака мертвого гарнизона крепости Соловец.

Генералоберст Ордис Альфивальд вскинул свой пистолет. Выстрелил несколько раз в ближайшего урдца. Пули пробили его грудь. Но тот и не думал останавливаться. Продолжал шагать, как ни в чём не бывало. Казалось, он даже не обратил внимания на них. Ужас объял генералоберста. Он так и замер, не в силах пошевелиться. Даже на курок нажать ещё раз. Хотя патроны в магазине пистолета ещё оставались.

Тот боец, в которого стрелял Альфивальд, и прикончил его. Удар штыка пробил живот генералоберста. Гранёный клинок вышел из спины. Боец вырвал штык из раны. Ударил для верности ещё раз. Оттолкнул рухнувшего на колени Альфивальда. Перешагнул через его

тело.

— За удирающим врагом, — голос коменданта крепости был хриплым, он то и дело срывался на кашель, — бегом марш!

— Бей их! — поддержал его уполномоченный.

Спотыкаясь, кашляя и отплёвываясь сгустками крови, бойцы Народной армии бежали вслед за врагом. Стреляли на ходу, целя в спины солдат и офицеров. А блицкриговцы не обращали внимания на падающих товарищей. Страх заставлял их бежать быстрее ветра и не крутить головой.

Три полка покинули свои позиции. Были обращены в бегство горсткой умирающих от газа людей, которых почему-то не брали пули.

Даже мёртвым Соловец не сдался врагу.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Миссия в Котсуолде

Народная армия пришла спустя три дня после газовой атаки на Соловец. Фельдмаршал Брунике не спешил снова вести свои войска в атаку на крепость, которую считали проклятой. Причём считали не только блицкриговцы, но и сами бойцы крепостного гарнизона. Они встали лагерем на бывших позициях генерала Орверда, повернув его пушки в сторону линии фронта. А та отодвинулась на несколько десятков километров от Соловца. Теперь она проходила примерно посередине между Соловцом и Берестьем.

Несколько раз мы прилетали в лагерь Драгобрата — бывшего коменданта нашей крепости. И снова лететь туда мне совсем не хотелось. Слишком страшно было смотреть на людей в грязных гимнастёрках, с замотанными окровавленным тряпьем головами. Тряпки бойцы не снимали потому, что слишком уж страшно выглядели их лица под ними. Смотреть друг на друга в таком случае становилось, видимо, совсем уж жутко.

Заходить в крепость, где всё ещё было полно газа, никто не решался.

— А разве в Соловце противогазов нет? — поинтересовался я в первый прилёт из крепости Китобоев у Чудимира. Бывший комбат принял командование остатка гарнизонного полка после смерти Колывана.

— Есть конечно, — речь Чудимира была невнятной. То ли из-за тряпки на лице, то ли из-за сожжённой газами гортани. — На складе лежат, в ящиках. Несмотря на войны, никто их забирать не спешил.

— Как всегда, — кивнул я. — Пока жареный петух не клюнет... — Заканчивать фразу не имело смысла.

— Никто не хотел таскать с собой ещё и сумку с противогазом, — пожал плечами Чудимир. — И без того слишком много всего на себе тягать приходится.

— А нужного как раз и не оказалось.

Наш разговор тогда прервался кошмарным кашлем одного из бойцов. Умиравшие, или кажущиеся такими, лежали в госпитальной палатке с красным крестом. При них сидели товарищи — ни врачей, ни фельдшеров не осталось. Не пережили они газовой атаки. Умирала и те, кто вышел из ворот Соловца, но с жизнью они расставались долго и страшно. К примеру, молодой боец, который прикончил штыком генералоберста, постоянно кашлял, сплёвывая тёмно-красные сгустки. И каждый раз из простреленной груди его били фонтанчики крови, пропитывая перевязку. Однако умирать он не спешил.

— А Народной армии всё нет, — невпопад заметил Чудимир.

Народная армия пришла через три дня. Первыми появились конные разъезды разведчиков. Они встретили выживших бойцов Соловца — и едва не открыли огонь по своим. Слишком уж страшно выглядели их товарищи. Однако разобрались и доложили о выживших бойцах гарнизона.

Когда я прилетел к крепости в четвёртый раз, там уже был разбит военный лагерь Народной армии. И части её всё прибывали. Постоянно подтягивались колонны пехоты. Ехали своим ходом танки. Катились броневые автомобили. Рядом с ними гарцевали кавалеристы. Здоровенные першероны тащили орудия. Грузовики везли тонны боеприпасов.

В Прияворье пришла война.

Выживших бойцов соловецкого гарнизона, в каком бы состоянии они ни были, вывезли в глубокий тыл. Официально, в лазарет, но почему-то мне казалось, что совсем не туда. И

дальнейшая судьба их будет далеко не простой.

Как только я приземлился, к моему «Шмелю» тут же подбежал аэродромный техник.

На основе нашего старого лётного поля здесь уже сделали нормальный передвижной аэродром. Выровняли покрытие. Разметили полосы. Поставили большие палатки, которые станут временными ангарами для аэропланов.

— Товарищ военлёт, — отдал мне честь техник, — вас ждут.

— Ясно, — кивнул я, выбираясь из кабины.

Ждал меня — точнее не меня, конечно, а любого летуна из крепости Китобоев — сам командующий армией. Товарищ Бессараб. Он воевал в этих местах ещё в гражданскую войну — и знал всё Прияворье, что называется, как свои пять пальцев.

Бравый командарм поразил меня в первого взгляда. Богатырского роста и телосложения. С начисто выбритой головой, но с карикатурно маленькими усиками. Такие, кажется, в Народном государстве называли как раз по его имени бессарабскими. Форма на нём сидела идеально, будто влитая.

— Кто такой? — спросил он у меня, не прибегая ни к чьей помощи.

— Военлёт Готлинд, — ответил я, отдавая честь.

— А, это дилеанский шпион, — кивнул командарм, и у меня по спине побежали струйки ледяного пота. Шутит ли он? Или может на самом деле считает меня шпионом.

— Дилеанская империя — союзник Народного государства, — ответил я.

— Правильно! — хлопнул меня по плечу командарм. От этого удара я едва не повалился на пол штабной палатки.

Находившиеся рядом с ним командиры только усмехнулись, хотя и поглядели на меня с уважением. Видимо, не все вставали после подобных хлопков.

— Вы с чем прилетели, товарищ дилеанский шпион? — спросил у меня Бессараб.

— Я из крепости Китобоев, — ответил я слегка невпопад. — Представляю сейчас всех летунов крепости Соловец. Мы были отправлены к китобоям по приказу коменданта Соловца.

— Знаю уже, — не слишком вежливо перебил меня Бессараб. — Значит так. Что с вами делать, я не знаю. Так что пока придётся вам посидеть в гостях у Бронда. Взять к себе — не могу. Хотя и нужны мне летуны, а не имею права. Насчёт всего соловецкого гарнизона есть отдельный приказ. За вами придут люди с особыми распоряжениями. Я доложил наверх, где именно находятся летуны крепости. У вас больше ничего нет, товарищ военлёт?

— Никак нет, — отчеканил я.

— Тогда свободен. Отправляйся в крепости Китобоев — и сообщи новости остальным товарищам военлёткам.

И уже когда я выходил из палатки, командарм остановил меня и сказал:

— Мне тоже не нравится. Военлётков не хватает. Как воздух они нужны. Да и приказ о тех, кто газовую атаку пережил. Но и вы под него попадаете. Так что, ничего я поделать не могу. Как бы ни хотелось.

Не то, чтобы я был так уж не рад тому факту, что не отправлюсь на фронт. Воевать мне не хотелось совсем. Я ведь от войны сбежал на Урдский север, но она нашла меня и там. Теперь же, когда я смирился с тем, что быть мне снова военлётком, из-за военной бюрократии оказываюсь в тылу неизвестно насколько долго. Судьба всё же любит играть с нами.

Оставаться в крепости Китобоев, когда родина ведёт войну, не хотелось никому, кроме

меня. Я, конечно, тоже делал вид, что рвусь на фронт, стараясь не переиграть. Ведь Урд всё же был моим пристанищем, а не родиной. И имей я возможность — сбежал бы ещё дальше. Только б от войны подальше. Но пока я военлёт Народного государства, сделать этого я не могу. Слишком велик риск.

Больше всех возмущался, конечно же, комэск Всполох.

— Да плевать на все эти приказы! Есть только один приказ во время войны — вперёд на врага! И нет приказа сидеть в тылу! Нет, товарищи военлёты, вы как хотите, а я — сбегу. И Бронд меня не удержит.

Сидевший с нами командор Китобоев только рассмеялся. Он много времени проводил с нами. Мы сидели и часто пили ту самую казёнку, которую Бронд получил за пленение «Дерфлингера». За это время Бронд даже ухитрился худо-бедно выучить урдский язык, хотя говорил он намного хуже, чем я.

— Я никого из вас не держу, — сказал он Всполоху. — Летите, куда вам угодно. Хоть бы и сразу на фронт. Аэропланы ваши полностью отремонтированы — так что хоть сейчас в бой.

— Вот именно! А мы тут сидим и казёнку трескаем. Будто и нет войны. И враг нашу землю не топчет.

— Кстати, уже не топчет, — заметил я. — После атаки из Соловца Брунике отвёл свои войска почти к самому Берестью. А теперь товарищ Бессараб окончательно вытеснил блицкриговцев за границу. Теперь линия фронта проходит как раз по ней. Бои, кстати, почти затихли. Видимо, снова начинается окопная война.

— Да какая бы ни была, а это война, — упорствовал Всполох. — И мы должны быть там.

— Думаю, скоро будете. — Бронд разлил всем очередную бутылку казёнки. — Военлёты всегда нужны, значит, исправят приказ — в той части, которая вас касается — и отправитесь вы на фронт.

Пока же нам оставалось гостить у Бронда. И предаваться безделью. А от безделья тянуло пить. Делать-то всё равно нечего. Первое время ещё наблюдали за починкой наших аэропланов. Но когда их отремонтировали, делать стало нечего вообще.

Вот и сидели мы часами у Бронда, коротая время за разговорами и казёнкой.

Однако в эту спокойную и размеренную жизнь с казёнкой и длинными разговорами ворвался вихрем товарищ Гневомир.

Он примчался на «Народнике». Безразгоннике урдской модели — первом аэроплане, сделанном в Народном государстве. Это была двухместная машина. За рычагами её сидел опытный летун, а страж располагался у него за спиной.

Едва ли не все свободные от дел выбежали на лётное поле — поглядеть, кто же это прилетел. Конечно же, я и мои товарищи военлёты из Соловца, не были исключением. Особенно после того, как Баташ узнал в летящем к крепости безразгоннике именно двухместную модель «Народника».

Летун легко выбрался из кабины аэроплана. А вот пассажир вылезал долго. Он явно не был привычен к перелётам. Тем более, к долгим. Судя по скованным движениям пассажира, в небе ему пришлось провести не один час.

— Товарищи! — выкрикнул пассажир, которым был ни кто иной, как Гневомир. — Мне нужно поговорить с вами и комендантом этой крепости. Немедленно.

Я понял, что хороших новостей ждать не приходится.

Мы собрались в привычной уже комнате Бронда. Командор даже вынул из ящика бутылку, но страж отрицательно замахал руками.

— Нет-нет-нет! — сказал он. — Разговор у нас будет коротким. И мне как можно скорее надо будет вылетать.

Воспользовавшись возможностью, Гневомир с удовольствием вытянул ноги. А затем неожиданно опёрся руками на стол и уронил голову в раскрытые ладони.

— Что стряслось, товарищ Гневомир? — обратился я к нему на правах человека, знающего его лучше остальных. Собственно, никто, кроме меня, Гневомира не видел в глаза до этого дня.

— Нам ударили в спину, товарищи, — сказал он. Голос стража Революции звучал несколько невнятно. Он не отрывал ладоней от лица. — В то время, как вы вели бои под Берестьем и Соловцом против фельдмаршала Брунике, на юге блицкриговцы перешли границу. Двумя корпусами при поддержке цириков князя Махсоджана. Собственно, наше нападение на Баджей и стало поводом для объявления войны. Блицкриг и Махсоджана поддержала Бейликская порта. Армия Гюрай-бея, которая насчитывает несколько сот тысяч солдат. Пограничные заставы и крепости не продержались и нескольких часов. Их просто завалили трупами бейликов. В Порте не привыкли считаться с потерями. Дешт захватили через три дня после начала войны. Как только стало известно о наших поражениях, многие князя Великой степи присоединились к Махсоджану, вспомнив о его религиозном титуле и «оскорблении веры», которые мы нанесли им, уничтожив Баджей.

— А товарищ Гамаюн? — Я понимал, какой ответ услышу, но вопрос задать должен был.

— Погиб товарищ Гамаюн. — Гневомир отнял руки от лица и поглядел на меня. — Он был в Деште, и отказался покинуть город. Хотя отлично знал, что тот обречён. И не хуже того знал, как принято поступать с уполномоченными и стражами Революции.

— А мы сидим тут! — вскочил со своего места Всполох. — Нет! Дольше я сидеть у Китобоев не намерен. Довольно с меня. Пусть трибунал, но я ещё успею повоевать с Блицкригом.

— Не будет трибунала, — успокоил его Гневомир. — Бессарабу уже передан по телеграфу приказ принять вас в ряды воздушных сил его армии.

Вот передышка и закончилась. Я снова отправлялся на войну.

— Только к товарищу Готлинду у меня отдельное дело, — добавил страж. — Мне нужно поговорить с ним наедине.

— Моя комната в вашем распоряжении, — произнёс Бронд, вставая из-за стола. В руке он по-прежнему держал запечатанную бутылку казёнки. — Идёмте, товарищи военлёты. Отметим ваше возвращение на войну.

Летуны и командор Китобоев вышли из комнаты. Оставили нас с Гневомиром наедине.

— И что же вы приберегли для меня? — спросил я стража.

Тот выпрямился на стуле. Вынул из кармана очки, водрузил их на нос.

— Тебя хотят видеть в столице, — без предисловий начал он. — Точнее нас обоих. Объяснять что-либо здесь и сейчас слишком долго. К тому же, я и не имею права говорить многого. А ещё большего — просто не знаю.

— Ты можешь ответить мне на один вопрос, товарищ Гневомир, — вздохнул я, — почему именно я?

— Точно сказать не могу, — покачал головой страж Революции, — но мне почему-то

кажется, что это как-то касается твоего баджейского приключения.

Только теперь я понял, что Гневомир обращается ко мне на ты, и называет товарищ, а не гражданин.

— Ты серьёзно настроен вылетать так быстро, как сказал? — спросил я у Гневомира.

— Летун мой останется в армии Бессараба, — ответил тот, — а я уж как-нибудь вытерплю перелёт до столицы.

— Тебе, конечно, виднее, — покачал я головой. — Однако я бы на твоём месте отдохнул бы немного сначала. Нам ведь не один день лететь. Даже на безразгоннике перелёт займёт не меньше недели.

— Потерплю, — отрезал Гневомир. — Сроки у нас весьма сжатые.

— Ну раз так, — пожал плечами я, вставая со стула. — Тогда идём, товарищ Гневомир. «Народник», скорее всего, уже готов к вылету.

— Тем лучше, — кивнул Гневомир.

Мы вернулись к взлётно-посадочным полосам крепости. Механики, действительно, уже закончили с «Народником». Аэроплан стоял на полосе, готовый к взлёту. Там же находились и военлёты вместе с Брондом.

— Быстро вы улетаете, — произнёс командор Китобоев. — Совсем отдохнуть не желаете, товарищ?

— Времени нет, — бросил в ответ Гневомир на достаточно чистом имперском.

Коротко попрощавшись с товарищами, я сел за штурвал незнакомого аэроплана. Придётся осваивать его прямо в воздухе, как это было с «Носорогом». Но мне это не впервой.

— Устроился, товарищ Гневомир? — обернулся я к стражу, примащивающемуся сзади меня.

— Вполне, — ответил он. — Можно взлетать.

— Ну, значит, от винта!

«Народник» поднялся в воздух. Я развернул его — и, сверившись с картой, направил аэроплан к столице Народного государства.

«Народник» оказался отличной машиной. Шёл ровно. Не рыскал и не дёргался при длительном перелёте. А лететь нам пришлось не одни сутки. Лишь один раз мы приземлились на небольшом аэродроме близ военного городка. Прибыли точно по расписанию, а потому нас встретили техники и командир с уполномоченным воинской части.

Пока в нашем аэроплане меняли аккумуляторы, мы с Гневомиром могли хоть немного отдохнуть. Нам выделили топчаны, на которых, скорее всего, спали техники, дежурившие по ночам. Предложили консервы и горячий чай. Однако от еды мы с Гневомиром отказались. После полутора суток в небе хотелось только вытянуться на топчане, давая отдых уставшим ногам и спинам.

Несмотря на вынужденное долгое молчание, разговаривать тоже не тянуло. Мы улеглись на топчанах. Сон подкрался незаметно.

Казалось, мы не успели и глаз сомкнуть, как нас уже будят командир с уполномоченным. Нам в дорогу сунули термос и бумажный кулёк с бутербродами.

Распрощавшись с военлётами, даже имён которых не знали, мы с Гневомиром забрались в аэроплан. И я снова поднял его в небо.

Еда и горячий кофе из термоса пришлись очень кстати. Есть захотелось быстро. Особенно после короткого отдыха.

В общем, перелёт дался мне в чём-то легче, чем предыдущий, когда пришлось лететь на «Носороге» из-под Усть-Илима в Баджей. Но в чём-то и тяжелее. Короткий отдых и еда с горячим кофе, большая часть которого досталась мне, конечно, облегчили полёт. С другой стороны, в прошлый раз у меня был сменщик, можно хоть ненадолго отпустить рычаги. Да и кабина «Носорога» заметно больше. Сейчас же у меня уже спустя несколько часов снова затекли ноги и заныла спина.

Приземлились мы уже не в самой столице Народного государства, а на ещё одном военном аэродроме за городом. Только этот аэродром был куда больше предыдущего. И отдохнуть в этот раз нам не дали.

Едва мы с Гневомиром, хрустя суставами, выбрались из «Народника», к нам уже шагала весьма внушительная делегация из пятерых человек. Возглавлял её высокий человек в чёрном кожаном плаще поверх формы. С бритой головой, как у товарища Бессараба и такими же усиками. Правда, не столь крупного телосложения, что видно было, несмотря на кожаный плащ.

— Здравствуйте, товарищи, — подал он нам с Гневомиром руку. — Вы пунктуальны. Это радует. Идёмте.

Он развернулся и зашагал к небольшому зданию. Четверо его сопровождающих направились следом, отрезав нас от бритоголового.

— И кто это такой? — спросил я у Гневомира.

— Большой человек, — ответил тот. — Товарищ Огнедар — начальник разведки Урда.

Пояснять дальше Гневомир ничего не стал. Да и не было особенной нужды в пояснениях.

Помощники проводили нас до входа в здание. Они остались на улице, пропустив нас следом за товарищем Огнедаром в дом.

Собственно, дом этот состоял из одной комнаты. Всю обстановку её составляли стол и пять стульев. Огнедар оседлал один из них, предложив нам присаживаться напротив него.

— Времени у нас почти под обрез, — без лишних предисловий начал он. — Так что пока слушайте меня и не перебивайте. Положение Народного государства крайне тяжёлое. Да, крепость Соловец прoderжалась намного дольше, чем должна была, и этим спасла весь Урд. Соединившись, армии Брунике и Онгемунд, должны были рассечь наши войска в Прияворье и в приграничных с Великой степью областях и окружить весьма значительную группировку. Именно поэтому Народная армия пришла на помощь Соловцу так поздно. Нам удалось остановить Онгемунда и Гюрай-бея, а Брунике даже выдавить за границу. Но положение всё ещё очень тяжёлое. И всё может решить вмешательство Котсуолда. Островитяне пока держатся в стороне от войны. Однако в Котсуолде объявился наш старый знакомый Адмирал. И вы сами понимаете, что нам это совсем не нравится. Котсуолд уже вооружал Адмирала и его армию. Слал винтовки, пулемёты, целые эшелоны боеприпасов. Блицкриг весьма успешно прикрылся князем Махсоджаном. Теперь Котсуолд вполне может поступить точно также. Наша задача этого не допустить.

Он перевёл дух. Ни я, ни Гневомир не стали спрашивать, причём тут мы. Были бы ни причём, нас бы так срочно не выдёргивали с самых окраин Народного государства. Практически с линии фронта, где и я, и Гневомир могли принести определённую пользу.

— Вы, товарищ Готлинд, возможно наш единственный ключ к Адмиралу. Вы ведь были представлены ему. Он допустил вас до сверхсекретных экспериментов с их чёртовым газом. И, главное, сам Адмирал вряд ли догадывается, что именно вы, товарищ Готлинд, послужили причиной гибели Баджея. Вашей основной задачей, товарищ Готлинд, будет каким угодно образом скомпрометировать Адмирала в глазах котсуолдского правительства. Или же наоборот. Делайте что угодно, Готлинд, но Котсуолд не должен поддержать Адмирала и вступить в войну на стороне Блицкрига. В этом случае нам конец. Это я говорю, чтобы вы понимали всю серьёзность возложенной на вас миссии.

— У меня только один вопрос, товарищ Огнедар, — сказал я. — Почему именно я? Ведь, как ни крути, а настоящим гражданином Народного государства я не являюсь. Всё время у вас на подозрении, хотя уже не под гласным надзором. Однако именно на меня вы возлагаете миссию такой важности.

— Я уже всё объяснил, — отмахнулся Огнедар. — А если проще сказать, товарищ Готлинд, то нет у нас выбора. Одного человека, даже такого профессионала, как товарищ Гневомир, недостаточно. Ваше присутствие придаст его появлению достоверности. мы вынуждены рисковать. Тем более, — почти повторил шутку командарма Бессараба начальник разведки Народного государства, — что если вы и шпион, товарищ Готлинд, то дилеанский. А Империя — наш союзник в этой войне.

Мне снова стало как-то не по себе. Дальше всё шло в том же безумном ритме.

Огнедар встал из-за стола. Поглядел на наручные часы.

— До отлёта «Лузитании» осталось сорок минут. Места для вас уже забронированы и оплачены. Осталось только добраться до аэропорта. Авто ждёт вас. Одежда у вас не вполне подходящая. Но багаж на «Лузитании» тоже уже готов. Смените платье уже там. Оружие оставите в автомобиле. В ваших чемоданах лежат два котсуолдских револьвера и пара блицкриговских пистолета. Патронов по пятьдесят штук на каждый ствол. Если что, в Котсуолде разрешено свободное ношение оружия, пока страна не вступила в войну. До начала войны с покупкой патронов проблем у вас возникнуть не должно.

Мы вышли из дома. Вместе с Огнедаром и его свитой прошли к большому чёрному автомобилю. Нас усадили на заднее сидение. Вперёд сел начальник разведки. Свита осталась на лётном поле.

— Значит так, — сказал водителю Огнедар, снова поглядев на часы, — гони во весь опор. Плевать на правила. Через двадцать минут мы должны быть в Чашниково.

— Плевать на правила, — как-то недобро усмехнулся шофёр, — это я люблю.

Двигатель автомобиля утробно зарычал. Плюнул клубом чёрного дыма. И рванул с места так, что нас вдавило с мягкие кожаные сидения.

На въезде в город водитель и не подумал снизить скорость. Он нёсся по вечерней столице Народного государства, действительно, не соблюдая никаких правил дорожного движения. Видимо, к подобному поведению авто представительского класса здесь привыкли, а потому уступали дорогу. Хотя, наверное, возмущались про себя очень сильно.

Странные это были ощущения. Сидеть в автомобиле, несущемся на невероятной скорости по городу. Вроде бы аэроплан летит намного быстрее, но там я всегда контролировал ситуацию. Пассажиром летать не приходилось. А тут я всякий раз удивлялся, как это удавалось шофёру вписываться в крутые повороты на такой скорости. Авто ведь довольно тяжёлое. Его должно заносить на каждом вираже. Но — нет. Колёса автомобиля ни разу даже не приблизились к бордюру.

— Тормози, — велел Огнедар. — До Чашникова доберётесь на трамвае. Время позволяет. Билеты заберёте прямо в кассе. Ступайте, товарищи. С богом.

Изогнувшись, Огнедар протянул нам руку. Мы по очереди пожали её и выбрались из автомобиля.

Давно мне не приходилось ездить на трамвае. Уже и забыл когда прыгал на его подножку в прошлый раз. Кажется, это было ещё в Империи до моего отъезда на Урдский север.

До аэропорта Чашниково ехать было всего пару остановок. Названия их оглашала женщина-кондуктор. Купив билеты, мы не стали уходить от дверей — всё равно выходить скоро.

Мы выскочили на остановке аэропорт и быстрым шагом припустили к зданию.

— Ну что же вы так поздно, товарищи, — покачала головой женщина на кассе, выдавая нам билеты. — Заранее забронировали и оплатили, и являетесь в последний момент. А ведь знаете же, что после отхода воздушного судна деньги уже не возвращаются.

— Вы, гражданочка, вместо того, чтобы лекции нам читать, — ответил ей Гневомир, — лучше выдайте билеты поскорее, чтобы мы точно на корабль не опоздали.

— Конечно-конечно. — Женщина в кассе умудрялась искать наши билеты и болтать. — Распишитесь в получении. Товарищ Готлинд. — Она развернула ко мне книгу, поставила вечным пером галочку напротив моего имени и протянула перо мне. — Иностранец? — обратилась женщина к Гневомиру, наверное, думала, что я по-урдски не понимаю.

— Я гражданин Народного государства, — в который уже раз повторил ей я.

— Понятно-понятно, — покивала женщина, ничуть этому не удивившись, как будто граждане Урда с имперскими именами у неё тут едва не каждый день билету покупают. — Товарищ Гневомир, распишитесь тут. — Она поставила галочку и протянула перо моему спутнику. — Ваши билеты, — убрав книгу, протянула нам билеты женщина. Сверилась с часами у нас за спиной. — «Лузитания» отправляется через три минуты. Поторопитесь.

Несмотря на свою профессию авиатора, кататься на роскошных воздушных лайнерах

мне ещё ни разу не приходилось. Летал я всё больше за рычагами аэроплана или в каютах линкоров с авианосцами. И потому мне стоило известных усилий не крутить головой, когда мы с Гневомиром поднялись на борт воздушного судна.

Первым делом, прямо с трапа нас встретил помощник капитана в роскошном белом мундире, богато разукрашенном золотым галуном и фуражке с высокой тульей.

— Добро пожаловать на борт, — выпалил он заученную фразу. — Наш корабль отправляется через минуту. Разрешите взглянуть на ваши билеты?

Мы протянули билеты. Помощник сверился с ними. Кивнул.

— Ваш багаж уже доставлен в каюту. Юнга проводит вас. — Он махнул рукой мальчику в белоснежной фланельке и бескозырке.

Оторвав контрольный талон, помощник вернул нам билеты. И мы с Гневомиром отправились вслед за мальчиком в бескозырке.

Воздушный корабль поражал. Иначе не скажешь. Роскошными коврами на полу. Они были такими толстыми, что шагов не слышно. Резными панелями на переборках. Деревянными перилами трапов. Широкими иллюминаторами с легкомысленными невесомыми занавесочками.

— Ваша каюта, — произнёс юнга, остановившись у деревянной двери. На щите перед ней висели три ключа. — По одну для каждого пассажира, — пояснил юнга, — и третий я заберу. Он будет храниться в особом шкафу у капитана. И только сам капитан имеет право отдать приказ открыть вашу каюту.

— Это радует, — усмехнулся Гневомир.

Юнга говорил на урдском вполне сносно, как и помощник капитана, встретивший нас. Однако в речи их был слышен весьма заметный котсуолдский акцент.

— Кстати, весьма советую после отлёта нашего корабля, — добавил юнга, снимая ключи со щита и отдавая нам два, а третий пряча в карман, — подняться на верхнюю палубу. Взлёт «Лузитании» — весьма впечатляющее зрелище. Но в этот раз нас из-за военного времени будут сопровождать два дредноута «Колосс» и «Отмщение». Они поднимутся в небо одновременно с «Лузитанией». На это стоит посмотреть!

Он попрощался с нами — и быстрым шагом отправился по коридору.

— Странное дело, — покачал головой Гневомир. — Котсуолдским броненосцам разрешено приземлиться рядом со столицей Урда. Не думал, что подобное может быть.

— Война, — только пожал плечами я. — Котсуолдцы боятся, что их пассажирский лайнер могут сбить. В небе идёт такая драка, что уничтожение «Лузитании» легко могут списать на превратности войны. Тем более, что Котсуолд пока государство нейтральное.

— А ведь взрыв «Лузитании», — задумчиво произнёс Гневомир, — может стать первоклассной провокацией. Котсуолд его ни за что не простит.

— Ты только взрывать его не вздумай, — усмехнулся я. — Котсуолд — королевство себе на уме. И как воспринимать такую вот провокацию, они уже будут решать сами.

— Ты, конечно, у нас заграничный спец, — в тон мне ответил страж, — но в международном положении я разбираюсь не хуже твоего.

Чемоданы наши были подписаны, чтобы не, кому какая одежда предназначена. Так что переоделись мы быстро. Вот только сама одежда, по крайней мере, для меня оказалась непривычной. Я такую не носил, наверное, ни разу в жизни. В чемодане были аккуратно уложены несколько котсуолдских костюмов из серой и чёрной шерсти. Под ними обнаружился десяток белоснежных рубашек и отдельно воротнички с манжетами —

последний без счёта. Упакованные в коробки, тут же лежали два здоровенных пистолета. Своё оружие мы оставили в чёрном авто. При входе на «Лузитанию» нас не проверяли, однако лишний раз рисковать и в самом деле не стоило. Тут же нашлись и патроны с парой запасных магазинов на каждый пистолет.

— Славно нас экипировали, — протянул Гневомир.

В его чемодане, кроме отличных костюмов, лежал ещё и комплект урдской униформы старого образца. Таковую мне ни раз приходилось видеть в Баджее. Судя по качеству, форма офицерская, но без знаков различия.

— Вот те на, — усмехнулся он, — даже саблю не забыли. В своё время урдский офицер без сабли из дому не выходил. Но пока её доставать рано. — Гневомир бережно уложил саблю обратно в чемодан. — Вот пересечём урдскую границу — и мне можно будет перевоплощаться. А пока довольствуемся статским платьем.

Даже сама речь Гневомира изменилась, пока он перебирал одежду. Заговорил так, что сразу стало понятно, к какому именно классу он относится. В Урде про таких говорили «из бывших» — чаще всего с презрением. Быть таким вот «из бывших», в Народном государстве стало уже не столь опасно, как в первые годы после свержения царя, однако чуть что, именно они оказывались под подозрением первыми.

— Скажи, Гневомир, — обернулся я к нему, — ты ведь из аристократов, верно?

— Из служивых людей, если быть точным, — ответил Гневомир. — Знаю я, что ты хочешь узнать. Почему я вдруг оказался на стороне народной власти? А всё просто. Ещё в самом начале я хотел покинуть страну. Плевать я тогда хотел и на Адмирала с его идеями, и на конвент. Тем более что обе стороны стоили друг друга. Кровь лить не стеснялись. Но уже на границе меня перехватил товарищ Гамаюн. Он как раз там народную законность устанавливал. А я искал контрабандистов, которые согласились бы переправить меня в Империю. Тогда и пересеклись наши дорожки.

Узилищем для Гневомира Милорадова стала крохотная камера, где едва помещался тонкий топчан. По сути это был разгороженный фанерными стенками склад. В других таких же камерах сидели и выжившие контрабандисты, и прочие враги новой власти Урда.

Гневомир был уверен, что после схватки в убежище контрабандистов, он уж точно обречён. Ведь когда ворвались стражи Революции, он без зазрения совести застрелил двоих. И отстреливался до последнего патрона, засев за прочным столом. Успел даже подхватить револьвер убитого контрабандиста. В барабане ещё оставалось три патрона, может, удастся пристрелить ещё хоть одного косорылого.

У Гневомира не было ненависти с новой власти и её представителям. Но тут уж как на фронте — либо ты их, либо они тебя. Бывший офицер царской армии думал, что его не сумеют взять живым. Вот только он не учёл, что руководит стражами сам товарищ Гамаюн.

Лихой матрос небесного флота ловко перепрыгнул стол, за которым сидел Гневомир. Он как будто из-под земли вырос прямо перед ним. Ударом ноги Гамаюн выбил револьвер. Тот отлетел к стене, звякнув о каменный пол. Второй удар отправил Гневомира во тьму.

Очнулся новоявленный враг Народного государства уже в этом узилище.

— На выход, — раздался голос, и фанерная дверь камеры отворилась. На пороге стоял боец в гимнастёрке и богатырке с косой, молотом и башенной короной. — Выходи, контра. — Боец сделал приглашающий жест свободной рукой. Правой он придерживал винтовку. — Товарищ Гамаюн поговорить с тобой желает.

— Ну раз сам товарищ Гамаюн, — протянул Гневомир, с нарочитой ленивостью

поднимаясь с топчана.

— Ты давай пошевеливайся! — поторопил его боец. — А то штыком подгоню.

Угрозу Гневомир воспринял серьёзно. Он поднялся на ноги и поспешил за бойцом.

Гамаюн, одетый в ту же матросскую форму и бескозырку, сидел за столом в складской конторе. На столешнице перед ним лежал пистолет в деревянной кобуре.

— Свободен, — махнул страж Революции бойцу. — А ты присаживайся, гражданин Милорадов. Поговорить нам с тобой надо.

— Если полицмейстер предлагает садиться, как-то неудобно отказывать, — усмехнулся Гневомир. Но Гамаюн, кажется, шутки не понял.

— Я тебе не полицейский! — хлопнул кулаком по столу Гамаюн. — И замашки свои старорежимные брось. — От удара пистолет в кобуре подпрыгнул. — Садись, говорят тебе.

Гневомир, которому редко изменяла его вечная язвительность, внезапно устыдился своих слов. Этот матросик вполне мог прикончить его ещё на квартире контрабандистов. Однако взял живым. Мог бы расстрелять, а то и хуже того, повесить без суда и следствия. Но хочет поговорить. Вот только о чём? И для чего этому товарищу нужен этот разговор? Выяснить это Гневомир мог только одним образом.

— Контрабандисты, все как один, поют, что ты — не с ними, — начал Гамаюн. — Не хотят иметь ничего общего с бывшим. Правильное вот слово для вас придумали — бывшие. Кончилось ваше время. Вышло. Даже бандиты не хотят уже с вами дело иметь.

— Вот потому я хочу уехать из Народного государства, — всё же не удержался Гневомир.

— Так контрабандисты и говорили на допросах, — кивнул Гамаюн. — И вот что я хочу тебе сказать, гражданин Милорадов, со дня на день мы заключим мир с Империей. Для Народного государства война закончится. И поедут через границу поезда. Подождать вам осталось несколько дней. Не надо было у контрабандистов отсиживаться. И ведь последним золотом заплатили им, так? — Он вынул из стола знакомый Гневомиру мешочек. Толкнул по столешнице к арестованному. — Забери его, кстати. Нам вашего золота не надо.

Гневомир поглядел на мешочек. Очень захотелось воровато оглянуться. Однако увесистый мешочек в карман спрятал.

— Оружие тебе на входе вернут, — добавил Гамаюн.

— Я что же — свободен? — не понял Гневомир.

— Вот ответишь мне на один вопрос, гражданин Милорадов, и — свободен. Вот что ты мне скажи, гражданин Милорадов, почему ты уезжаешь из страны?

— Не хочу воевать ни на одной стороне, — ответил Гневомир. — Не хочу убивать урдцев ради каких-то химер и идей.

— Вот слушаю я тебя, а понять не могу. Мы дерёмся за новую власть. Такие как ты для нашей власти — самые опасные. Вовсе не те, кто ушёл воевать вместе с Адмиралом. А вот именно такие, как ты, гражданин Милорадов. Сначала уедете из страны, но не навсегда. Знаю я вас, считаете, что народной власти год-два — и конец придёт. А как всё на свои места встанет, сразу назад побежите. К Адмиралу под крыло! Вот только если наша возьмёт, тоже ведь обратно попроситесь. И ладно бы коммерсанты, дельцы-купцы разные. Они нам сейчас только помеха. Но ты-то боевой офицер. Я читал дело твоё. Ведь такие люди нужны Урду! Вот так, — Гамаюн провёл ребром ладони по горлу, — нужны. Как воздух. А ты — бежать думаешь.

Вот тогда-то Гневомир и испытал чувство, о котором, как ему казалось, он прочно

позабыл с самого детства. Стыд. Жаркий, душный. Как будто в складской конторе мгновенно поднялась температура.

— А теперь иди отсюда, куда тебе угодно, гражданин Милорадов, — махнул ему рукой Гамаюн.

— Я вот только чего понять не могу, — спросил я у Гневомира, — как ты оказался среди стражей Революции? Как я понял, ты служить новой власти не хотел.

Гневомир в этот момент помогал мне управиться с галстуком. Куда лучше меня подкованный в подобных вещах, мой спутник уже помог мне с манжетами и воротничком. Теперь же примерял на меня галстук.

— Понял, что без меня этой власти с врагами бороться будет трудно, — ответил Гневомир.

* * *

Попался товарищ Гамаюн классически. На своей безмерной вере в себя. И не проболтайся один старинный фронтовой товарищ Гневомиру о том, что, мол, завтра будут кончать главного стража косорылой революции в городе, тот бы не сумел помочь.

А всё дело было в огромных ценах на еду и спиртное, которые ломили в здешних кабаках. Из-за них обыватели придумали очень простую штуку. Ели-пили вдвоём. Один брал еду, второй — выпивку. Запас золотых червонцев стремительно истощался, а переговоры между Империей и Народным государством всё шли. И поезда пускать за границу не спешили. Каждый раз проверяя содержимое мешочка, Гневомир думал, что так скоро ему не на что будет жить за кордоном.

Именно с целью разделить еду и питьё подсел к Гневомиру фронтовой приятель. Выглядел бывший офицер достаточно неплохо. Явно не бедствовал. И вполне возможно, главной целью его был разговор с Гневомиром, а вовсе не обед с казёнкой.

Они выпили четверть бутылки, прежде чем товарищ решился-таки заговорить.

— Нам уже известно, что тебя взяла косорылая охранка, — сказал он. — И мы рады, что тебе удалось отвертеться. Скажи только честно — почему?

— Контрабандисты, по делу которых меня взяли, — сказал Гневомир, — сами активно заявляли, что я к ним никакого отношения не имею. Боятся связываться с бывшим.

— Уголовники, что с них взять, — усмехнулся бывший товарищ. — Но оно к лучшему. Мне поручено было проверить тебя, и я считаю, что ты нам подходишь.

— Подхожу для чего? — спросил у него Гневомир.

— Для нашего дела, — загадочно произнёс его собеседник. — И оно тебе, я считаю, очень понравится.

Бывший фронтовой товарищ ночью постучался в дверь снимаемой Гневомиром комнатки. И он был не один.

Их было пять человек. Вместе с Гневомиром шестеро. Они долго шагали по тёмным улицам приграничного города. Явно петляли. Видимо, бывший фронтовой товарищ плохо знал Гневомира. В отличие от товарища Гамаюна.

Дом, куда его привели, на самом деле, находился не так далеко от съёмной квартиры, где жил Гневомир. В закопченных окошках его горел свет. Все шестеро быстро вошли в дом. В единственной комнате его мгновенно стало тесно.

Внутри стоял недавний знакомец Гневомира. Товарищ Гамаюн. Гневомир понял, что его опасения оправдываются.

— Так это ты мне письмо прислал, гражданин Милорадов, — усмехнулся Гамаюн, снимая кобуру с пистолетом и бросая его Гневомиру. — Значит, выбрал себе сторону.

— Молчать! — выкрикнул предводитель их компании, державшийся с заносчивостью истинного аристократа. И не из служивых людей. — Говорить будешь, когда я разрешу.

— Вы же сами, граждане контрреволюционеры, решили поговорить со мной, — пожал плечами Гамаюн.

— Никто с тобой разговаривать не будет, быдло! — рявкнул предводитель.

— Значит, убивать пришли, — кивнул Гамаюн, не обращая на него никакого внимания. Он как будто сам с собой разговаривал, словно один он был тут в этом грязном домике с закопченными окошками и керосиновой лампой. — Вшестером на одного. Да ещё и дождались, когда я оружие отдам. А скоро разговоров о благородстве говорите.

— Благородство не для такого быдла, как ты!

Вот именно после этих слов предводителя Гневомир и принял для себя решение. Все его спутники смотрели только на отважного стража Революции. Товарищ Гамаюн пришёл по их вызову один. И даже отдал пистолет. А ведь понимал, что его убивать будут.

Пользуясь тем, что никто не смотрит на него, Гневомир расстегнул кобуру, которую всё ещё держал в руках. И кинул её Гамаюну. Страж Пролетарской революции ловко поймал её. Выхватил из неё пистолет раньше, чем пришедшие его убивать господа успели понять, что происходит.

Грянул первый выстрел. Предводитель упал, даже не успев схватиться за пробитую пулей грудь. Остальные четверо только потянулись за оружием, а у Гневомира оно уже было в руках. Он дважды выстрелил в спину стоящим впереди контрреволюционерам. Дважды рявкнул мощный котсуолдский револьвер. С такого расстояния его пули были смертельны. Красные пятна расплылись по серым пиджакам спутников Гневомира.

Дальше они с Гамаюном стреляли вместе. Оставшиеся двое контрреволюционеров упали, буквально изрешечённые пулями.

— Выходит, не ошибся я в тебе, товарищ Гневомир, — улыбаясь, произнёс Гамаюн, когда последний контрреволюционер был убит. Он шагнул к Гневомиру и протянул ему руку.

И тот понял, что его впервые за последние несколько лет назвали просто по имени. Да ещё и с добавлением этого набившего оскомину народнического обращения «товарищ». Но обращение это, которое Гневомир ещё вчера посчитал бы оскорблением, его ничуть не покорило.

— Вот так я из бывшего офицера Гневомира Милорадова, стал товарищем Гневомиром, — усмехнулся мой спутник. — Правой рукой грозы контрреволюционеров товарища Гамаюна.

— Я только не понял, — решил всё же уточнить я, — как это обычный офицер-фронтвик так легко понял, что его водят по городу? И что такого интересного вычитал о тебе Гамаюн в том самом деле?

— Фронтвиком я себя называю, — был ответ, — из-за того, что служил во фронтовой контрразведке. Но когда дела пошли совсем плохо, даже нам пришлось взяться за винтовки. И тот самый знакомец фронтовой не знал, где я служу.

Воздушные дредноуты Котсуолда выглядели весьма впечатляюще. Конечно, я не раз за годы войны становился свидетелем подобного зрелища. И всё-таки меня поражали размеры этих невероятных судов. А уж когда они летят над таким большим городом, как столица Урда, это производит особенно сильное впечатление.

Переодевшись, мы с Гневомиром вышли-таки на верхнюю палубу. Не сидеть же в каюте всю дорогу. Скучно всё-таки. Мы любовались медленно проплывающим внизу городом. Местами он был правильной застройки — с квадратами кварталов, разделённых прямыми улицами. Но это ближе к центру, где строили по плану, уже в начале этого века. А вот на окраинах царил обычный хаос. С мешаниной кривых улочек и переулков. Кварталы уже перестают быть ровными квадратами, образуя самые причудливые геометрические фигуры.

По верхней палубе, кроме нас прогуливались другие пассажиры. И как будто не было никакой революции, Готлинд. Люди-то те же и остались. Ничуть не изменились. Ведь ничем, наверное, не отличаются от такой же публики в Империи или Нейстрии. Как ты считаешь, Готлинд?

— Общество, — усмехнулся Гневомир. — И ведь как будто не было никакой революции, Готлинд. Люди-то те же и остались. Ничуть не изменились. Ведь ничем, наверное, не отличаются от такой же публики в Империи или Нейстрии. Как ты считаешь, Готлинд?

В голосе его звучала какая-то горькая ирония.

— Ты-то революцию не делал, Гневомир, — пожал плечами я. — И не слишком-то обрадовался ей, верно?

— Может и так, — кивнул тот, признавая мою правоту. — Но был бы тут товарищ Гамаюн, он бы уже устроил такой разнос, что всем вокруг тесно стало. В отличие от меня, он революцию делал — и кровь за неё проливал.

Расписание на борту «Лузитании» царило по-настоящему флотское. Завтрак, обед и ужин по расписанию. Каждому выделено своё место за столиком на троих человек, согласно купленным билетам. Чем дороже билет, тем, соответственно, выше класс ресторана. И еда, наверное, приличнее. Хотя, конечно, спроси любого стюарда, он, естественно, ответит, что меню ничем не отличается. А, возможно, так оно и было. Не столь уж велики запасы приличной провизии на борту воздушного судна. Даже пассажиры первого класса съели бы всё достаточно быстро.

Нам повезло. А может это позаботился товарищ Огнедар. Мы с Гневомиром были за столиком одни. Хотя по корабельному расписанию нам полагался третий сосед. И мы вполне могли спокойно поговорить. В ресторане было достаточно чужих ушей, однако стоял такой гул от разговоров, что подслушать кого-либо практически невозможно.

— Скоро минуем границу Народного государства, — произнёс как-то Гневомир. — Скорость, наверное, упадёт. Ведь мы полетим над зоной боевых действий.

— Наоборот, — покачал головой я. — Несмотря на сопровождение из двух дредноутов, мы очень уязвимы. Но с другой стороны, никто не станет атаковать мирный корабль нейтральной страны. Тем более, котсуолдский. Слишком хорошо всем памятна сражения с участием их броненосцев.

— Мне-то больше по земле топтать приходилось, — ответил Гневомир. — А в траншеях головы не задирали. Так можно и пулю в лоб схлопотать.

— Окопный юмор, — понимающе кивнул я.

— Он самый, — подтвердил страж Революции. — В общем, что творится в небе, мы не видели. Только раз видел битву воздушных кораблей. Мы тогда ловили шпиона в дивизии ПВО. При зенитчиках находился безотлучно. Но тогда всё где-то за облаками происходило. Почти ничего не видно. Только вспышки какие-то. Да обломки градом сыпались.

— Военные воспоминания это, конечно, хорошо, — оборвал Гневомир сам себе, — но у нас есть и более насущные проблемы. Нам ведь надо каким-то образом втереться в доверие к самому Адмиралу. Товарищу Огнедару, конечно, легко командовать. Выдал тебя. Выдал старую форму. Оружие. И вперед! А нас, конечно, так и пустили к Адмиралу. Как узнают, что прибыли двое подозрительных граждан Народного государства, так с распростёртыми объятьями и приняли. И прямо к Адмиралу и проводили. Да его охраняют, наверное, как зеницу ока. И без самой тщательной проверки и на пушечный выстрел к нему не допустят.

— А у нас есть шансы пройти эту самую проверку? — поинтересовался я.

— Чёрт его знает, — развёл руками Гневомир. — Для самого Адмирала хватило бы и формы, которая лежит у меня на чемодане. Ну и твоего присутствия. Но я отчего-то сильно сомневаюсь, что котсуолдская контрразведка так легко поверит нам. Они слишком хорошо набили руку на имперских шпионах. Твоих бывших соотечественников, Готлинд, во время предыдущей войны вылавливали десятками. Теперь же кидаются на каждую тень. И особенно сильно опасаются людей из Урда. Слишком уж страшит их Народное государство.

— Но мы ведь представимся как враги Народного государства.

Наверное, мои слова прозвучали наивно, потому что Гневомиру стоило известных усилий не рассмеяться в голос.

— А надо было, конечно, представляться сотрудниками урдской разведки. И, естественно, доложить о нашем задании. Тогда нас, конечно, упекут в дурдом, а не отправят на каторгу.

— Из дурдома сбежать проще, — пожал плечами я.

Вот тут Гневомир не выдержал — и рассмеялся.

— Ладно, — вытерев слёзы, выступившие на глазах, произнёс он, — а теперь серьёзно. У нас не так много времени, чтобы продумать план действий.

— Знаешь, Гневомир, — снова пожал плечами я. — Тут на меня особенно не рассчитывай. Всё, чем могу помочь, это мои впечатления от самого Адмирала. Я ведь встречался с ним всего дважды. А что касается шпионских дел, здесь я тебе не помощник. Никогда ничем подобным не занимался.

— Об Адмирале ты мне, конечно, всё подробно расскажешь, — кивнул Гневомир. — Без этой информации нам к нему не подобраться близко. Но для начала надо миновать котсуолдскую контрразведку. И как это сделать, я не знаю. Пока не знаю.

Мы встали из-за стола. Обед был закончен. К столу тут же подошёл официант. Принялся собирать тарелки и приборы.

Мы медленно и размерено шагали по коридору. Ноги бесшумно ступали по толстому ковру.

— Тут просто раздолье для убийц или диверсантов, — усмехнулся Гневомир, наверное, чтобы рассеять молчание. — Не слышно, как идешь. Вот так всадят тебе нож в спину. А ты и не поймёшь ничего, пока не почувствуешь сталь под лопаткой.

Но вместо ножа под лопатку был револьверный выстрел. Не успели мы с Гневомиром повернуть за угол, как он оглушил нас обоих. А следом прозвучали ещё два. Мы с

Гневомиром рухнули ничком. Сработали фронтальные рефлексы, не раз спасавшие жизнь нам обоим. Мы растянулись на ковре раньше, чем прозвучали вторые два выстрела. А вот первая пуля ожгла мне плечо, разорвав отличную ткань котсуолдского костюма.

Перекатившись на спину, я, не обращая внимания на боль, вытащил из кобуры револьвер. Дважды выстрелил наудачу туда, откуда прозвучали выстрелы. Пули только выбили щепу из стен. Гневомир даже стрелять не стал. Смысла не было. Враг уже скрылся за углом.

А по коридору уже стучали башмаки матросов.

— Прячь оружие, Готлинд, — прошипел Гневомир. — И ходу отсюда.

Я сунул револьвер обратно. Вместе мы бросились прочь от ресторана. И хоть каждое движение отдавалось страшной болью в простреленном плече, я скрипел зубами, но бежал. Бежали мы с Гневомиром в ту же сторону, куда и таинственный стрелок. Если, конечно, я не ошибся.

Лишь краем глаза мне удалось заметить спину, затянутую в чёрную кожу. Быть может, это и был стрелок. А может, просто испугавшийся выстрелов пассажир.

Мы с Гневомиром счастливо миновали сбежавшихся к выходу из ресторана матросов и офицеров корабля. Уже в каюте страж Революции обратил внимание на то, что серая ткань моего пиджака на рукаве почернела от крови.

— Зацепило всё-таки, — сказал я. — Помоги снять пиджак. И, кстати, нам товариш Огнедар не положил нам в чемоданы ещё и медикаментов с бинтами? Как-то не хочется обращаться в корабельный госпиталь.

— Вопросов будет слишком много, — кивнул Гневомир. — Медикаменты-то есть, но тут нужен хирургический набор. — Страж Революции осматривал моё плечо. Мне оставалось только зубами от боли скрипеть. — Выходного отверстия нет. Скажу сразу, у меня опыта хирургических операций не имеется. Пули вынимать не умею.

— Давай снимем пиджак для начала, — сказал я. — Поглядим, что там с моей рукой. Может, всё не так страшно, как кажется.

— Или ещё страшней, — усмехнулся у меня за спиной Гневомир. — На счёт три снимаю пиджак. Раз, — сказал он, и тут же, без предупреждения, сорвал с меня пиджак.

Я задохнулся от боли, пронзившей плечо. Как будто мне снова выстрелили в него. Кровь хлынула с новой силой. Теперь её не сдерживала плотная ткань пиджака. Она струей полилась на толстый ковёр на полу.

— Плохо дело, — покачал головой Гневомир, внимательно осматривая моё ранение.

Теперь я и сам отлично видел, что дело очень скверное. Пуля пробила бицепс. Кровь толчками выходила из раны. Она уже пропитала весь рукав рубашки, сделав его из белого багровым. Красной стала и кисть левой руки.

— Нет, Готлинд, — покачал головой Гневомир. — Тебе надо к врачу. С пулей в плече долго не проходишь. Я могу сделать тебе перевязку. Но до Котсуолда лететь не одни сутки. Если начнётся заражение...

— Не надо мне расписывать все прелести огнестрельных ранений. — Я хотел махнуть правой рукой, но только сделал движение, как боль пронзила плечо и отдалась в груди. — Сам понимаю, что надо к врачу. Но не ты ли мне рассказывал о проверках котсуолдской контрразведки? Думаешь, её представителей не заинтересует огнестрельное ранение на борту «Лузитании»? Слишком много будет к нам вопросов. Кто в нас стрелял? Зачем? Откуда у нас оружие? Ведь каюту же перетряхнут, найдут и форму твою, и саблю, и

револьверы с пистолетами, и патроны. И что мы им будем говорить?

— Это, конечно, можно и на пользу себе обратить, — в задумчивости потёр подбородок Гневомир. — Покушение кровавых стражей Революции на нас, истинных патриотов, стремящихся к Адмиралу. Тогда и оружие, и сабля, и мундир вполне оправданы. Как ты считаешь?

— Думай быстрее, Гневомир, — прохрипел я, опускаясь в кресло. Теперь кровь лилась на мягкий подлокотник. — Пока я тут кровью не истёк.

— В лазарет тебе надо — это не обсуждается. А уж думать, что станем объясняться, будет потом. Идём, Готлинд.

Он протянул мне руку. Помог мне подняться на ноги. Но тут в дверь каюты постучались.

Мы с Гневомиром тут же обернулись ко входу. В руках у обоих были револьверы. Я думал только о том, что мы не заперли дверь. Как-то не до того было.

— Я сейчас открою дверь, — раздалось с той стороны. — Не стреляйте.

Мы с Гневомиром переглянулись. Кивнули друг другу.

Дверь отворилась. И мне стоило очень больших усилий сразу не спустить курок. Потому что на пороге стоял Вадхильд. А ведь я считал его мёртвым. Я сам всадил ему две пули в грудь. И проверил ещё — мёртв ли тот. Имперский шпион был однозначно мёртв. И вот Вадхильд снова стоит передо мной. Живой, и как ни странно вполне здоровый.

Чтобы не выстрелить в него, я даже опустил револьвер.

— Это хорошо, что вы не стали стрелять в меня, — кивнул Вадхильд. В правой руке он держал саквояж. — Я могу помочь Готлинду с его ранением.

— А откуда ты знаешь, что Готлинд ранен? — быстро спросил у него Гневомир.

— Всё очень просто, — усмехнулся имперский шпион. — Это я в вас стрелял. Для чего, и почему решил теперь помочь, я сейчас рассказывать не буду. Слишком долго. У меня с собой имеется хирургический набор. И я могу извлечь пулю из плеча Готлинда. Вам не придётся обращаться в здешний лазарет. И лишних вопросов к вам не будет.

Я почувствовал, что теряю концентрацию. В глазах всё плыло. Ноги начали подрагивать. Револьвер вот-вот вывернется из пальцев. Понимая, что этого делать, вообще-то, не следует, я отступил на пару шагов. Рухнул обратно в кресло. Голова закружилась. Я машинально провёл левой рукой по лицу, чтобы стереть со лба испарину. Но только вымазал кровью всё лицо.

— Он же истекает кровью, — как сквозь вату услышал я. — Надо что-то делать. Иначе он умрёт...

Затем была короткая боль от укола. И я провалился в глубокую тьму морфийного забытья.

Проснулся я уже лежащим на кровати. Левое плечо туго перетянато повязкой. Голова была такой тяжелой, что её не оторвать от подушки. Обычные последствия действия морфия.

Я слышал звон хирургических инструментов и звук льющейся воды. Сквозь него звучали два голоса. Уши у меня всё ещё были словно забиты ватой, но прислушавшись, я быстро стал разбирать, о чём говорят Вадхильд и Гневомир.

— Тебе не кажется, Вадхильд, что пора бы уже объясниться? — говорил страж Революции.

— Можно и объясниться, — отвечал тот. — Я никогда не верил, что Готлинд принял урдское гражданство. Думал, что он всё-таки работает на имперскую разведку. Никто ведь

не станет искать шпионов так глубоко, как он засел. Ещё думал, что он очень хорошо внедрился для непрофессионала.

— Значит ты, Вадхильд, работаешь на другую разведку, — сделал вполне логичный вывод Гневомир. — Блицкриг?

— Давай оставим этот вопрос, — отмахнулся Вадхильд. — Сейчас важно, что я работаю не на Дилеанскую империю.

— Что ж в этом важного именно сейчас?

— Очень просто, — усмехнулся Вадхильд. — Имперские шпионы собираются взорвать «Лузитанию».

— Чтобы Котсуолд вступил в войну, — задумчиво произнёс Гневомир. Я живо представил, как он кивает и потирает подбородок. — Но где гарантия, что островитяне вступят в войну на стороне Империи?

— Взрывать они будут через два дня, — пояснил Вадхильд, — когда в двух километрах от «Лузитании» будет находиться воздушный патруль Блицкрига. Шпионы подорвут двигатели нашего лайнера. И никто не станет разбираться, из-за чего они взорвались.

— «Колосс» и «Отмщение» вступят в бой с блицкриговским патрулём, — продолжил мысль Гневомир, — а это уже равносильно объявлению войны. Выходит, работаешь ты, Вадхильд, на Блицкриг.

Вадхильд ничего говорить не стал. Быть может, пожал плечами. Сознаться на кого работает, шпион явно не собирался.

— А эти шпионы, что же, самоубийцы? — не дождавшись ответа, задал ещё один вопрос Гневомир.

— На нижней палубе, — ответил Вадхильд, — несколько эвакуационных планеров стоят уже подготовленные для экстренного выброса.

— Ну да, — я представил, что Гневомир снова потирает в задумчивости подбородок, — после взрывов начнётся неизбежная паника. И они вполне успеют сбежать до того, как команда восстановит хоть какое-то подобие порядка и начнёт эвакуацию.

— Как видите, план прост почти до гениальности, — согласился Вадхильд. — И мы должны их остановить.

— Ну почему же, — усмехнулся Гневомир. — Нам как раз выгодней, чтобы их миссия завершилась успехом. Мы вовремя эвакуируемся, например, на подготовленных дилеанцами планерах. Ведь диверсия как таковая играет на руку Урду.

— А о людях на «Лузитании» вы подумали?

— Всех не спасёшь. И намного больше наших граждан погибнет, если Котсуолд не вступит в войну. Жертвуем малым, чтобы спасти большее.

— Надеюсь, ты не станешь стрелять в меня? — даже через вату в ушах я услышал напряжённость в голосе Вадхильда.

— Мы даже поможем вам. — Не знаю, как Вадхильд, а я был ошарашен этими словами Гневомира. — Не хочется высаживаться на планере посреди поля боя. Да и у нас есть своё задание, которое надо выполнять.

Вадхильд загремел хирургическими инструментами, складывая их в саквояж.

— Как ухаживать за раненым, думаю, вы знаете, Гневомир, — сказал напоследок Вадхильд. — Когда выясню что-то насчёт диверсии более подробно, снова загляну к вам.

— Буду ждать вашего визита, — ответил Гневомир.

Дверь нашей каюты хлопнула. Следом проскрежетал закрываемый замок. Ещё через

пару минут я увидел Гневомира. Он наклонился надо мной.

— Ты слышал Вадхильда, — утвердительно произнёс страж Революции. — Мы поможем ему, но до определённого момента.

— Это как? — просипел я, подивившись, каким тихим и хриплым стал мой голос.

— Диверсия состоится, — пояснил Гневомир. — Только «Лузитания» не должна упасть. Один двигатель могут и вывести из строя. Да и то не сильно. Главное, чтобы было как можно больше огня и дыма.

— Провокация состоится, — понятно кивнул я, — и мы останемся в воздухе.

— Так что, товарищ Готлинд, — коснулся моего здорового плеча Гневомир, — приходи в себя поскорее. Ты мне скоро будешь очень нужен.

— Постараюсь.

Отлёживался я недолго. Ведь моё отсутствие за столиком в ресторане могли заметить. А допустить этого было нельзя. К нам в каюту не то, что доктора, даже уборщицу пускать было нельзя. Раскисший ковёр хлюпал под ногами. На кресле ржавые пятна крови. Кровать тоже в ужасном состоянии. Пока я не мог толком подняться на ноги, приходилось спать на заскорузлых от крови простынях. Только на третий день я сумел добраться до кресла, чтобы Гневомир сменил их.

Стражу Революции вообще пришлось освоить профессию сиделки при мне. Ранение моё хоть и не было особенно серьёзным, я потерял очень много крови и сильно ослаб. Первые дни я на ноги подняться не мог. Не то что с кровати сползти. Гневомир кормил меня бутербродами, купленными в ресторане, и поил вином. Его мне надо было пить много — это даже я знал.

И всё-таки на третий день я с помощью Гневомира встал на ноги. И даже кое-как доплёлся до ресторана. Перед тем, как выходить из каюты, Гневомир принёс мне красивую резную трость.

— Купил у одного поиздержавшегося игрока в казино, — объяснил он.

Ходить с помощью трости было проще. Хоть я чувствовал себя дряхлым стариком. Но выбора у меня не было.

Дни нового визита Вадхильда тянулись медленно. Большую часть времени я проводил в сонном полубытьи, валяясь на кровати. Сном это назвать было сложно. Скорее от слабости я впадал в некое сумеречное состояние, не отличая реальность от полусна. Только походы в ресторан трижды в день рассеивали эту одурь.

И всё-таки с каждым днём я набирался сил. Через два дня мне уже не нужна была трость. Я носил её только, что называется, для форсу. Очень уж нравилось мне ходить с этой тросточкой. Да и на роскошном воздушном корабле, летящем в столицу Котсуолда, она была весьма к месту.

Однако я сильно сомневался в том, что в схватке от меня будет хоть какой-то толк.

— Вот ты скажи мне, Готлинд, — Гневомир начал всё-таки разговор, которого я ждал с самого появления на пороге Вадхильда, — это тот самый человек, которого ты застрелил в Баджее?

— Именно тот, — кивнул я. — Я дважды выстрелил ему в грудь. После уложил его тело на кровать и накрыл одеялом. Утром он уже остыл.

— А теперь, значит, пришёл к нам с того света, — задумчиво произнёс Гневомир. — Но так не бывает. И в братьев-близнецов я не верю. Но что тогда?

— Хочешь, верь мне, товарищ Гневомир, — пожал плечами я, теперь мне этот жест

давался без боли, — хочешь, не верь, но я тебе рассказал всё, как было.

— Да уж, это слишком нелепо, чтобы быть ложью. Я видел твоё лицо, когда ты понял, кто стоит на пороге. Ты не такой хороший актёр, чтобы настолько умело сыграть недоумение и страх.

Тут я с ним спорить не мог. Актёр из меня, действительно, никудышный. Что в этот раз сыграло мне на руку.

Вадхильд постучался в дверь нашей каюты почти через неделю.

Уже который день «Лузитания» летела на предельной высоте. И публика могли с верхней палубы полюбоваться на поле битвы, проплывающее под днищем воздушного корабля.

Меня как-то не тянуло глазеть на войну. Слишком уж часто мне приходилось видеть её сверху. Под нами гремела канонада. Кажущиеся крошечными игрушечными солдатами шли в атаку бойцы. С такой высоты не понять, кто и на кого. Периодически метались аэропланы. Им, конечно, не подняться так высоко, как летели «Лузитания» с конвоем. Но, всё равно, на время воздушных боёв публику убирали с верхней палубы. На всякий случай.

Корабли блицкриговского патруля можно было уже разглядеть через иллюминатор невооружённым глазом. Они маячили на горизонте, похожие на поднявшиеся в небо мечи с чёрными клинками. Длинный флаг с орлом тянулся под днищем флагмана. Казематы оцетинились стволами орудий. Палубные надстройки грозили главным калибром.

Вадхильд был уже без саквояжа. Зато под свободным пиджаком явно скрывался столь любимый Вадхильдом пистолет. Точно такой же был и у меня. Гневомир же вооружился более привычным ему крупнокалиберным котсуолдским револьвером.

— Дилеанцы устроят диверсии сразу в обоих двигателях, — прямо с порога сказал Вадхильд. — Я беру на себя левый. Вы — правый. Как добраться до двигателей знаете?

— Примерно, — кивнул Гневомир.

— Действовать будем быстро, — без особой надобности напомнил нам Вадхильд. — Времени у нас в обрез.

Сказав это, Вадхильд быстрым шагом направился прочь от нашей каюты. Мы с Гневомиром поспешили вслед за ним. Наши дороги разошлись ближе к машинному отделению.

Здесь уже явно прошли до нас. Матросы, в обязанности которых входило не пускать пассажиров к машинам, лежали на полу. Все они были мертвы. И судя по тому, что их убийство даже не стали маскировать, времени у нас почти не осталось.

— Беги, Гневомир, — кивнул я стражу. — Мне за тобой не угнаться.

Хоть я и окреп после ранения, однако до прежней формы мне было ещё далеко. Пробежать расстояние до машинного отделения было для меня непосильной задачей.

Гневомир не стал ничего говорить. Он бросился вперёд со всех ног. Я тоже прибавил шагу, но угнаться за стражем Революции просто не мог.

Я не проделал и половины пути до машинного отделения, когда оттуда раздались выстрелы. Я припустил так быстро, как только мог, но всё равно пришёл уже к шапочному разбору.

По трупам можно было легко определить картину произошедшей схватки. Стоящего у самого входа диверсанта Гневомир снял одним выстрелом. Тот сполз по переборке, оставляя за собой кровавый след. Возившийся с взрывным устройством поднял голову — и тут же получил пулю между глаз. Повалился прямо на него. Третий диверсант успел вскинуть

револьвер. Но Гневомир опередил и его. По ткани недорогого пиджака растекались тёмные пятна.

Сам страж Революции занимался взрывным устройством. Оно было предельно простым — несколько динамитных шашек с закреплённым на них часовым механизмом. Гневомир как раз занимался тем, что откладывал в сторону шашки, подтягивая ремни, связывающие остальные.

— Этого хватит, чтобы повредить один двигатель «Лузитании», — сказал он мне, — но корабль никуда не упадёт.

Несколькими быстрыми движениями Гневомир взвёл часовой механизм.

— Бегом отсюда, — махнул он мне. — У нас полторы минуты.

Мы поспешили прочь от машинного отделения, плотно закрыв за собой прочную дверь. Отошли не особенно далеко. Я ведь быстро шагать не мог, а уж бегать — тем более.

Взрыв встряхнул «Лузитанию». Она тут же дала крен на левый борт. Гневомир сумел удержаться на ногах. Мне же пришлось схватиться за переборку.

Гневомир бесцеремонно подхватил меня. Буквально потащил на себе в сторону нашей каюты.

Коммодор Хильдеан, капитан линкора «Колосс», был чрезвычайно доволен своей миссией. Он просто лучился собственной значимостью. Ведь он ведёт едва ли не лучший после королевского флагмана воздушный корабль над полем боя новой войны, охватившей континент. И снизу, из окопов, на него смотрят солдаты разных стран. Провожают взглядами громаду «Колосса», идущего первым в коротком кильватерном строю. С благоговением глядят на флаг Котсуолда под днищем линейного корабля. Как и положено он внушает страх всем. Будь то враги или временные союзники королевства. Все должны склонить голову перед Котсуолдом.

Взрыва на борту «Лузитании» коммодор, конечно, не слышал. Хотя взрыв этот стал для него судьбоносным. Именно этот взрыв лишит его звания. Навечно отдалит от столь вожделенного адмиральского чина. А ведь ему казалось, что вон они адмиральские эполеты — только руку протяни. Коммодору уже намекали друзья из Адмиралтейства, что ему нужно без происшествий провести «Лузитанию», и он может считать себя контр-адмиралом.

— Коммодор Хильдеан, сэр, — оторвал его от приятных мыслей старший связист «Колосса», — срочное сообщение с «Лузитании».

— Что там ещё? — с такой покровительственной ноткой в голосе поинтересовался капитан линкора. — Туристы наложили в штаны при виде блицкриговских кораблей? — Он рассмеялся. Некоторые офицеры на мостике «Колосса» подобострастно заулыбались. — Так передайте им, что они никогда не отважатся подойти к нам и на десяток миль.

— Всё намного серьёзней, сэр, — не разделил его весёлости старший связист. — Прочтите сообщение.

— Так давайте его мне скорее.

Однако прочтя первые же строчки, напечатанные на бланке радиотелеграммы с борта «Лузитании», коммодор Хильдеан сразу же переменился в лице. Он живо представил, как адмиральские погоны удаляются от него.

— Срочно связь с «Отмщением», — выпалил Хильдеан. — Объявить по кораблю боевую тревогу. Всем занять места по расписанию. Быть готовыми открыть огонь по моему приказу.

— Есть, сэр! Есть, сэр! Есть, сэр! — пронеслось по мостику. И началась обычная

предбоевая суэта. Хоть Котсуолд и не вступил ещё в войну, однако линкор летел над полем боя. И вся команда его была готова вступить в схватку в любой момент. Ведь война полна неожиданностей. И, как правило, весьма неприятных.

На борту лёгкого крейсера «Блицен» заметили странные перестроения сопровождающих воздушный лайнер дредноутов Котсуолда. Однако не придали ему значения. Ничего страшного в том, что боевые корабли прикрывают сопровождаемую ими цель, в общем-то, нет. Идёт война. А на войне можно ожидать каких угодно сюрпризов.

Но когда оба котсуолдских дредноута начали разворачивать в сторону небольшой патрульной эскадры орудия главного калибра, капитан «Блицена» понял, что совершил роковую ошибку.

— Связь с котсуолдскими кораблями! — закричал он. — Быстро!

Но было поздно.

Грянули орудия «Колосса». Им вторил главный калибр «Отмщения». Снаряды их буквально смели лёгкий крейсер «Блицен». Капитан его погиб мгновенно. Вместе почти со всеми офицерами «Блицена». Мостик разнесло прямым попаданием. С развороченным носом лёгкий крейсер начал падать на землю. Сопровождавшие его эсминцы были уничтожены в считанные минуты. Куда им тягаться с парой мощнейших дредноутов котсуолдского флота.

Вадхильд пришёл к нам почти сразу после уничтожения блицкриговской патрульной эскадры. Однако даже порога каюты не переступил. Так и остался стоять в коридоре. Как будто раздумывал, а не расстрелять ли нас прямо сейчас. Однако решил всё-таки поговорить.

— Вы отлично справились с поставленной перед вами задачей, — сказал он, изобразив ладонями пару хлопков. — И провокация состоялась. И «Лузитания» летит в Котсуолд. Великолепно, господа товарищи.

— Не такие уж мы любители, как вам казалось, господин Вадхильд, — ответил ему Гневомир.

— На острове сочтёмся, господа товарищи, — кивнул нам Вадхильд и ушёл.

— Теперь и ему, — закрывая дверь, сказал мне Гневомир, — и нам с тобой, Готлинд, придётся куда тяжелее выполнить своё задание в Котсуолде.

Я в ответ только плечами пожал. Что тут скажешь?

«Лузитания» медленно тащи́лась в Котсуолд. Починить повреждёнными нами двигатель без посадки было невозможно. И потому скорость воздушного лайнера упала ещё сильнее. В связи со схваткой в воздухе больше никого не пускали на верхнюю палубу. Да и вообще, на корабле воцарилась какая-то нервозная обстановка. Пассажиры почти не разговаривали друг с другом, даже в ресторане. По коридорам, словно призраки минувшей беды сновали вооружённые матросы. Теперь каждый час весь корабль обходили патрули. В них входили два матроса с карабинами и офицер, держащий руку на кобуре с пистолетом.

Прошли недели, прежде чем мы прибыли-таки к берегам Котсуолдских островов. Когда мы сели в воздушном порту столицы Котсуолда, с неба падали хлопья мокрого снега. Однако долгое путешествие пошло мне на пользу. Ко дню прибытия я уже полностью оправился от раны.

Когда мы спускались по широкому трапу, я всё время пытался найти взглядом Вадхильда. Но так и не сумел увидеть его. То ли он воспользовался другим трапом. То ли просто блицкриговский — или чей он там ещё — шпион сошёл с трапа раньше нас.

Обойдясь без помощи носильщиков, мы с Гневомиром сами погрузили наши чемоданы в первый же кэб. Сидящий на козлах возница только флегматично поглядывал на это.

— Куда изволите? — спросил у нас, когда мы забрались в его кэб.

— Гостиница «Тависток», — махнул ему Гневомир. — Три гроута серебром.

— Нно! — смешно растянув согласный звук, выкрикнул кэбмен, щёлкнув кнутом. — Поехали, старушка!

Коняга бодро зацокала подковами по булыжной мостовой.

Гостиница, которую указал Гневомир, оказалась вполне сносной. Из недорогих, но приличных. Узнав, что мы заселяемся к ним, портье тут же отправил пару носильщиков за нашими чемоданами. Они же проводили нас до номера.

— Вот и начинается наш маскарад, Готлинд, — вздохнул страж Революции, доставая из чемодана мундир царского офицера. Рядом с ним на пол легла сабля и кобура. Затем последовал черёд кожаной портупей.

Я же вынул самый лучший с моей точки зрения костюм. Надел его, пристроив кобуру с револьвером под длинный пиджак. Конечно, не слишком удобно, но крупнокалиберный револьвер в кармане не поносишь.

— По дороге надо будет купить тебе чёрную ленту, — напомнил как будто бы самому себе Гневомир.

— Для чего? — не понял я.

— Ты всё ещё бледен после ранения, — объяснил страж Революции, — и осторожно держишь руку. Надо только подчеркнуть твоё ранение. Это сыграет нам на руку.

— А будь у меня дыра во лбу, — усмехнулся я, — ты бы для достоверности ещё и затылок мне разбил молотком.

Гневомир поглядел на меня с непроницаемым видом.

— Тебе бы ведь было уже всё равно в таком случае, — без тени иронии в голосе ответил он.

И я так и не понял — шутит ли он. Хотя, если уж быть честным, я уверен — случись надобность, именно так Гневомир и поступит.

Из гостиницы вышли уже совсем не те два человека, что вошли в неё полутора часами раньше. И если я изменился не слишком сильно. В общем, только костюм надел самый приличный, да после долгих уговоров согласился повязать галстук. И, конечно, пальто потеплее. То Гневомир преобразился радикально. Рядом со мной шагал настоящий царский офицер. В серой шинели, перетянутой португеей. С саблей на боку, которую он придерживал левой рукой. С застёгнутой кобурой, отнюдь не пустой. На голове — фуражка со старым гербом Урда.

— Ты уверен, что это хорошая маскировка? — спросил я перед тем, как мы покинули номер.

— Самая лучшая, — усмехнулся Гневомир. — С её помощью мы попадём к Адмиралу быстрее всего.

— Тебе виднее, — покачал я головой.

Конечно же, нас остановил первый же полисмен. В чёрном мундире и котелке с латунной бляхой в виде щита. Он поднял руку с дубинкой. Произнёс короткую реплику на котсуолдском. Я этого языка не знал, а потому мне оставалось только положиться на Гневомира. Тот, как оказалось, языком островитян владел неплохо. По крайней мере, с полисменом объясниться смог.

В финале их короткого диалога, страж закона указал стражу Революции направление. И, по всей видимости, дал несколько советов, как лучше всего добраться туда, куда он указал.

— Куда он нас послал? — спросил я у Гневомира, когда мы отошли на некоторое расстояние от полисмена. Тот продолжал, как ни в чём не бывало, прохаживаться по улице. Руки за спиной. Дубинка — в чехле на поясе.

— В приёмную Адмирала, — с улыбкой ответил страж Революции. — Тот принимает соотечественников в любое время. Вся столица Котсуолда знает адрес «мистера Адмирала». Некоторое время назад его фото не сходило с первых полос практически всех местных газет.

Мы снова взяли кэб. На этот раз дорога нам обошлась существенно дешевле. Дом, где теперь квартировал Адмирал, находился существенно ближе к нашей гостинице, чем аэровокзал.

У дверей дома дежурили двое часовых. Оба в форме котсуолдской армии, но с урдскими дореволюционными знаками различия. В руках у обоих винтовки с примкнутыми штыками. Увидев вышедшего из кэба офицера, они тут же подтянулись.

— Молодцы, — подойдя к ним, кивнул Гневомир. — Службу знаете.

Однако, когда мы попытались пройти мимо них, часовые быстро скрестили винтовки перед нами.

— Без доклада нельзя.

— Тогда позовите дневального, — спокойно произнёс, будто бы ни к кому конкретно не обращаясь, Гневомир. — Пускай передаст, что прибыл Гневомир Милорадов и привёл Адмиралу летуна Готлинда. А на случай, если Адмирал запомнит, кто такой этот самый Готлинд, пускай напомнит, что Готлинд — это тот самый летун, что в Баджей привёз груз перед самым падением города.

— Слушаюсь, — ответил тот же часовой, который сообщил нам, что «без доклада нельзя». И уже через минуту дневальный, сидевший внутри за столиком, уже связывался с кем-то в здании по телефонному аппарату.

Пропустили нас достаточно быстро. И пяти минут не пришлось ждать у входа. Дневальному телефонировали. Он велел часовым пропустить нас.

— Второй этаж, — объяснил дорогу дневальный, — перед комнатой Адмирала дежурит ещё один часовой. Он пропустит вас.

Мы прошли через просторный холл. Я заметил нескольких человек в штатском, сидящих на диванах со скучающим видом. Один даже газету читал, шурша страницами. Однако даже я заметил, как напряглись они, когда мы проходили мимо. Вид вооружённого человека заставил их насторожиться.

На втором этаже было, собственно, всего две двери. И у одной, действительно, дежурил часовой. Только вооружён он был не винтовкой, от которой маловато толку в тесном помещении. На поясе у него висела расстёгнутая кобура.

Увидев нас, он вежливо постучался в дверь. Оттуда раздалось «Войдите». Тогда часовой сделал нам приглашающий жест. Даже оружие не попросил оставить. Неужели тут не опасаются за жизнь Адмирала.

Однако оказалось, что предусмотрительность у котсуолдцев на высоте. Комната, куда мы вошли, была достаточно велика. Её надвое разделял большой стол. Так что подобраться к Адмиралу не так уж просто. Кроме того, внутри дежурил не только офицер, как и Гневомир при сабле и револьвере. На стульях по углам комнаты сидела пара людей в костюмах. Похожих на тех, кто занимал мягкие диванчики внизу, словно братья близнецы.

В таких условиях покушаться на Адмирала было бы просто самоубийством. Да то без особых шансов на успех. Тут разве что бомбу кидать.

— Здравствуйте, господа, — кивнул нам Адмирал. — Простите, руки подать не могу. Мои церберы стерегут меня очень строго.

Он кивнул на сидящих на стульях штатских.

— И не зря, — ответил ему Гневомир. — На нас было совершено покушение, пока мы выбирались из Народного государства! В нас стреляли. Мой друг был ранен.

— Вижу, вижу, — покивал Адмирал. — Уж не на злосчастной ли «Лузитании» вы прилетели?

— Именно на ней. По дороге мы были атакованы блицкриговскими кораблями. Теперь нет сомнений, что Котсуолд вступит в войну.

— Возможно. Но в отношении островитян, давших мне приют после уничтожения Баджея, можно ожидать чего угодно.

Адмирал склонился над столом, приглядываясь ко мне.

— Так-так-так, — быстро произнёс он изменившимся голосом. — Я узнаю вас, Готлинд. Вы прибыли в Баджей за день до того, как он был уничтожен народниками. И вот что самое интересное. Не далее как полчаса назад, у меня был ваш спутник Вадхильд. Знаете, что он мне сказал?

Краем глаза я заметил, как приподнялись люди в костюмах. А офицер у входа как бы невзначай загородил нам выход. Рука его лежала на расстёгнутой кобуре.

— Знаю, — ответил я, точно также склоняясь над столом и кладя руки на его полированную поверхность. — Что это именно я навёл народников на Баджей, не так ли?

— Возможно.

— Вот только, как именно я это сделал? — поинтересовался я у Адмирала. Про себя я не знал какому богу молиться, чтобы он не знал о происшествии на лётном поле. — У нас собой не было переносного радиотелеграфа.

— Но ведь вы пропали как раз в день нападения на Баджей! — воскликнул обвиняющим тоном Адмирал.

— Точно также, как и Вадхильд! — столь же повышенным тоном ответил я.

— А вы подумайте, Адмирал, — поддержал меня Гневомир, — было ли на самом деле так уж выгодно нападение на Баджей для Урда? Его слишком хорошо сумели использовать в своих целях блицкриговцы. У них и армия целая рядом нашлась. И князь Махсоджан у них гостил. А может быть, это солдаты Блицкрига переоделись в форму народников и сожгли Баджей!

Адмирал выпрямился. Взглянул за подбородок. В задумчивости потёр его пальцами.

— Разумно, весьма разумно, — произнёс он. — Но не менее разумно говорил и Вадхильд. Жаль, что вы не встретились. Очень жаль. Быть может, вы навестите меня завтра в полдень? В это же время обещался быть и Вадхильд со своим другом.

Мне очень хотелось спросить, что за друг оказался у Вадхильда в столице Котсуолда. Однако делать этого не стоило. Даже я мог понять это. Ведь никто из «церберов» Адмирала ничуть не расслабился. И офицер всё также держит руку на кобуре.

— Можно и завтра в полдень, — кивнул Гневомир. — Будем рады нанести вам визит.

— Тогда до завтра, господа, — улыбнулся нам Адмирал.

Мы покинули его комнату. Офицер посторонился, пропуская нас. Отошёл в сторону и часовой. Он явно был настороже. Скорее всего, с тех пор, как мы зашли к Адмиралу. Всё-таки, охрана тут на высоте.

Когда мы спускались по лестнице, Гневомир шепнул мне, не поворачивая головы.

— Готовься. На улице нас будут убивать.

Мне стоило известных усилий сразу же не схватиться за кобуру.

Мы прошли через холл. Нас проводили взглядами сидящие на стульях люди. Часовые у входа отдали честь.

Рядом с нами сразу же остановился кэб. Однако Гневомир только отмахнулся от возницы. Мы пешком направились в сторону нашей гостиницы.

Вот только стоило нам пройти полквартала, как улицу за нашей спиной перекрыл кэб. Кажется, именно тот, который подъехал к нам у дома, занимаемого Адмиралом. Не сговариваясь, мы с Гневомиром выхватили револьверы. И вовремя!

С противоположного конца улицы к нам бросились три человека. Одеты они были в неприметные костюмы коричневого цвета. В руках все держали револьверы.

— К кэбу! — крикнул мне Гневомир.

Он выстрелил первым, свалив мужчину в сером костюме. Тот ухватился за стену ближайшего дома и сполз по ней.

Не оборачиваясь, я бросился к кэбу. За спиной услышал ещё выстрелы. Но, не оборачиваясь, бежал к кэбу. Оттуда уже высунулся возница с пистолетом в руке. Я опередил его, дважды выстрелив по кэбу. Первая пуля пробила чёрный короб повозки. А вот вторая угодила в кэбмена. Тот покачнулся. Выстрелил сам. Но пуля прошла мимо. Надеюсь, что не попала в Гневомира. Я упал на колени, пребольно ударившись с размаху. Выстрелил ещё дважды. Возница дёрнулся дважды. Каплянул кровью. И свалился с козел своего кэба.

Я перепрыгнул через его тело. Сам вскочил на козлы. Но тут же свалился обратно на мостовую. Изнутри кэба по мне открыли огонь. Обе двери повозки открылись. Оттуда высунулись те же самые люди в серых костюмах. Без разговоров принялись палить в меня.

Спрыгнув с козел, я перекатился через плечо. В мостовую рядом со мной били пули, выбивая острые каменные осколки. Снова встал на колени. Выстрелил в бойца, сидящего с противоположной от перегороженной улицы стороны. Тот схватился за грудь и вывалился из

кэба. Я перекатился ещё раз. Вражеский огонь стал слишком прицельным. Пуля разорвала ткань на плече. Но в этот раз обошлось без ранения. Пострадало только пальто. Ну да после всех моих кульбитов на мостовой, оно и так пришло в полную негодность.

Теперь меня от врага прикрывал короб кэба. Однако серый тут же высунулся с другой стороны. Принялся с удвоенной энергией палить в меня. Вот только, как будто бы попасть особенно не хотел. Он ведь мог бы, наверное, не один раз застрелить меня. Но пули летели мимо.

В чём дело, я понял слишком поздно. Когда серый сунулся обратно в кэб, чтобы перезарядить пистолет, я обернулся. Сработал рефлекс летуна. Оценивать обстановку вокруг. И всё равно, было слишком поздно. На меня кинулись сзади. Навалились сразу несколько человек. Придавили лицо к мостовой. Быстро и сноровисто вырвали из пальцев револьвер. Стянули руки ремнём. Следом накинули на голову мешок.

Бить правда не били. Просто не слишком церемонясь, запихнули, по всей видимости, в тот же кэб. С другой стороны притулился кто-то. Наверное, это был Гневомир. Или один из серых, схвативших меня. Кэб покатило куда-то по улицам котсуолдской столицы.

Везли меня долго. Кэб петлял по улицам, часто поворачивая. Нас внутри трясло немилосердно. Из-за связанных рук я то и дело заваливался на подпиравших меня с боков людей. Те ругались сквозь зубы. Но опять же никто и пальцем не тронул. Как-то непохоже на работу контрразведки. В подобных сердитых заведениях работать принято намного жёстче. И мне как-то не верится, что отличающиеся показной вежливостью котсуолдцы — и в этом следуют традициям своего острова.

Понятно, что я не знал, где меня высадили из кэба. Мешок с головы у меня не сняли. Так с мешком и завели в какой-то дом, где я, конечно же, споткнулся о порог. Затем был порог комнаты. Меня грубо усадили на стул. Быстро привязали к нему. При этом немного ослабили путы на запястьях. От притока крови тысячи иголок впилась в кисти рук. Только после этого с головы сняли мешок.

Комната была не такой мрачной и тёмной, как мне казалось. Наверное, это из-за мешка на голове. Она была как раз достаточно светлой. С большими окнами. В полуметре от меня на таком же стуле сидел Гневомир. Вид он имел достаточно помятый, однако было видно, что и его никто не бил.

Кроме Гневомира в комнате находился ещё Вадхильд. Всё в той же кожаной куртке, в которой он щеголял на «Лузитании». Рядом с ним, видимо, тот самый друг, сопровождавший его к Адмиралу. Он был одет в пальто хорошего сукна и шляпу. За открытой дверью маячили серые костюмы. Этим было не меньше пяти человек.

— Вот они, значит, наши возмутители спокойствия, — произнёс спутник Вадхильда. — Всё они тебе испортили. И на «Лузитании». И уже тут. Ты почему их не прикончил, хотя мог бы, и не один раз.

— Они мне были нужны, — только и ответил Вадхильд, хотя видно было, что он как будто оправдывается. Выходит, этот в пальто — его начальник или что-то вроде. — А после диверсии на корабле патрули ходили. Слишком опасно.

— Хватит, — махнул на него рукой человек в пальто и шляпе. — Мне твои оправдания не нужны. Важен результат. Ты и так провалил задание с газами. Знаешь, как используют наше вещество урдцы? После Соловца?

— Знаю, — буркнул Вадхильд. — Как средство наркоза. Если уже не додумались до большего.

Доктор Коробуд внимательно смотрел на бойца Соловецкого гарнизона. Тот стоял в облаках зелёноватого газа, легко вдыхая его простреленными лёгкими. Даже привычному ко всему физиологу нелегко было глядеть на подобное.

— Это, так сказать, самый яркий экземпляр, — сказал ему профессор Бодень. — Он не может жить, в том смысле, в каком о нём можно сказать, что он живёт, без подпитки нашим веществом. С остальными проще. Их организм быстро восстановил повреждения, нанесённые газом. Теперь их можно назвать вполне здоровыми. Более того, испытания на прочих отравляющих веществах показали их полную нечувствительность к ним. Они дышат хлором и горчичным газом также свободно, как мы с вами чистым воздухом.

— Невероятно, — поправил пенсне на носу Коробуд. — Просто невероятно.

— Самое невероятное другое, доктор, — улыбнулся пожилой профессор, всю свою жизнь положивший на алтарь медицины. Он повернулся к сопровождающему учёных командиру Народной армии. — Сейчас будет наглядная демонстрация.

Командир явно был недоволен тем, что придётся сейчас делать. Однако он был передан в подчинение профессору Боденю. И был вынужден подчиниться ему. Он сделал знак кому-то, кто находился по ту сторону стекла, отделяющего камеру с газом от остального помещения. За спиной бойца с простреленной грудью вырос другой — в противогазе и с винтовкой в руках. Простреленный успел обернуться. Закричал что-то. Но толстое стекло не пропускало звука. Народармеец в противогазе ударом сбил с ног простреленного. Упёр ствол винтовки тому в грудь. И выпустил в того весь магазин — патрон за патроном.

Доктор Коробуд был совсем не религиозен. Но в этот момент ему больше всего захотелось осенить себя каким-нибудь знаком, отгоняющим зло. Потому что как только боец в противогазе покинул комнату за стеклом, тот, кого он только что расстрелял, начал медленно и тяжело подниматься на ноги. Из груди его фонтаном хлестала кровь. Он кашлял и плевался ею. Но умирать явно не собирался. Боец опёрся о стекло руками, пачкая его кровью. Выкрикнул что-то. Слов Коробуд снова не расслышал, но тут всё было понятно и без них.

— А теперь эти двое ещё вмешались в наше дело с их Адмиралом, — сказал человек в шляпе. — И могут нам в этом очень сильно помешать. Ты понимаешь, что в глазах Адмирала и его котсуолдских друзей мы и они, — он указал на нас с Гневомиром, — примерно одно и то же. А срок, отпущенный нам наверху, истекает.

— Может быть, не стоит? — осторожно спросил у него Вадхильд.

— Закрой дверь, — рявкнул на него человек в шляпе, и когда та захлопнулась, продолжил: — Ты же знаешь мою маленькую слабость. Мне просто физически необходимо рассказывать кому-то непосвящённому наши секреты. Я должен видеть их глаза.

— За это тебя и отправили сюда, — вполголоса буркнул Вадхильд.

— Да, да, да, да, да! — вскричал его товарищ. — Именно так! Это ссылка, которая может обернуться нашим триумфом. — Он снова обернулся к нам с Гневомиром. Подошёл вплотную. Склонился надо мной. — Ты думаешь, кто мы? Блицкриговские шпионы? Ничуть! Я расскажу тебе, кто мы такие. А знаешь, почему ты никогда никому ничего не расскажешь? У тебя за спиной камин. Очень хороший камин. В него кладёшь человека. Дёргаешь за рычаг. И амба! Был человек — стала горстка пепла. Развеял над городом — и не найти следов ваших.

Он перевёл дыхание. Человек в шляпе так раздухарился, что теперь тяжело дышал мне прямо в лицо.

— Какие глаза, — протянул он охрипшим голосом, — очень хорошие глаза. Люблю такие глаза. Я вижу в них настоящий интерес. Ты хочешь знать, кто же мы такие, если не блицкриговские шпионы. Блицкриг только прикрытие для наших дел в вашем мире. Да, именно так! В вашем мире! Мы пришли из другого. И знаешь, для чего? Чтобы колонизировать его! Вы так поступаете с дикими народами. Для нас вы такие же дикари! Мы подкинули вам камушек на речку Катангу. Его начинают исследовать. Сначала это был частный прииск семьи Вепревых. Но после революции, перевернувшей всё в Урде, прииск перешёл в руки государства. И это нам только на руку. Вепревы слишком хорошо хранили тайну. А вот о Народном комитете и Конвенте сказать нельзя. Через верного сподвижника бандита Вепра, известного вам, как Избыгнев, нам удалось организовать утечку части вещества, хранящегося на бывшем прииске Вепревых. Из-за этого началась война. Чудесно, не правда ли? Из-за другого куска, который выкрали уже вы с Вадхильдом, в эту войну втянули Урд. Теперь остался только Котсуолд. Островитяне должны вступить в войну на стороне Блицкрига. Для этого нам и нужен Адмирал! После войны он станет идеальной марионеткой. Пусть Кабинет поначалу думает, что им управляют они. Но на самом деле, за ниточки будем дёргать мы. И вот тогда, когда в наших руках окажется крупнейшее государство этого мира. Когда остальные будут разорены двумя войнами. Когда народ будет одурманен подкинутым нами веществом. Тогда мы придём во всей силе и могуществе. Крупнейшая армия, Урдская, и уже не Народная, станет нашим авангардом. Миллион солдат, которые не раздумывая пойдут на смерть. Под пули и снаряды. В облака отравляющего газа. Не боящиеся смерти. Не умирающие от пуль. Ты ведь видел своими глазами эту «атаку мертвецов», летун. А теперь представь себе не десяток, а миллион таких солдат! Мы сокрушим все армии. В тылу будут работать миллионы бессловесных рабов, кующих победы для фронта. Идеальное общество под управление мудрых! И этими мудрецами станем мы! Ваш мир станет первой колонией нашей империи! А исполнение нашего плана вознесёт нас всех. Мы станем править вами. Станем божествами для вас. Приближённых сделаем нашими жрецами. И ваши дети станут молиться на нас!

Он снова перевёл дух.

Да уж, длинная была тирада. И казалась она бредом сумасшедшего. Особенно из-за сверкающих глаз человека в шляпе и пены у рта. Но слишком уж хорошо всё складывалось. Я отлично помнил Избыгнева, который выжил после очереди из пулемёта. Помнил и одурманенного человека в Баджее. И атаку мертвецов крепости Соловец.

А уж чудесное воскрешение Вадхильда дополняло систему. Я ведь сам застрелил его — и тело остывшее уложил на кровать. Кто же может пережить две пули в сердце? Если это, конечно, не сверхъестественное существо. Ещё один кусочек проклятой мозаики. Только слишком уж жуткий узор получается.

То ли я задумался слишком сильно. То ли меня как-то загипнотизировало чудовищное словоизлияние человека в шляпе. Но очнуться от размышлений мне помог болезненный пинок в щиколотку. Пнул меня, оказывается, Гневомир. На него никто не обращал внимания. Вадхильд глядел только на своего то ли начальника, то ли ещё кого. Взгляд же последнего был прикован ко мне. И никто, наверное, кроме меня, не заметил, что путы с рук Гневомира падают на пол.

Пора действовать! Я откинул голову — и врезал лбом в лицо человеку в шляпе. Удар вышел на редкость удачным. Схватившись за лицо, человек в шляпе буквально отпрыгнул от меня на пару шагов. Из-под пальцев его струилась кровь. Не удержавшись на ногах, он

споткнулся и повалился на спину.

Вадхильд кинулся к нему. Злобно глянул на меня. О Гневомире он как будто вообще позабыл. А тот откинулся назад, упал на пол вместе со стулом. Перекатился через спину. Ударом локтя разбил стекло. На звон обернулся Вадхильд. Схватился за кобуру под пиджаком. Но было поздно. Гневомир уже держал в руке длинный осколок стекла. Он метнул его, словно нож. Кусок стекла погрузился в горло Вадхильда на всю длину. Тот закашлялся. Попытался выдернуть его. Но пальцы соскользнули со стекла. Вадхильд мешком повалился на пол.

Быть может, это и не убило его, но уж точно вывело из строя на какое-то время.

Человек в пальто уже поднимался на ноги. Он отошёл от шока — и превозмог боль. Но двигался всё ещё медленно. Гневомир опередил его. Прямой удар кулака прямо в перебитый мной нос отправил его обратно на пол. В этот раз он уже не поднялся.

Другим куском стекла Гневомир перерезал мои путы. Ни у Вадхильда, ни у человека в пальто не оказалось при себе даже перочинного ножа.

— Похоже, — усмехнулся я, потирая запястья, — тут толстые стены.

— Или те в сером привыкли к возни и крикам внутри.

Камин в комнате был, действительно, достаточно большой. Мы уложили внутрь сначала человека в пальто, предварительно раздев и разоружив его. Этот ведь мог прийти в себя в любой момент. Понять, как именно работает его проклятая печь, оказалось просто. Три кочерги можно было свободно вынуть из державок. Четвёртая же стояла насмерть. Я дёрнул её на себя. В камине закрылась заслонка. Изнутри пыхнуло жаром.

— Думаю, это их убьёт точно, — произнёс Гневомир.

Мы с ним подтащили тело Вадхильда к камину. Вернув кочергу на место, я открыл его ненасытное жерло. Повторил короткую операцию, уничтожив и его.

— Это не две пули в сердце, — кивнул я, — и даже не очередь их пулемёта. На сей раз, они точно покойники.

— Будем надеяться.

Он вооружился пистолетом Вадхильда. Я же взял себе нейстрийский револьвер, что был у человека в пальто.

— Выходим — и ты сразу падаешь на колени. Открываем огонь одновременно. Серых там, — Гневомир кивнул на дверь, — человек пять — не больше. Сделаем всё быстро — сумеем перестрелять их в первые секунды.

Я накинул на плечи пальто сожжённого нами человека. Надел его шляпу. Это приведёт в замешательство врага в первые — самые важные секунды — схватки. Возможно, именно благодаря такой вот нехитрой маскировке нам и удастся перестрелять врагов.

Отворив дверь, я рывком распахнул её настежь. Все серые, а было их, и в самом деле, пятеро, уставились на нас. Я упал на колени. Вскинул револьвер. Выстрелил первым. Ближайший серый рухнул с простреленной грудью. Над головой загрохотал пистолет Гневомира. Я стрелял из револьвера.

В считанные мгновения со всеми серыми было покончено. Мы остались с Гневомиром одни среди трупов.

— И что теперь делать? — спросил я, без особой надежды на ответ.

— Для начала мы должны устранить Адмирала, — сказал Гневомир. — Только так мы можем быть уверены в том, что марионетка этих вот... — он не нашёл подходящего слова и просто махнул за спину. — Так вот, чтобы их марионетка не стала правителем Урда, мы

должны покончить с Адмиралом. Раз и навсегда.

— Ты видел, как его охраняют? Туда только если бомбу кинуть, да и то не факт, что убьёшь... Нет, Гневомир, я не мастер политических убийств, но даже мне видно, что прикончить Адмирала нам не удастся.

— Насчёт бомбы, Готлинд, — усмехнулся Гневомир, — это ты очень верно подметил. Именно бомба. И здесь, в самой столице Котсуолда, мы найдём отличных бомбистов.

Я даже не стал спрашивать, где их искать. И уж подавно, откуда Гневомиру это известно. Слишком хорошо помнил картонные папки с бумагами, лежавшие в чемодане моего спутника. Почти всё свободное время на «Лузитании» Гневомир тратил на их изучение. Как будто хотел наизусть вызубрить содержимое. Мне же и ознакомиться с этими документами не давал.

— Чем меньше людей знает, — объяснял тогда он, — тем лучше. На допросе рассказать не сможешь. Просто потому, что не знаешь этого.

И с этим резонансом я поспорить не мог.

Я оставил себе пальто сожжённого нами человека — моё окончательно пришло в негодность. А другого под рукой не нашлось. Даже шляпу, поразмыслив, снимать не стал.

Мы вышли из проклятого дома. Стены у того оказались, действительно, очень толстыми. Стрельбы на улице никто и не заметил. Кэб так и стоял у входа. На козлах никого не было. Мы обошли его и взяли себе другой, только отойдя на несколько кварталов.

Гневомир назвал какой-то адрес. И мы долго катили по темнеющим улицам Котсуолдской столицы. Деньги у нас не забрали, а потому Гневомир щедро расплатился с возницей. Тот высадил нас явно не в самом фешенебельном квартале большого города и поспешил убраться отсюда поскорее.

Мы с Гневомиром остались стоять перед большим, достаточно запущенным кирпичным зданием. Над трубой его курился сероватый дымок.

— И кого мы тут найдём? — поинтересовался я у Гневомира.

— Местных анархистов, — ответил тот. — Ты ведь говорил о бомбах, Готлинд, а кто лучше них разбирается в адских машинах.

— Они станут с нами сотрудничать? — развёл руками я.

— В организации Слекджова — главаря местных анархистов — есть и наши люди, — объяснил мне Гневомир. — Да и я основательно изучил его по нашим бумагам. Знаю, на чём его можно купить.

Гневомир сделал пару шагов — и уверенным пинком распахнул деревянную дверь.

Внутри здание оказалось пустым. Похоже, нам придётся ещё поискать этих анархистов. Оно ведь достаточно велико. Однако Гневомир уверенно шагал вперёд, распахивая все двери, попадающиеся на пути. И никуда не сворачивал. Минут через пять мы встретили первых людей.

Два человека в грязных рубашках, жилетках и мятых кепках сидели на перевёрнутых ящиках. У обоих на коленях лежали обрезы охотничьих ружей.

Тот, чьё лицо украшали роскошные усы, сказал что-то, обращаясь к нам. Гневомир ответил ему на более чистом котсуолдском. Усатый обернулся к товарищу. Отправил его куда-то внутрь. Тот вернулся достаточно быстро. И сопровождал его ещё один анархист. Только он, как выяснилось, говорил на урдском. Собственно, урдцем он и был.

— Что у вас за дело к Слекджову? — спросил он.

— Это только наше к нему дело, — отрезал Гневомир. — И говорить я буду только с

самим Слекджовом.

— Ну идём тогда, — легко согласился урдский анархист. — Поговоришь, если Слекджов ещё в состоянии разговаривать. Поздновато вы приехали к нему.

Он повторил шутку для часовых. Те рассмеялись.

Урдец проводил через всё кирпичное здание. Оно оказалось винокурней, на которой делали виски. Из здоровенных перегонных аппаратов с чанами размером с небольшой аэроплан капала прозрачная или коричневая жидкость.

— Славная маскировка, — покивал Гневомир. — Здесь делают дешёвый виски. Пойло от Слекджова. А параллельно делают бомбы и боеприпасы. Хотя Слекджов уже почти отошёл от дел. Только продаёт адские машины и патроны более молодым и рьяным.

— Наш старина Слекджов уже не тот, что раньше был, — подтвердил наш провожатый. — Но его соратников и такое положение устраивает. Они ведь все не так уж молоды. Даже анархистам покоя хочется.

Он снова рассмеялся над своей неказистой шуткой.

Слекджов занимал отдельную комнату, отгороженную от остального помещения фанерными стенками. Он сидел на столе, заставленном бутылками — пустыми и полными. Стаканами он не пользовался, похоже, принципиально. Просто находил початую бутылку и прикладывался к ней.

Теперь стала понятна шутка насчёт того, что мы с Гневомиром прибыли слишком поздно. Слекджов был уже изрядно пьян.

Одет главный анархист был точно так же, как и его товарищи. Только на поясе красовался красный кушак, за который был заткнут револьвер. Почти всё лицо Слекджова скрывали роскошные бакенбарды. После каждого глотка он проводил по ним ладонью.

Он о чём-то спросил у нашего провожатого. Тот ответил — и вышел, предоставив разбираться нам самим.

Разговор Слекджова с Гневомиром я знаю только в пересказе стража Революции. А потому ручаться за его дословность не могу.

СЛЕКДЖОВ: И что у вас за дело ко мне?

ГНЕВОМИР: Большое дело. Таких ты не проворачивал даже в старый добрый времена.

СЛЕКДЖОВ: Да что ты говоришь?! Что ты можешь знать о наших старых добрых временах?

ГНЕВОМИР: Больше, чем ты думаешь. Я подробно изучил твои подвиги. Ещё довоенные. Те, что были до прошлой войны. И я знаю, о чём говорю.

СЛЕКДЖОВ: Ну, тогда удиви меня.

ГНЕВОМИР: Во-первых: покушение на одного из самых охраняемых людей в столице. И второе — уничтожение мощного комплекса на самом севере Урда.

СЛЕКДЖОВ: На кого покушаешься-то?

ГНЕВОМИР: На Адмирала, которого охраняют не только его люди, но и ваш контрразведка.

СЛЕКДЖОВ: Достойная цель. Но она будет нам дорого стоить.

ГНЕВОМИР: А не хватит ли уже виски гнать? Ты ведь на нём уже больше зарабатываешь, чем на бомбах. Убийство Адмирала всколыхнёт весь Котсуолд. О тебе снова вспомнят.

СЛЕКДЖОВ: И полиция в том числе.

ГНЕВОМИР: Когда ты боялся полиции, Слекджов? Тем более, сразу после этого

предлагаю тебе повернуть дельце на Урдском севере. С угоном воздушного корабля и уничтожением секретного объекта урдцев.

СЛЕКДЖОВ: Теперь понятно, кто ты такой, иностранец в старой форме. У меня есть люди, которые делали революцию у тебя на родине. Они будут рады насолить новой власти. Власти, от которой им пришлось бежать после революции.

ГНЕВОМИР: Тем более!

СЛЕКДЖОВ: Оставайтесь у меня до завтра. Утро, как правильно говорят в Урде, вечер: мудренее.

Действительно, сразу после этого разговора нас проводили в примерно такую же комнатку с фанерными стенами. Прямо на полу лежала пара не слишком чистых топчанов, накрытых одеялами. Мы улеглись спать. В помещении этом было достаточно холодно, поэтому поверх тонких одеял я укрылся ещё и пальто. Но и так я всё равно мёрз. Хотя бы, потому что был голоден. Я ведь в тот день только позавтракал — и с утра у меня не было во рту маковой росинки. Однако делать нечего пришлось ложиться спать на голодный желудок.

На следующее утро поднялись мы рано. В винокурне стало совсем уж холодно. На пальто я обнаружил иней. Выбравшись из-под тонкого одеяла, я натянул на себя пальто, которое тоже было таким же холодным. Принялся притопывать, чтобы хоть немного согреться. Как-то невпопад вспомнился оплаченный на неделю вперёд номер в гостинице. Не самой лучшей, конечно, но уже всяко там теплее, чем в этой чёртовой винокурне.

Гневомир проснулся почти следом за мной. Точно также натянув шинель, он танцевал рядом со мной.

Бродить по винокурне утром не хотелось ни мне, ни ему. Слишком уж много было тут вооруженных и не слишком трезвых анархистов. Такие могли сначала пальнуть из обрезка — и только потом начать разбираться в кого же попали.

Зашли за нами минут через пять. Тот же самый урдец, что привёл нас к Слекджову. Он снова стал нашим провожатым. В этот раз на столе у лидера анархистов стояли не только бутылки с виски. Была там и кое-какая еда. Трапеза была рассчитана явно не на одного Слекджова.

Он жестом пригласил нас к столу. За едой ни о чём не говорили. Слекджов пил намного больше чем ел. Точнее закусывал, как говорили в Урде. Однако я был этому только рад. Еда помогала согреться куда лучше виски. Хотя и ему я отдавал должное.

После завтрака Слекджов объявил, что его люди ночью проверили дом, где живёт Адмирал. Взорвать его будет сложно. Но вот устроить налёт — вполне можно. И операцию готовят. Собирается группа для налёта.

— Говорит, что бомб сейчас у них маловато для такого дела, — переводил для меня Гневомир. — Но взрывчатка есть, надо только сами адские машины изготовить. К полудню всё будет готово.

Слекджов произнёс ещё одну реплику. Рассмеялся.

— Говорит, — перевёл мне Гневомир, — это будет налёт, как в старые добрые времена! Он ещё заставит Котсуолд вспомнить о Слекджове.

Ближе к полудню мы покинули винокурню. Анархисты ехали на дело в пяти кэбах. На козлах их стояли тоже анархисты. Не знаю, работали они кэбменами или просто угнали эти повозки. Меня это мало волновало.

Оказалось, что и на месте нас уже ждут не меньше десятка анархистов. Все они носили длиннополые пальто, под которыми удобно прятать обрезы. Как выяснилось вскоре, не

только их.

Слекджов вскинул руку с зажатым в ней револьвером. Выстрелил в воздух. Громко выкрикнул что-то.

И его люди бросились в атаку. Часовых смели в считанные секунды. Ворвались в здание. Мы с Гневомиром не спешили за ними. В неразбериху боя лучше не лезть. Особенно если бой идёт внутри дома. Слекджов же был на острие атаки.

Через несколько минут грянул взрыв. Стекло второго этажа вылетело наружу. Из окна эффектно вылетело тело в белом адмиральском мундире. Только сейчас он был залит кровью и местами подпален. Следом из того же окна высунулся Слекджов. Помахал нам рукой.

Мы подошли к телу Адмирала. Он без сомнения был мёртв. Лежал распостёртый на мостовой. Глядел остекленевшими глазами в серое небо Котсуолда.

— А ведь он был в сущности неплохим человеком, — пожал плечами Гневомир. — Мог бы послужить Урду.

— Не видел ты его в той лаборатории, — зло ответил ему я. — Послушал, как он рассуждал о простом труде для простого народа. О том, что лучше всего довести своих же соотечественников до состояния довольных и сытых рабов.

Тем временем, из дома вышел Слекджов. О чём-то спросил Гневомира. Тот ответил.

Мы снова погрузились в кэбы и отправились обратно на винокурню. Теперь нам предстояло вернуться в Урд. Закончить начатое здесь — в столице Котсуолда.

Вот теперь я узнал, что такое настоящий мороз. И каков из себя тот самый легендарный Урдский север. Ведь я пробыл в Усть-Илиме чуть больше месяца ближе к концу весны. И то ещё всюду лежал снег, а холод ранним утром обжигал горло. Зимой же здесь дыхание, казалось, сразу же осыпается инеем под ноги.

Как бы тепло я не одевался, а холод, всё равно, забирался под шубу и несколько свитеров. Я запахивался поплотнее, поправлял шарф, но ничего не спасало от чудовищного мороза. Тем более сейчас, когда мы стояли посреди тайги и ждали бандитов Вепра. И как только Гневомир ещё не обратился в ледышку. Он ведь был одет в ту же шинель, что носил в Котсуолде, да натянул поверх сапог валенки. В остальном же рядом со мной стоял тот же самый блестящий урдский офицер. Царской армии, конечно.

За нашей спиной переминались с ноги на ногу анархисты. Это были только выходцы из Урда, бежавшие в Котсуолд, когда народная власть начала брать конкурентов за горло. Слекджов и остальные коренные котсуолдцы не отважились ехать на самый север Урда. Ведь там по меткому выражению Слекджова кишки в брюхе леденеют.

Проведя всего четверть часа на зимнем морозе, я был склонен с ним согласиться.

В этот раз из тайги первым вышел Вепр, одетый в ту же генеральскую шинель и лаковые сапоги под валенками. Рядом с ним шагал зверообразный Избыгнев. Кажется, за прошедшие месяцы он даже не переменял одежды. Так и ходил в том же простреленном, пропитанном кровью тулупе.

Следом выходили и остальные бандиты. Их было намного меньше, чем в прошлый раз. И выглядели они сильно отощавшими. Но глядели по-прежнему волками. В руках обрезы. За поясами ножи с топорами. У других — пашки. В общем, почти не поменялись с нашей прошлой встречи.

Но всё же, полученные Гневомиром в Усть-Илиме сведения оказались вполне правдивы. Чоновцам удалось сильно потрепать бандитов Вепра. Им устраивали засады в деревнях и на хуторах. Всадники Духовлада гнали их до самой тайги. А часто преследовали и дальше, несмотря на то, что кони могли переломать ноги о корни. Ветви же легко могли сбить с седла неосторожного. Лихих чоновцев Духовлада это не останавливало.

— С чем пожаловали, гости дорогие? — в какой-то почти шутовской манере поинтересовался у нас Вепр.

— Я пришёл от Вадхильда, — ответил я заученной фразой и обращался не к предводителю разбойников, а к его правой руке.

Избыгнев продолжал глядеть зверем, но в глазах его я заметил искорки интереса. И удивления.

— Пора изъять вещество с прииска, — продолжал я. — Поступили сведения о том, что Народный комитет слишком сильно заинтересовался им. Источник вещества изымут и передадут в ведение наркомата медицины. Его будут использовать как средство для анестезии.

— А где сам Вадхильд?

Эти слова произвели эффект не то разорвавшейся бомбы, не то грома с ясного неба.

Бандиты и сам Вепр уставились на заговорившего Избыгнева. Голос у правой руки главаря разбойников оказался, как и положено, низким и хриплым. Как будто связки его уже

почти забыли свою работу. Да, собственно, так оно почти и было.

— В Блицкриге, — ответил я всё теми же заученными до дыр репликами. — Из-за провала под Соловцом сидит под арестом. Сейчас его начальство решает, не является ли этот провал следствием его измены.

— А ты как тут?

— Он отправил меня на Север до того, как его самого отправили под арест.

— Ты понял теперь, кто при тебе находится! — воскликнул Гневомир. — Баджей сожжён. Адмирал погиб в Котсуолде. А Блицкриг использовал это как повод для нападения на нашу родину!

— Эти тут при чём тогда? — Вепр глянул на своего заговорившего помощника.

— Блицкриговские шпионы они, — ответил Гневомир. — Они и тебя используют, а после выкинут за ненадобностью.

— Вот, значит, как... — протянул Вепр. — Шпионы, значит. И я теперь их пособник. Оно, конечно, ничего, и так под вышкой хожу. Но...

Он вдруг выхватил револьвер. Ствол оружия смотрел точно между глаз Гневомира. Тот даже не шелохнулся.

— Крепкие у тебя нервы, — кивнул Вепр.

Я сам выхватил пистолет из кобуры на поясе. За нашими спинами защёлкали затворы карабинов, которыми были вооружены анархисты. Бандиты и Избыгнев тоже взяли оружие наизготовку.

Теперь всё начнется, как только прозвучит первый выстрел. И пускай бандитов меньше, чем было в нашу первую встречу, нам вряд ли суждено победить в этой схватке. Весь рискованный план пошёл насмарку. У нас и так было не слишком много шансов на успех, но теперь и они растаяли, словно дым.

А вот того, что сделает в следующую секунду Вепр, не ожидал никто. Не глядя на первого помощника, не открывая взгляда от Гневомира, он нацелил револьвер в висок Избыгнева. И нажал на курок. Выстрел опалил растрёпанные, грязные волосы Избыгнева. Пуля пробила голову насквозь. Кровь и мозги брызнули фонтаном. Избыгнев покачнулся, но продолжал стоять на ногах.

Все мы замерли, раскрыв рты. И бандиты. И анархисты. И мы с Гневомиром.

Один только Вепр продолжал действовать. Увидев, что пуля в голову не убила его бывшего первого помощника, он быстро сунул револьвер в кобуру, выхватил саблю. Обрушил могучий удар на череп Избыгнева. Один. Другой. Третий. Голова Избыгнева раскололась словно орех. Кровь полилась рекой. Однако Избыгнев даже не попытался защититься. После пятого удара он упал на колени, словно подрубленное дерево. Ещё после трёх ударов голова его развалилась на две половины.

Вепр вытер клинок о тулуп Избыгнева.

— Вот так-то, — сказал он, обращаясь по большей части к своим бандитам. — На шпионов работать не буду! Все всё поняли! — Он провёл клинком полукруг, указывая концом его на разбойников. — Эта заграничная сволочь ездил на нас! Я может и презирал вас раньше. Быдлом считал. Но я — свой, урдец! А он, — Вепр пнул тело Избыгнева, — сволочь заграничная. Мы с косорылыми бились, а они — наживались на этом! Хватит с меня! Со всех нас этого обмана и воровства хватит! Нас чоновцы в тайгу загнали. В самую глубь. Пошумели мы славно, но пора расходиться. Шумнём ещё раз — напоследок — на бывшем моём прииске и расходимся. Уходите в тайгу. Будете зверя промышлять. Жить, как

привыкли. Не скоро ещё туда народная власть доберётся.

Он спрятал саблю в ножны. Снова поглядел на своих людей.

— Выводите лошадей, — добавил он. — Не жалко их — всё равно уже клячи ледащие. Сами передохнут скоро. Пошумим напоследок! Покажем народной власти, что мы ещё можем!

Бандиты, которые, кажется, ничего не поняли, сначала только головами крутили. Но когда Вепр крикнул насчёт пошуметь напоследок, поддержали его криками. Замахали обрезами и топорами.

Они вывели из леса лошадей. Те, и правда, выглядели не лучшим образом. Зимой в этом лесу и человеку прокормиться тяжело, не говоря уже о коне. Но их всё равно было больше чем бандитов. Так что хватило и нам с Гневомиром. И анархистам.

Мы пустили коней с места в карьер. Помчались к секретному объекту народников. На паре вьючных лошадей, взятых в Усть-Илиме, везли ящики с динамитом.

Я вспомнил свой налёт на этот объект. Да уж, был у нас сейчас «Носорог» задача сильно упростилась бы. Однако тяжёлого аэроплана у нас не имелось. Придётся обходиться тем, что есть.

Я был скверным наездником. И мне тяжело было держать взятый Вепром темп. А уж о том, чтобы стрелять с седла, нечего и думать. Только патроны зря растрочу. Саблей же или пашкой я умел разве что размахивать. Толку опять-таки никакого.

В общем, на первом этапе налёта на секретный объект народников от меня не было никакого проку. Я, как и Гневомир, и анархисты, держались подальше от нестройных первых рядов атакующих бандитов. Поближе к нашим запасам динамита. А разбойники между тем весьма ловко расправились с часовыми. Кое-кто из них оказался весьма умел в обращении с саблями и тяжёлыми пашками. На острие атаки находился, конечно же. Вепр.

Могучим ударом сабли он срубил одного часового у ворот. Второй успел только винтовку поднять, но та не защитила его. Скачущий рядом с Вепром разбойник разрубил пашкой стальной ствол винтовки. Клинок глубоко погрузился в тело бойца в богатырке.

Тяжёлые створки ворот закрывались, но слишком медленно. Многие бандиты успели влететь внутрь — и теперь азартно рубили народников, навалившихся на ворота. Другие спрыгивали с сёдел. Укрываясь за своими конями, они открыли огонь.

Всё больше бандитов проходили через ворота. Пришёл и наш с анархистами черёд. Анархисты стреляли из карабинов и пистолетов. Швыряли в подбегающих народников ручные бомбы. Те взрывались, разбрасывая бойцов в богатырках в разные стороны. Взрывы были чрезвычайно мощными. Всего пары адских машин хватало, чтобы подорвать пулемётные вышки.

— Вперёд! — прокричал Гневомир. — К главному зданию! Скорее!

Вот так, не сходя с сёдел, под взрывы адских машин анархистов, выстрелы винтовок и пулемётные очереди, мы ворвались в самое большое здание секретного объекта народников.

Перед ним, конечно, пришлось спешиться. На земле и в предбаннике валялись мертвецы в форме Народной армии. Судя по всему, охрану комплекса анархисты просто закидали бомбами. Народармейцы ничего сделать просто не успели. На шинелях их красовались жуткие дыры с подпаленными краями. Тела некоторых ещё дымились.

— Ящики внутрь! — командовал Гневомир. — Вепр, держите оборону! Дайте нам время, чтобы взорвать этот комплекс ко всем чертям!

В это время разбойники Вепра тащили к входу в комплекс захваченные у народников

пулемёты. Устанавливали их, сооружая для защиты баррикаду из мебели и тел народармейцев.

— Только уж и вы поспешите! — крикнул нам Вепр, вставая в полный рост за баррикадой с револьвером в одной руке и саблей в другой. — Долго мы косорылых не удержим. Гранатами закидают и дело с концом.

— А на этот случай мы останемся, — усмехнулся анархист в толстой шубе и сдвинутой на затылок тёплой меховой шапке. — Бомб у нас хватит не на один такой косорылый гарнизон!

С ним остались у входа с пятеро анархистов. Под ногами их лежал целый ящик адских машин.

Мы же подхватили взрывчатку и рысью побежали внутрь комплекса. Время было чрезвычайно дорого. Каждая секунда на счету. Тем более, что бежали, что называется, по наитию. Никто из нас не знал, что именно мы должны уничтожить и где оно находится.

Ответы на все вопросы мы получили быстро. За прочными дверями, закрытыми на засов, мы обнаружили полутёмное помещение. В центре его стоял здоровенный чёрный камень с красноватыми прожилками. Он был единственным источником света в комнате. И потому оценить её истинные размеры мы смогли, только когда внезапно загорелся свет.

Мне никогда раньше не доводилось видеть столь яркого света. Даже электричество не давало его. Как будто разом загорелись несколько сотен, если не тысяч лампочек. И я не мог понять источника этого яркого света.

— Готовьте взрывчатку! — воскликнул Гневомир. Но было поздно.

Два десятка вооружённых странными винтовками человек нацелили на нас своё оружие. Они выскочили из других дверей, ведущих в это помещение. А перед камнем стоял высокий человек в белом халате поверх костюма.

— Сложите оружие, товарищи налётчики, — велел он. — Иначе мои ребята в считанные секунды нашьигуют вас свинцом. Им уже не терпится сделать это.

Нас было больше, но уж слишком уверенно говорил человек в белом халате. И оружие у новых врагов, хоть и одетых в форму Народной армии, было каким-то слишком странным. Мы опустили карабины и пистолеты. Только взявшийся с взрывчаткой Гневомир не спешил подниматься.

— Руки! — в голосе человека в белом халате зазвенел металл. — Оружие на пол!

Мы были вынуждены сложить оружие. Даже Гневомир поднялся.

— Вот так-то лучше, — протянул человек в белом. — Значит, это вы наследили в Котсуолде. Неплохо вы там поработали. Обезглавили нашу сеть на острове. А вот Вадхильд — отработанный материал. Его не жаль.

— Да кто вы такие?! — вскричал я. Мне надоели эти длинные речи и непонятные слова.

— Мы — передовой отряд нашего государства, — ответил человек в белом халате. — Подбросили вам вот это самое вещество. Здесь, — он поскрёб камень пальцами, — у меня под ногтями достаточно его, чтобы одурманить целый город! С его помощью мы обращаем варваров, вроде вас, в наших рабов. Это — куда дешевле, чем завоёвывать миры. Даже отстающие от нашего в развитии. Как ваш, например. Мы не льём свою кровь. Вы сами убиваете друг друга за это вещество. Сами себя обращаете в рабов. Нам остаётся только прийти и стать господами господ. Долго? Может быть, и так. Зато не стоит Единению ничего. Двухсотпроцентная прибыль!

— Может быть, и так, — произнёс за моей спиной Гневомир, — но кое-чего вы всё-

таким не учили в своих планах.

Он протолкался мимо нас, так чтобы его от человека в белом халате никто не отделял. Я понял, что сейчас произойдёт. Приготовился сунуть руку за пазуху. Там лежал в кобуре второй мой пистолет. К безнадежной схватке начали готовиться и анархисты.

— И чего же мы не учили? — заинтересовался человек в белом халате.

— Нас!

Гневомир из-за головы швырнул сразу две анархистских бомбы. Одновременно люди со странными винтовками открыли огонь короткими очередями. Мы выхватили оружие. Но выстрелить в ответ почти никто не успел. Бомбы взорвались, расшвыряв нас в разные стороны.

Одна адская машина упала прямо под ноги человеку в белом халате. После взрыва от него не осталось и памяти. Его людей раскидало. Сильно посекло осколками. Всех контузило.

Гневомир каким-то чудом сумел устоять на ногах и теперь стрелял из своего крупнокалиберного револьвера. Я, как и ещё пара анархистов, сумел встать на колени. Тоже принялись стрелять. Врагам досталось намного сильнее. Почти все они были мертвы. Некоторые катались по полу, держась за оторванные взрывом конечности. Но те, кто ещё мог стрелять, открыли по нам ответный огонь.

Очереди этих самозарядных винтовок косили анархистов. Одна пуля пробила ногу Гневомира. Он упал на колени, но успел всадить заряд прямо в скрещённые косу и молот на богатырке врага. Я застрелил ещё одного. Стреляющий, не поднимаясь с пола, анархист прикончил третьего. Но тут короткая очередь убила его.

И всё же, мы сумели перебить врагов. Только вот осталось нас всего двое. Я и Гневомир. Он был ранен в ногу. Правая рука моя повисла плетью. Но кое-как мы доковыляли до камня, высящегося в центре помещения. Подтащили к нему ящики с взрывчаткой. Гневомир снова присел над ней.

Возился долго. Я успел кое-как перетянуть себе руку заранее припасённым бинтом. А Гневомир всё колдовал над ящиками с динамитом. Я решил задать ему интересовавший меня вопрос. Всё равно, мне делать уже нечего.

— Ты откуда достал эти бомбы?

— Из башлыка, — ответил Гневомир, не отвлекаясь от работы, — пока сидел над ящиками там, у входа, за вашими спинами, успел достать пару и сунул в башлык. Гадал вот, пока через вас протолкался, вырвутся концы его из-за пояса или нет.

С моей помощью, он поднялся на ноги.

— Идём, — кивнул мне. — Взрыватель я выставил на три минуты.

Морщась от боли, переступая через трупы, мы покинули злосчастное помещение. Закрыли за собой двери на засов.

Взрыв настиг нас на середине коридора. Взрывчатки анархисты явно не пожалели. Нас с Гневомиром бросило на пол. Оба мы зарычали от боли. Однако поднялись — и направились дальше к выходу. Оттуда уже не доносилась стрельба. Значит, с Вепром и его людьми покончено. Нас там ждут очень злые бойцы Народной армии. И мандат всесильного товарища Огнедара вряд ли спасёт.

Однако у входа мы нашли только трупы.

Бойцы Народной армии штурмовали комплекс, а разбойники Вепра с парой пулемётов и бомбами удержали его. Отбили все атаки. Но и сами полегли до последнего.

Вепр сидел, прислонившись к стене. Генеральская шинель его почернела от крови. Сабля сломана. Револьвер зажат в пальцах мёртвой руки. Голова склонилась на грудь.

— Уже в коридоре остановили народников, — вздохнул Гневомир. — Сколько народу положили из-за этих сволочей.

По двору секретного объекта неприкаянными призраками бродили кони. Только им удалось пережить эту страшную битву.

— И что теперь? — спросил я у Гневомира.

Ледяной воздух обжѐг лёгкие. Но и немного притупил боль в простреленной руке.

— Этих гадов, — Гневомир махнул за спину, в сторону главного здания комплекса, — слишком много осталось. Я всё ещё страж Революции. И моё дело — вывести их до последнего в Народном государстве. Если повезет, то и не только.

Он болезненно застонал, неосторожно опершись на простреленную ногу.

— А ты теперь как?

— Руки у меня на месте, хоть и простреленные. Подлечить их надо — и хоть сейчас снова за штурвал. Я так понимаю, что ты будешь много носиться по всему Урду, а может и за границу Народного государства. Тебе ведь понадобится хороший летун.

— Хорошие летуны, — нашѐл в себе силы усмехнуться Гневомир, — всегда нужны.

Я помог ему сесть на коня. Кое-как, не без его помощи, и сам забрался в седло. Мы пустили лошадей шагом. Медленно. Главное, прочь от этого проклятого места.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Высший суд или Суд кайзера — высшая судебная инстанция Дилеанской империи, председателем его, пускай и формально, является сам император. Его подпись стоит на всех решениях этого суда. А потому обжалованию они не подлежат.

Абшид (Abschied «отставка, увольнение») — увольнение со службы, отставка; письменное свидетельство об увольнении, отставке

Приписывается Дантону.

ЧОН — часть особого назначения.

М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита».

Косорылые — уничижительное прозвище урдских революционеров. Получено из-за герба Народного государства — скрещённых косы и молота с башенной короной над ними.